

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

107

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

107

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарёва,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Д. А. МАЧИНСКИЙ

К ВОПРОСУ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Незадолго до рубежа н. э. на обширных территориях в бассейнах Днепра, Припяти, Десны, занятых в предшествующее время памятниками зольничной, милоградской и поморской культур, появляются своеобразные памятники, известные под названием зарубинецких. В это же время в бассейне Днестра и Прута, входивших в основном в область распространения гетской культуры, возникают так называемые памятники типа Поянешты — Лукашевка, по ряду признаков близкие зарубинецким. Таким образом, к рубежу н. э. во многих лесных и лесостепных областях юго-запада Европейской части СССР, занятых в предшествующее время совершенно различными культурами, распространяются очень сходные между собой археологические памятники.

Из многочисленных гипотез происхождения зарубинецкой культуры лишь одна, принадлежащая Ю. В. Кухаренко², основана не на отдельных, взятых изолированно наблюдениях и фактах, а на привлечении массового материала, происходящего с различных зарубинецких памятников. Проведенный автором настоящей статьи анализ «зарубинецких» материалов позволяет утверждать, что основной тезис гипотезы Ю. В. Кухаренко, гласящий, что зарубинецкая культура в своей основе является дальнейшим развитием продвигающейся на восток поморской культуры, является правильным. Однако в ряде существенных положений наша концепция происхождения зарубинецкой культуры отличается от концепции Ю. В. Кухаренко. И хотя приведенный нами анализ материалов еще не нашел достаточного отражения в печати³, мы попытаемся изложить в сжатой форме некоторые соображения относительно происхождения зарубинецкой культуры, основанные на результатах этого анализа.

Все памятники зарубинецкого типа и территориально, и по материалу довольно отчетливо делятся на четыре группы: западнополесскую (западное Полесье и северная Волынь), среднеднепровскую (бассейн среднего Днепра, Десны и Сейма), верхнеднепровскую и прутско-днепровскую (памятники типа Поянешты — Лукашевка). Обычно под понятием «зарубинецкая культура» объединяют лишь три первые группы, не включая в это понятие памятники бассейна Днестра и Прута. Однако материал дает основа-

¹ Доклад на группе славяно-русской археологии ЛОИА 22.XII 1964 г.

² Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1, стр. 289—300.

³ Д. А. М а ч и н с к и й. К вопросу о хронологии, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты — Лукашевка. Сб. «Археология Старого и Нового света». М., 1965.

ния для иного толкования этого понятия. Действительно, все четыре группы памятников имеют ряд общих черт, из которых важнейшими являются следующие: 1. Повсюду, за исключением части поречья Десны, памятники зарубинецкого типа появляются одновременно в пределах второй половины II — начала I в. до н. э. 2. Как показывает горизонтальная стратиграфия, в могильниках наблюдаются сходные этапы развития — первый, когда еще сильны архаические поморские элементы, однако уже чувствуется и влияние кельтской и пшеворской культур, и второй, когда окончательно складывается собственно зарубинецкая культура. Оба эти этапа относятся еще ко времени до рубежа н. э. Третий этап (I в. н. э.) характеризуется усилением античного и западного влияний и прослежен лишь на памятниках трех первых групп, так как прутско-днестровская группа прекращает к этому времени свое существование. 3. Для всех групп характерны бескурганые могильники, где господствующим обрядом погребения является трупосожжение, при этом в большинстве случаев пережженные кости очищаются от остатков погребального костра. 4. Поселения повсюду небольших размеров. 5. Имушественное и социальное расслоение для первых этапов не прослеживается, инвентарь погребений беден, импортные изделия, за исключением бус, в погребениях отсутствуют. 6. Характерной деталью одежды являются фибулы, из которых повсеместно распространены среднелатенские типа В (по Ю. Костшевскому) и зарубинецкие, хотя последние не характерны для прутско-днестровской группы. 7. Для всех групп на раннем этапе характерно сочетание «хрповатой», бугристой и лощеной керамики, причем на могильниках преобладают лощеные, а на поселениях — грубые сосуды. 8. Среди грубой керамики общей для всех групп формой является большой горшок, украшенный на плечиках орнаментированным валиком, отделяющим верхнюю, обычно заглаженную, часть сосуда от нижней, обычно «хрповатой». 9. В погребениях двух ранних периодов почти не обнаружено оружия, лишь изредка встречаются копья, мечи отсутствуют, наконечник стрелы и удила встречены лишь однажды. Все эти черты, в своем комплексе резко отличающие памятники зарубинецкого типа от памятников всех других культур Восточной Европы, предшествующих или синхронных зарубинецким, находят себе аналогию и объяснение, если мы обратимся к памятникам поморской культуры, занимавшей в IV—II вв. до н. э. территорию в бассейне Вислы, Одера, верхнего Днестра и верхней Припяти. Эти-то общие черты, объясняющиеся единством происхождения всех памятников зарубинецкого типа, и позволяют нам включать в понятие «зарубинецкая культура» в широком смысле слова все четыре вышеперечисленные группы памятников.

Особенно же большая близость прослеживается лишь между двумя группами памятников: среднечереповской и западнополесской. Только на могильниках этих двух групп наблюдается постоянное сочетание ямных и урновых захоронений (правда, в различной пропорции), только в Полесье и на Среднем Днепре для первых двух этапов характерен устойчивый набор посуды при погребении, часто состоящий из трех, реже четырех сосудов, в состав которых, как правило, входят высокий горшок, кружка и миска; только в этих группах, по-видимому, на втором этапе наряду с господствующим трупосожжением появляются захоронения черепов, только для этих двух групп характерны маленькие лощеные кубки и миски на высокой ножке, только здесь прослеживаются все основные этапы развития «зарубинецкой» фибулы. В могильниках обеих групп на раннем этапе встречаются близкие к поморским сосуды с вертикальной горловиной, для обеих групп характерен орнамент в виде налепных подковок. И в строгом смысле слова под зарубинецкой культурой следует понимать именно эти, особо близкие группы памятников, в одну из которых (среднечереповскую) входит и зарубинецкий могильник, давший название всей культуре.

Между всеми четырьмя группами зарубинецких памятников наряду со

сходством наблюдаются и существенные различия, что отмечалось уже некоторыми исследователями. Не задаваясь целью свести и перечислить все черты различия, существовавшие, возникавшие и исчезающие на разных этапах между различными группами зарубинецких памятников, мы хотим остановиться на одном, до сих пор не затронутом вопросе: существовали ли заметные различия между вышеперечисленными группами памятников изначально или они возникли только с течением времени? Ответ на этот вопрос, ставший возможным после предпринятого нами хронологического расчленения зарубинецкого материала, позволяет по-новому подойти к вопросу происхождения зарубинецкой культуры. Рассмотрим под этим углом зрения две наиболее близкие группы зарубинецких памятников — среднеднепровскую и западнополесскую. Ю. В. Кухаренко указывает лишь на хронологическую разницу между двумя рассматриваемыми группами, полагая, что зарубинецкая культура складывается как единое целое в западном Полесье на базе полесской группы поморских памятников во II в. до н. э. Из западного Полесья лишь в I в. до н. э. носители зарубинецкой культуры передвигаются на Днепр, причем первоначально занимают здесь лишь небольшую территорию, так как, по мнению Ю. В. Кухаренко, бассейны Десны, Сейма и Тясьмина заселяются пришельцами лишь в I в. н. э.⁴

То, что зарубинецкая культура западного Полесья является просто новым этапом в развитии поморской культуры примерно этой же территории, доказано Ю. В. Кухаренко вполне убедительно. Хотелось бы только подчеркнуть, что наряду с усилившимся кельтским влиянием этот этап характеризуется некоторым перемещением части «позднепоморского» населения в более восточные районы западного Полесья. К сожалению, остальные положения концепции Ю. В. Кухаренко не находят подтверждения в материалах. Действительно, в пользу генетической зависимости зарубинецкой культуры Среднего Днепра от зарубинецкой культуры Полесья Ю. В. Кухаренко смог лишь привести данные, говорящие о несколько более ранней по сравнению со среднеднепровскими дате древнейших памятников Полесья, что, конечно, отнюдь не достаточно для обоснования столь важного положения. Да и эта разница во времени между обеими группами памятников крайне незначительна. Исследования в области абсолютной хронологии, на которых здесь нет возможности подробно останавливаться, приводят к выводу, что период формирования зарубинецкой культуры Полесья падает на вторую половину II в. до н. э., а появление зарубинецких памятников на Среднем Днепре относится к концу II в. до н. э. — рубежу II—I вв. до н. э. В конце II в. до н. э. не прекращаются захоронения ни на одном из исследованных полесских могильников, и поэтому нет никаких оснований говорить об уходе какой-то части населения из этих мест. В то же время сравнение материала двух ранних этапов зарубинецкой культуры в Полесье и на Среднем Днепре позволяет построить несколько отличную от предложенной Ю. В. Кухаренко концепцию происхождения среднеднепровской зарубинецкой культуры.

Относительная хронология основных типов фибул и керамики, а также различных типов захоронения устанавливается для зарубинецких памятников Среднего Днепра на основе изучения материалов Корчеватского могильника, погребальные комплексы которого довольно хорошо разделяются на три хронологических группы, из которых первая датируется концом II — началом I вв. до н. э., вторая — I в. до н. э., а третья — I в. н. э. Все прочие зарубинецкие материалы Среднего Поднепровья находят себе достаточно близкие аналогии в том или другом периоде Корчеватого и легко укладываются в его хронологическую схему. И если мы сравним с материалами Корчеватого те зарубинецкие вещи, которые были обнаружены на Тясьмине, Сейме, Нижней Десне, на Левобережье, т. е. в тех районах куда, по мне-

⁴ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 297—299.

нию Ю. В. Кухаренко и других исследователей, зарубинецкая культура проникла лишь в I в. н. э., то увидим, что многие из этих вещей (среднелатенские фибулы из Мануйловки и Басовки, лощенные урны из Пуховки, Мануйловки, Пруссов, Субботова, миски с граненым венчиком из Харьевки, Басовки, Пуховки, «хроповатые» сосуды из Харьевки и Басовки и т. д.) находят себе соответствия в материалах двух ранних периодов Корчеватого и относятся к концу II—I вв. до н. э. И лишь на среднюю и верхнюю Десну зарубинецкая культура проникает действительно позднее, около рубежа н. э. Таким образом, мы сталкиваемся на Среднем Днепре не с постепенным распространением зарубинецкой культуры, а с более или менее единовременным ее появлением не позднее начала I в. до н. э. на довольно обширной территории.

Сравнение материалов раннего периода Корчеватого (и других среднеднепровских памятников) с древнейшими зарубинецкими материалами Полесья⁵ убедительно доказывает, что эти две близкие между собой группы памятников с самого начала отличались друг от друга по целому ряду признаков. Прежде всего нужно отметить, что наследие поморской культуры в каждой из рассматриваемых групп носило несколько отличный характер, при этом на Среднем Днепре некоторые «поморские» черты выступают ярче и сохраняются дольше, чем в Полесье. Действительно, в ранних зарубинецких погребениях на Среднем Днепре, так же как в «поморских» захоронениях, наряду с лощеными часто выступают грубые, «хроповатые» сосуды, тогда как в ранних погребениях в Полесье такие сосуды почти отсутствуют. Характерный для ранних погребений набор лощеных сосудов (горшок, кубок, миска) в обеих группах в целом одинаков и находит соответствие в наборе лощеной керамики, характерном для поморских погребений. Однако если, за исключением керамики, инвентарь среднеднепровских зарубинецких погребений, так же как инвентарь поморских могил, состоит почти исключительно из фибул, а бусы, ножички и булавки выступают лишь изредка, то в Полесье уже во втором периоде наряду с фибулами встречаются многочисленные булавки разных типов и трапециевидные подвески, не характерные для поздней поморской культуры. Важно отметить, что если на зарубинецких могильниках Полесья с самого начала преобладают погребения в ямах и лишь изредка встречаются захоронения в урнах, обычно лощеных, — а, как известно, именно ямный обряд погребения характерен для поморских памятников Полесья, — то среди зарубинецких погребений раннего периода на Среднем Днепре господствуют захоронения в урнах и особый их вариант — погребения «в клёше», когда урной служит огромный (40—55 см) грубый, часто «хроповатый» горшок. Обряд погребения «в клёше» часто встречается в поморских памятниках Повисленья и не зафиксирован пока в Полесье; урновый обряд обычен в Повисленье и в верховьях Западного Буга и относительно редок в Полесье.

Кроме того, обе группы памятников изначально отличаются по ряду черт, говорящих о различной роли внешних влияний и заимствований в сложении каждой из них. Так лощеная керамика среднеднепровской группы несет на себе явные следы влияния пшеворской и оксывской культур, выражающиеся в особом, характерном почти для всех лощеных сосудов этих культур, способе обработки венчика — его огранке. Такой «граненый» венчик в развитом виде встречается преимущественно на зарубинецких мисках, и реже — на сосудах иных типов. Сосуды с таким венчиком встречены на всех раннезарубинецких памятниках Среднего Днепра, в Полесье же они обнаружены в незначительном количестве лишь на одном поселении. Как в Полесье, так и на Днепре зарубинецкая культура испытывает влияние кельтского мира, выражающееся в формах низких мисок и ваз на ножке, подра-

⁵ При сравнении следует помнить, его количество опубликованных погребальных комплексов и целых сосудов из Полесья превосходит в два с лишним раза количество опубликованных погребений и сосудов из Среднего Поднепровья.

жающих кельтским кружальным сосудам, в орнаментации вертикальными расчесами и т. д. Однако на Среднем Днепре кельтское влияние чувствуется сильнее, так как здесь мы сталкиваемся с целой серией лощеных сосудов, шейка и верхняя часть тулова которых в подражание кельтской кружальной керамике орнаментирована горизонтальными утолщениями, валиками, каннелюрами; в Полесье же сосуд с подобной орнаментацией встречен пока лишь однажды. Сильнее сказывается на Среднем Днепре и гетское влияние, выражающееся в наличии на зарубинецких поселениях гетских конических крышек, в обилии более разнообразных и многочисленных, чем в Полесье, пластических украшений (подковок, шишечек) на лощеных сосудах.

Нужно отметить также различие между грубой керамикой обеих групп, встречающейся преимущественно на поселениях. Если в Полесье преобладают сосуды с неорнаментированным венчиком, то на Среднем Днепре край большинства горшков орнаментирован вдавлениями, реже — насечкой. Кстати, этот орнаментированный край остается единственным аргументом сторонников местного среднеднепровского происхождения зарубинецкой культуры, так как анализ материала показывает, что другие «местные» черты, обнаруженные в материалах Корчеватого (труположения, «скифоидные» сосуды с валиком и проколами), связаны с многослойностью этого памятника и не имеют никакого отношения к зарубинецким погребениям. Однако, с одной стороны, горшки с подобной орнаментацией края столь широко распространены в различных культурах последних веков до н. э., в степной, лесостепной и южной частях лесной зоны Восточной Европы, а с другой стороны, весь прочий материал с такой убедительностью говорит об отсутствии прямой преемственности между зольничной и зарубинецкой культурами на Среднем Днепре, что мы склонны предположить, что такая керамика известна у «зарубинцев» еще до их появления на Среднем Днепре, скорее всего в результате контакта носителей поздней поморской культуры с каким-то восточноевропейским населением, жившим к западу от Среднего Поднепровья.

Таким образом, становится ясным, что зарубинецкая культура как Среднего Днепра, так и Полесья представляет собой сложившееся на базе поморской культуры сложное соединение различных культурных влияний и заимствований. Однако на Среднем Днепре зарубинецким памятникам уже в момент их появления здесь присущ целый ряд черт, чуждых или необычных для поморских и зарубинецких памятников Полесья и говорящих о более сильном, чем в Полесье, влиянии западных и юго-западных культур. Таким образом, область первоначального формирования среднеднепровской зарубинецкой культуры следует искать не в Полесье, как полагал Ю. В. Кухаренко, а юго-западнее Полесья, в бассейне верхней и средней Вислы, Западного Буга, верхнего Днестра. Именно здесь на поморских могильниках часто встречаются погребения «в урне» и «в клеше», а ямные относительно редки, именно здесь встречаются, правда, пока немногочисленные, поселения, керамика которых несет на себе следы различных юго-западных влияний. И переселение «раннезарубинецкого» населения из этих областей на восток происходило, вероятно, не по течению Припяти, а более прямым и удобным путем — через южную Вольнь и Подолию.

Еще сложнее обстоит дело с происхождением верхнеднепровской группы зарубинецких памятников. На раннем этапе, кроме перечисленных в начале статьи «общезарубинецких» черт, только обряд захоронения остатков трупосожжения в длинной или круглой яме сближает эти памятники с памятниками двух рассмотренных выше групп; почти единственным типом сосудов в погребении являются маленькие миски, да и те по форме и обработке поверхности отличаются от мисок Полесья и Среднего Поднепровья. Почти совершенно не чувствуется здесь кельтское влияние, начисто отсутствуют следы влияния пшеворской и гетской культуры — здесь нет ни мисок на поддоне, ни граненых венчиков, ни налепов в виде «подковки». Од-

нако несомненно и то, что культура этих памятников не имеет никаких корней в местной милоградской культуре предшествующей поры, и многие элементы культуры — такие, как обряд погребения, набор инвентаря, состоящего в ранних погребениях из фибул и бус, наконец, форма мисок и найденные на Чаплинском городище большие «квашеподобные» сосуды с «хрповатым» туловом и валиком на плечах — находят ближайшую аналогию в поздних поморских памятниках. Видимо, мы сталкиваемся здесь с потомками какой-то крайней восточной группы «поморского» населения, развивавшейся несколько обособленно от основного массива «поморских» племен. Опираясь на хронологию фибул, можно полагать, что переселение этого населения на Верхний Днепр произошло примерно в конце II в. до н. э.

Зарубинецкие памятники бассейна Прута и Днестра на раннем этапе, выделяемся лучше всего на могильнике Поянешты, пожалуй, более близки к зарубинецким памятникам Полесья и Среднего Днепра, чем памятники Верхнего Днепра. Наряду с перечисленными выше «общезарубинецкими» чертами их сближает и высокий процент «хрповатой» керамики на поселениях, и орнаментация «подковками», и наличие в погребениях лощеных кружек и сосудов с высокой горловиной. Инвентарь наиболее архаических погребений Поянешты во многом сходен с инвентарем древнейших полесских захоронений. Обряд погребения — в урне, накрытой миской-крышкой, восходит к одному из распространенных в поморской культуре вариантов захоронения и находит, правда, малочисленные аналогии среди погребений полесской и среднеднепровской групп. Основное отличие Прутско-Днестровской группы от других групп зарубинецких памятников заключается в очень сильном влиянии пшеворской (массовое распространение граненых венчиков и ручек в форме буквы X), ясторфской (поясные крючки, некоторые формы фибул) и гетской культур. Анализ материала показал, что памятники Прутско-Днестровской группы генетически связаны с самой западной, силезской группой поморских памятников, подвергшейся сильному влиянию пшеворской и ясторфской культур. Передвижение населения из бассейна Одера в бассейн Прута и Днестра произошло, судя по фибулам, в конце II в. до н. э. или на рубеже II—I вв. до н. э.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сформулировать следующие положения: все группы зарубинецкой культуры с самого начала имеют между собой много общего и генетически восходят к поморской культуре, однако уже изначально между отдельными группами существуют заметные различия, позволяющие рассматривать эти группы как локальные варианты зарубинецкой культуры. Эти различия обусловлены в первую очередь тем, что, вопреки мнению Ю. В. Кухаренко, который полагал, что колыбелью всей зарубинецкой культуры было лишь западное Полесье, а на остальной территории поморской культуры сложилась родственная зарубинецкой пшеворская культура; различные локальные варианты зарубинецкой культуры восходят к различным группам поморских памятников в бассейнах Вислы и Одера, складывались под различными влияниями, продвигались на восток различными путями и вступали в контакт с различными местными культурами. Это передвижение на восток представляется нам, вопреки мнению Ю. В. Кухаренко, не в виде постепенного расселения, а в виде единовременного и стремительного передвижения где-то в конце II в. до н. э. значительных масс населения, передвижения, которое можно рассматривать как один из древнейших эпизодов начинавшегося «великого переселения» народов. Полагаем, что это передвижение было вызвано внешними причинами и стоит в непосредственной связи с такими событиями, как происшедшая в это же самое время в бассейнах Вислы и Одера смена поморской культуры пшеворской, гибель кельтской культуры Средней Силезии, появление пшеворских памятников в бассейне Эльбы и Рейна, поход кимвров и тевтонов от Ютландии до Северной Италии. Однако это тема особой работы.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ
К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАСЕЙНА
ВЕРХНЕЙ ОКИ

Вопрос об этническом составе населения бассейна Верхней Оки является частью большой и сложной проблемы взаимоотношений балтийских, славянских и финно-угорских племен в Восточной Европе, которая не может быть решена только на археологическом материале. В последнее время в освещении этой проблемы все большую важность приобретают данные лингвистической науки. Еще в конце прошлого и начале нашего столетия русские ученые, в частности А. Л. Погодин, занимаясь анализом гидронимии в бассейне Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий, указывали на отдельные названия рек литовского происхождения в бассейне Верхней Оки¹.

Более определенно по этому поводу, как известно, высказывался берлинский славист М. Фасмер², который пришел к выводу о том, что древняя область расселения балтийских племен, помимо позднейших, более западных областей, охватывала также быв. Смоленскую губ. и части Псковской, Тверской, Московской, Калужской, Орловской и, может быть, Черниговской, т. е. бассейны Верхнего Днепра, Великой, Ловати, Волги, Оки и Десны. М. Фасмер указывал на целый ряд названий рек, имевших балтийское происхождение; в бассейне Верхней Оки к ним относились, в частности, Жиздра, Упа, Истра, на которых Фасмер помещал восточных балтов.

С выходом в свет новых работ советских языковедов Ф. П. Филина, В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева задача составления этнической карты бассейна Днепра и Верхней Оки значительно облегчилась. Ф. П. Филин на основании данных топонимики устанавливает, что «территория древних балтийских племен широкой полосой тянулась примерно от низовьев Немана и нижнего течения Западной Двины на восток и одно время доходила до верховьев Днепра, Волги и Оки. Доказательством этого является название рек балтийского происхождения. В бассейне Верхней Оки такими являлись: Истра, Угра, Нара, Упа, Жиздра, Голядь»³.

В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев, к сожалению, не распространили свои исследования на бассейн Верхней Оки, но их вывод о том, что южная граница балтов проходила по р. Сейму и нижнему течению р. Десны, следует принимать во внимание при рассмотрении нашей темы⁴. Вместе с тем для

¹ А. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 91—93, сн. 4.

² M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der Baltischen Stämme. «Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse». Berlin, 1932, стр. 637.

³ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 132—133.

⁴ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 231.

нас интересно заключение этих исследователей о том, что по сравнению, например, с бассейном Сожи в верховьях Угры и Оки балтийская гидронимия встречается несравненно реже⁵.

Однако выводы языковедов могут получить более прочное обоснование в том случае, если подтверждаются археологическими материалами.

В последние годы в советской археологической литературе также появился ряд статей, посвященных этносу лесной полосы Восточной Европы. Так, Х. А. Моора считает, что многочисленные археологические памятники лесной полосы Восточной Европы I тыс. до н. э., городища юхновского, милоградского типа, Смоленщины и бассейна Верхней Оки, являются памятниками восточнобалтийского населения, среди которого выделяется целый ряд племенных групп⁶.

По мнению Х. А. Моора, славянское население на указанной территории появляется в середине и второй половине I тыс. н. э. Памятниками славянской колонизации, которая происходила весьма быстро, являются курганы с трупосожжениями, городища и селища. Среди предметов славянского типа встречаются (вплоть до конца I тыс. н. э.) и вещи балтского характера. Из этого автор делает вывод, что балтское население постепенно влилось в славянское, а не было вытеснено последним, как считал, например, К. Буга⁷.

П. Н. Третьяков, говоря об общности древнейшей культуры населения бассейна Верхней Оки и Верхнего Поднепровья, носителями которой были восточнобалтийские племена, отмечает, что во второй четверти I тыс. н. э. в верховьях Оки также распространились элементы позднерубинцевкой культуры, результатом чего явилась культура «мощинского типа», первоначально сохранявшая черты, присущие культуре древних балтов. Мощинская культура легла в основу раннесредневековой культуры древнерусского племени вятичей⁸.

Автор настоящей статьи в своем исследовании несколько преувеличил влияние зарубинцевкой культуры на культуры местных племен, связывая его со славянизацией населения в бассейне Верхней Оки еще в IV—V вв. н. э.⁹ После выхода в свет книги нами было завершено полное исследование еще двух городищ: у д. Николо-Ленивец, на р. Угре, относящемся к концу I тыс. до н. э. и IV—V вв. н. э., и у д. Дешовки, на Жиздре — III—V вв. н. э.; кроме того, были проведены небольшие раскопки на других ранних памятниках. Полученный материал существенно дополнил наши сведения по истории и культуре племен бассейна Верхней Оки.

Одним из наиболее интересных памятников является городище у д. Дешовки, расположенное на левом берегу р. Жиздры, в 3 км южнее г. Козельска¹⁰. Площадка городища овальной формы занимает мыс, вытянутый с северо-востока на юго-запад и ограниченный двумя неглубокими лощинами. Длина площадки 67 м, ширина у вала 23 м (здесь площадка сильно

⁵ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 234.

⁶ Х. А. Моора. К вопросу о древней территории расселения балтских племен. СА, 1958, № 2, стр. 21, 25, 28, 29.

⁷ К. Буга. Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Zichte der Ortshamen forschung. В сб.: «Streiberg — Festgabe». Leipzig, 1924, стр. 22.

⁸ П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинцевкая культура. СА, 1960, № 1, стр. 43—45; он же. К вопросу о балтах и славянах и области верхнего Поднепровья. «Slavia Antiqua», t. XI, 1964, стр. 26; он же. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. «История, фольклор, искусство славянских народов». Доклады советских ученых на V Международном съезде славистов в Софии. М., 1963, стр. 24.

⁹ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э.—МИА, № 72, 1959, стр. 36.

¹⁰ Раскопки проводились верхнеокским отрядом Славянской экспедиции ИА АН СССР совместно с Калужским областным краеведческим музеем. Материалы раскопок другого памятника — городище у д. Николо-Ленивец частично опубликованы (Т. Н. Никольская. Городище у д. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1, стр. 221).

обрушилась), в самой широкой части — на мысу — 33 м. Юго-западная часть площадки окаймлялась двумя невысокими валами, разделенными ровом глубиной 4,25 м. В настоящее время сохранился только один вал — внешний; почти вся насыпь вала, расположенного на площадке городища, уничтожена (высота вала 2,25 м).

Площадка городища не горизонтальная и имеет склон в северо-восточном направлении, к реке, возвышаясь над ее уровнем на 8—12 м. Северный и южный склоны городища почти отвесны. Площадка городища распаханная. Под слоем дерна толщиной 0,15—0,25 м лежал черный культурный слой толщиной до 2,5 м. Наименьшая мощность культурных напластований отмечена в центральной и западной частях площадки (0,15—0,25 м), наибольшая (до 2,80 м) в северной и восточной, куда слой систематически сползал. Местами между верхним и нижним горизонтами слоя прослежена черная, углистая прослойка толщиной 0,10—0,25 м. Под культурным слоем — светло-серая прослойка предматерикового золистого суглинки, который затем переходит в материк — плотную желтую глину. Площадка городища у д. Дешовки вскрыта полностью (около 2000 кв. м), выснена планировка поселения, характер жилых и хозяйственных сооружений, время существования поселка и материальная культура его обитателей.

Поселение было хорошо укреплено: кроме валов, расположенных с западной стороны, по всему периметру площадки шла деревянная стена («палисад»). Основным типом жилищ были наземные прямоугольные столбовые постройки с очажными ямами или глинобитными очагами, расположенные вдоль северного и северо-восточного склонов городища, а также у вала. В восточной и центральной частях площадки находились преимущественно хозяйственные сооружения (ямы, погребя, круглые в плане полуземлянки, остатки сырродутного горна), в юго-восточной части вскрыта одна прямоугольная в плане полуземлянка. К сожалению, мы не располагаем датированными предметами для разграничения во времени всех типов построек, вскрытых на поселении. Иногда с помощью стратиграфии удавалось установить, что некоторые наземные постройки (с глиняной обмазкой пола и глинобитными очагами) древнее полуземлянок, так как были нарушены при сооружении последних.

В культурном слое поселения, в заполнении жилищ и хозяйственных ям найдено множество предметов быта, домашнего производства и украшений. Среди них — две поделки, известные в памятниках последних веков I тыс. до н. э.: костяная пряжка с неподвижным языком «сарматского типа», подобные которой известны и на древних городищах Поднепровья (Чаплинское)¹¹ и Подмосковья (Троицкое)¹², и глиняная погремушка несколько необычной формы, напоминающей фигуру женщины с положенными на бедра руками¹³. Однако нам представляется, что удревять начальную дату поселения не следует, так как остальные вещи более характерны для начала и середины I тыс. н. э. Сюда относятся маленькие железные листовидные черешковые наконечники стрел с шипами и без шипов (рис. 1, 6), маленькие железные ножи с горбатой спинкой, железная булава в форме «пастушеского посоха» (рис. 1, 5), бронзовые круглые слегка выпуклые бляшки с ушком на внутренней стороне «пьяноборского типа» и, наконец, железные серпы, имеющие незначительную кривизну лезвия и прямой черенок для скрепления с рукоятью, напоминающие скорее большие изогнутые ножи (найдено 8 экз.); лезвие некоторых серпов зазубрено (рис. 1, 7). Все эти

¹¹ П. Н. Третьяков, Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, рис. 14—3.

¹² А. Ф. Дубынин, Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, № 1, стр. 185, рис. 6—9, 10.

¹³ По-видимому, правы польские ученые, считавшие, что глиняные погремушки, являющиеся частой находкой памятников лужицкой культуры, первоначально имели культурное значение, а затем превратились в детские игрушки (Z. K o l o s o w n a. Przedmioty kultu i zabawki z grodu kultury luzyckiej w Biskupinie «III Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w Biskupinie». Poznan, 1950, str. 209).

вещи известны не только на многих других Верхнеокских городищах¹⁴, но и в древнейших поселениях Поднепровья¹⁵, Верхнего Поволжья¹⁶ и Подмосковья¹⁷. На поселении найдено железное огниво в виде пластинки, один конец которой расширяется, а другой завернут в плоскую петлю. Подобные же кресала известны в Дьяковском, Троицком городищах и во многих могильниках муромы. Время их бытования определяется по находке вместе с крестовидной фибулой V — начала VI в. в Когчинском могильнике (Ивановская обл.)¹⁸. К этому же времени, по-видимому, относится и круглопроволочное бронзовое разомкнутое височное кольцо, напоминающее височные кольца восточнолитовских курганов с трупосожжениями¹⁹ и обломок железных удил (рис. 1, 11). Таким образом, верхней датой существования поселения является, очевидно, V в. н. э. В намеченные нами хронологические рамки III—V вв. н. э. укладывается и керамика, найденная на городище²⁰.

Собранная на всей раскопанной площади керамика²¹ изготовлена от руки ленточным способом. Глиняное тесто содержит примесь крупной дресвы, реже мелкоистолченной дресвы или песка. Довольно часто встречались фрагменты сосудов, в тесте которых была примесь шамота; еще чаще встречается дресва и шамот вместе. Обжиг сосудов костровой, однако значительная часть сосудов с примесью дресвы обожжена почти докрасна. На городище найдена посуда двух типов: 1) грубая с шероховатой поверхностью; 2) лощеная и подлощенная.

Посуда без лощения (первая группа). Наиболее распространенной формой являются довольно толстостенные плоскодонные горшки (толщина стенок 5—9 мм) с отогнутым венчиком и выпуклыми плечиками, изготовленные из серой глины с примесью крупной дресвы или шамота с шероховатой или даже с бугристой поверхностью. Днища горшков значительно толще их стенок (толщина до 15—20 мм), диаметр дна меньше верхнего диаметра сосуда, у части фрагментов в нижней части стенок сосудов имеется небольшая выемка. Для большинства сосудов характерны круглые или закругленные очертания дна внутри горшка²². Размеры сосудов значительны: диаметр горла от 14—16 до 22—26 см, высота 26—28 см. Изредка встречаются очень крупные сосуды с диаметром горла 35 см, служившие, очевидно, для хранения запасов.

Подавляющее большинство сосудов неорнаментировано. Однако встречаются фрагменты керамики, покрытые орнаментом: по венчику — разнообразные насечки, зарубки, бороздки, ямки, нанесенные острой палочкой или ногтем; по шейке и плечикам — пальцевые вдавления, ямки, нанесенные ложкой косточкой, отпечатки гребенки, веревочки, прямоугольные или треугольные углубления, нанесенные щепочкой, поставленной прямо или под углом, и т. д.

¹⁴ Т. Н. Никольская, Культура племен..., стр. 26, рис. 12, 5, 10; стр. 106, рис. 37, 2, 3, 7, 8, 9, 11.

¹⁵ П. Н. Третьяков, Чаплинское городище, рис. 13, 5, 7, 9.

¹⁶ О. Н. Бадер, Древнейшие городища Верхнего Поволжья. МИА, № 13, 1950, стр. 124, рис. 43—5.

¹⁷ А. Ф. Дубынин, Указ. соч., рис. 8, 13—15; рис. 9, 5—7, 13, 14.

¹⁸ Там же, стр. 192.

¹⁹ А. Э. Таутавичус, Восточнолитовские курганы. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, стр. 131, рис. 2.

²⁰ Здесь совершенно отсутствует посуда, характерная, например, для нижнего слоя городища у д. Николо-Ленивец (III—II вв. до н. э.) — тонкостенные, почти баночной формы, горшки, изготовленные из серой глины с примесью мелкой дресвы или песка, слабо и неравномерно обожженные (Т. Н. Никольская, Городище у д. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1, стр. 225, рис. 4, 1, 2).

²¹ Статистический учет всей собранной керамики велся по пластам, квадратам и сооружениям; всего учтено 25 тыс. фрагментов.

²² Эта особенность была нами отмечена и при изучении керамики некоторых других городищ: Воротынцево, Николо-Ленивец и т. д., а П. Н. Третьяковым — при рассмотрении посуды Чаплинского городища (П. Н. Третьяков, Чаплинское городище, стр. 149).

Рис. I. Дешовское городище. Вещи из культурного слоя и жилищ

1 — железный серп; 2 — глинная скульптурка головы тельца; 3 — обломок маленького костяного гребня с медным гвоздиком; 4 — обломок бронзовой фибулы (?); 5 — булавка железная; 6 — железный наконечник стрелы; 7 — обломок бронзовой шейной гривны; 8 — пряжка бронзовая; 9 — крючок рыболовный, железный; 10 — глинная погребушка; 11 — обломок железных удила; 12 — пряжка костяная

Во вторую группу входят толстостенные горшки, изготовленные из того же теста, имеющие высокий раструбовидный венчик и резко выгнутые плечики. Поверхность горшков часто заглажена, орнамент, как правило, отсутствует. Обе группы горшков характерны для верхнего культурного слоя городища у д. Николо-Ленивец (рис. 2, 10, 12).

К третьей группе относятся менее толстостенные сосуды, тесто которых содержит примесь мелкой дресвы или песка, и хорошо профилированные: горлышки вогнуты, плечики выпуклые или скругленные, край горшка обычно срезан прямо. Преобладают неорнаментированные горшки меньших размеров, чем сосуды 1-й и 2-й групп.

Четвертую группу составляют мисочки или чашечки. Тесто таких сосудов изготовлено из хорошо промешанной глины, без видимых примесей. Края сосудов чаще всего несколько утолщенные. Разновидностью этой группы являются небольшие, приземистые миски, с шероховатой поверхностью, имеющие почти баночную форму, сходные с лепными сосудами ранних восточнолитовских курганов с трупосожжением²³.

Лощеная и подлощенная посуда, найденная на городище Дешовки, составляет примерно 5%. Форма сосудов разнообразна.

1. Фрагменты чернолощенных горшков с отогнутым венчиком и хорошо выраженными плечами. Кроме крупных массивных горшков, встречаются и сосуды меньших размеров того же типа, но более тонкостенные.

2. В большом количестве на городище найдены обломки чернолощенных и светло-желтого лощения мисок, края которых загнуты внутрь. Поверхность сосудов хорошо обработана. Довольно часто встречаются миски светлого, сероватого лощения.

3. Обломки мисок, преимущественно черного лощения, с прямым цилиндрическим верхом и ребром в нижней части. Этот тип мисок здесь в культурном слое городища занимает незначительное место, зато характерен для верхнего слоя городища у д. Николо-Ленивец (рис. 3, 9, 18).

4. Особую, хотя и немногочисленную, группу составляют лощеные сосуды, поверхность которых обработана плохо и имеет иной оттенок — желтовато-серый, черный, пятнистый. Преобладают мисочки с загнутым внутрь краем и сглаженным ребром в верхней части. Донца сосудов менее разнообразны (рис. 3, 12—17).

Последнюю группу сосудов составляют маломерные или совсем миниатюрные сосудики; некоторые из них являлись, очевидно, тиглями. Сосуды изготовлены из одного куска глины, без примесей или с примесью мелкого песка, форма их довольно разнообразна: горшки, миски, банки. Встречаются лощеные сосудики. Наиболее крупные сосуды имеют высоту 6 см, диаметр горла 4 см, мелкие — высоту 3—4 см, диаметр 2—3 см.

Миниатюрные сосуды Дешовского городища никогда не орнаментировались. Этим они отличаются от подобных же сосудов некоторых других городищ Верхней Оки (гор. Лужки) и Подмосковья (Троицкое), где известны особенно богато и нарядно украшенные сосудики²⁴.

Краткий обзор материальной культуры населения, обитавшего в начале н. э. на Дешовском городке (оборонительные сооружения, типы жилищ, керамика, предметы быта и украшений), позволяет предположить, что этот древний поселок принадлежал патриархальной общине одного из восточнобалтских племен. Дешовское поселение относится к кругу памятников бассейна Верхней Оки начала и середины I тыс. н. э. Наиболее хорошо исследованными среди них являются известное Мошинское городище, раскопанное Н. И. Бульчовым (нижний культурный слой), городище у д. Николо-Ленивец, Свиногово, Воротынцево (верхний слой), Ромоданово (раскопки автора), а на самой Жиздре и по ее притокам — городище у д. Подборки.

²³ А. Э. Таутовичус. Указ. соч., стр. 142, рис. 12, 1, 2.

²⁴ И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища, СА, 1965, № 1, стр. 184, рис. 2.

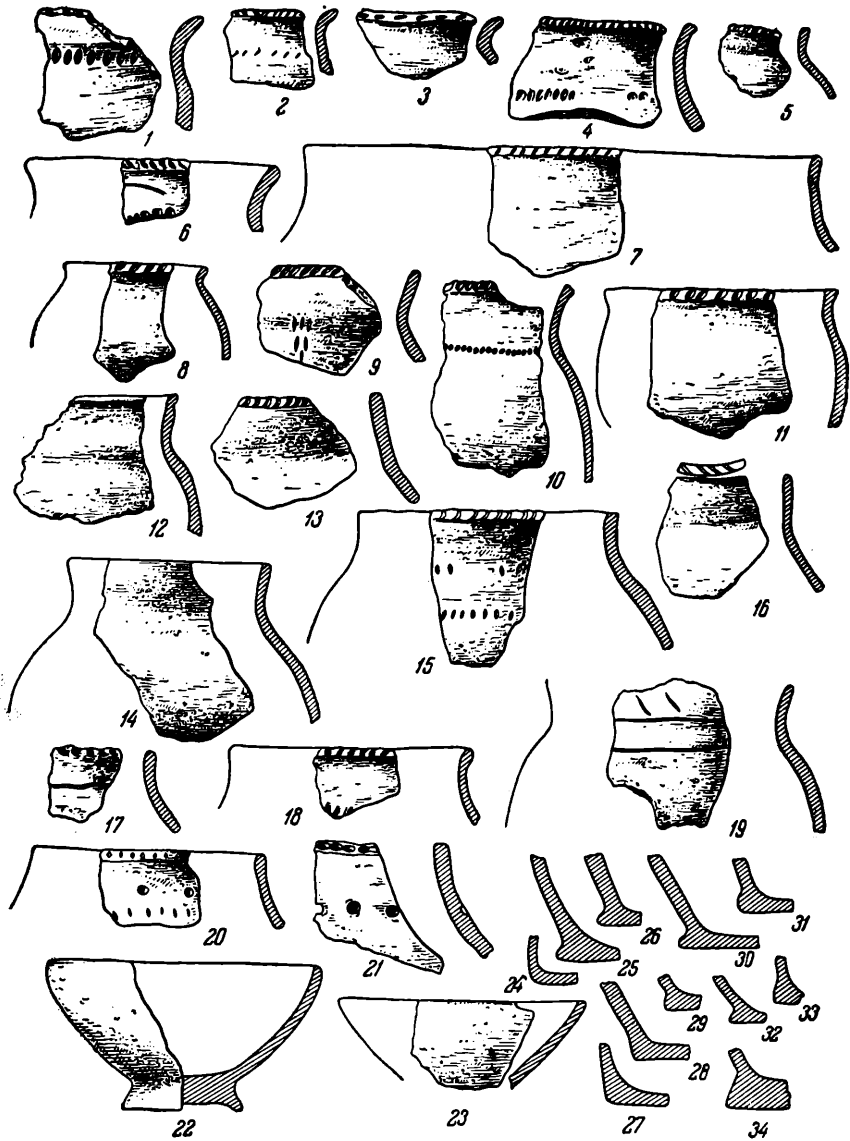

Рис. 2. Дешовское городище

1—9, 11 — керамика первой группы; 24—34 — фрагменты днщ; 13—16, 19 — сосуды второй группы; 17, 18, 20, 21 — фрагменты сосудов третьей группы; 22, 23 — сосуды четвертой группы (№ 10, 12 — городище Николе-Ленивец)

Волконское, Серенск, Плюсково (нижний слой), Вороново (средний слой) и т. д.

Раскопан и ряд курганов, давших материалы, аналогичные городищенским: у д. Шаньково и Почепок (Н. И. Булычев), Воротынцево, Николе-Ленивец, Звягинки, Вороново (раскопки автора), Нижняя Вырка (раскопки К. Я. Виноградова) и др.

В вышедшей недавно интересной книге М. Гимбутас «Балты» автор использует материалы, полученные при исследовании верхнеокских памятников для характеристики культуры восточных балтов²⁵.

²⁵ M. G i m b u t a s. The Baltes. London, 1963, стр. 103 и сл.

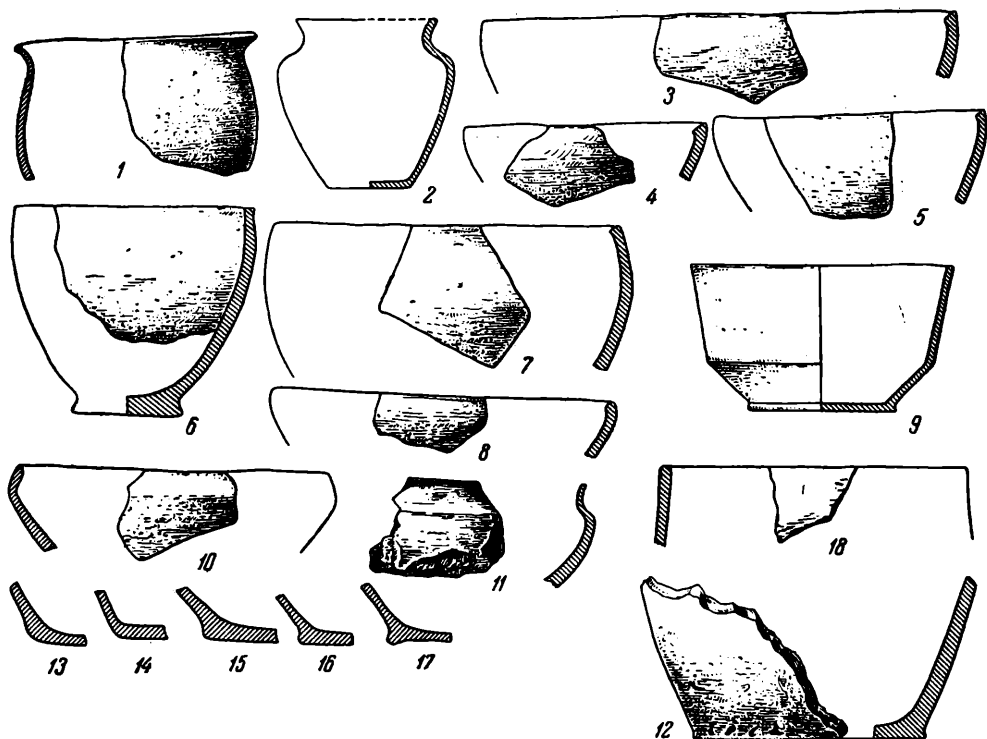

Рис. 3. Дешовское городище

1, 2 — лощенные сосуды первой группы; 3—5 — фрагменты лощеных мисок второй группы; 9, 18 — миски третьей группы; 6—8, 10, 11 — лощеная посуда четвертой группы; 12—17 — фрагменты донцев (№ 2, 9, 11 — городище Николо-Ленивец)

Все эти городища и курганы оставлены, очевидно, родственными племенами, культура которых являлась дальнейшим развитием культуры населения, жившего здесь в предшествующее время. Местные племена в рассматриваемую эпоху развивались в тесном взаимодействии с соседями — населением Верхнего Подесенья и Поднепровья, что сказалось в первую очередь на самом массовом материале — керамике. Так, лепные, толстостенные сосуды с шероховатой поверхностью и орнаментом по краю венчика или плечикам (группа 1-я) напоминают горшки среднего горизонта культурного слоя городища Тушемля²⁶, некоторых селищ и городищ «зарубинецкого типа» в верхнем течении р. Десны²⁷; в последних, особенно в Полужском городище, находят свои аналогии лощеные и подлощенные миски с загнутым внутрь или прямо срезанным краем²⁸. Однако здесь, на Верхней Оке, создается и своя устойчивая форма лощеной керамики — миски с высоким цилиндрическим верхом и ребром в нижней или средней части сосуда.

Новый тип посуды, особенно хорошо представленный в материалах городищ у д. Николо-Ленивец и Свинухово, генетически не связывается с древнейшей керамикой памятников бассейна Верхней Оки и является результатом проникновения элементов соседней зарубинецкой культуры в местную балтскую среду.

²⁶ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 68, рис. 2, 24—26.

²⁷ Там же, стр. 139, рис. 73, 1—6, 9; А. К. Амброз. К истории верхнего Подесенья в I тыс. н. э. СА, 1964, № 1, стр. 58; рис. 2—14, 15.

²⁸ А. К. Амброз. Указ. соч., рис. 2, 19—21.

Ю. А. КРАСНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗНЫХ СЕРПОВ
В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Типология железных серпов лесной полосы Европейской части СССР I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. мало разработана. Их изучение позволяет выделить ряд типов этих орудий, проследить эволюцию и наметить культурно-этническую принадлежность отдельных вариантов, а также сопоставить появление и развитие железных серпов с определенными этапами развития земледельческого хозяйства.

Определенную сложность представляет выделение серпов, особенно ранних типов, из массы сходных с ними по форме орудий — крупных ножей, косарей, кос, которые также могли быть использованы для жатвы. Однако сравнение больших серий орудий, известных по археологическим материалам, а также привлечение этнографического материала позволяет выделить серпы из массы сходных орудий по функции.

При изучении серпов была применена методика, разработанная В. П. Левашовой¹. В качестве основных признаков, по которым выделялись отдельные типы серпов и производилось сравнение их механических свойств, были приняты следующие (рис. 4): 1) размеры серпов, определяемые длиной их основания, т. е. расстоянием по прямой от начала лезвия до его конца (AB); 2) характер скрепления серпа с рукоятью и положение последней по отношению к клинку; 3) величина и характер изгиба лезвия. Величина изгиба лезвия измеряется высотой дуги лезвия (CD) по отношению к длине основания (AB). Характер изгиба лезвия определяется, во-первых, положением вершины дуги лезвия (точка D) по отношению к началу клинка (точка A), во-вторых, углами между линией основания серпа и лезвием у начала (угол A) и конца (угол B) клинка; 4) характеристика изгиба лезвия построением графика с указанием измерений (в ряде точек лезвия) углов между радиусом из точки вращения серпа при работе (точка A) и касательной в этих точках. Эти углы дают представление об углах резания при работе серпом. Такой график позволяет наглядно сравнивать серпы различных типов и судить о преимуществах или недостатках той или иной формы. Чем ровнее будет вычерченная кривая, тем ближе друг к другу будут углы резания в различных точках лезвия, тем, следовательно, ровнее будет затрачиваемое усилие и легче работа данным серпом. Чем ближе будет примыкать кривая углов резания к 50° , тем совершеннее конструкция данного орудия².

Исследовано около 120 серпов из памятников I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. (рис. 5). По совокупности признаков серпы разделяются на семь устойчи-

¹ В. П. Левашова. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, 32, 1956, стр. 60 сл.

² У идеального серпа, к которому приближаются большинство современных и часть древнерусских серпов, углы резания во всех точках лезвия должны быть равны между собой и составлять около 50° (см.: Серп.— ПЭРСХ, VIII. СПб., 1903).

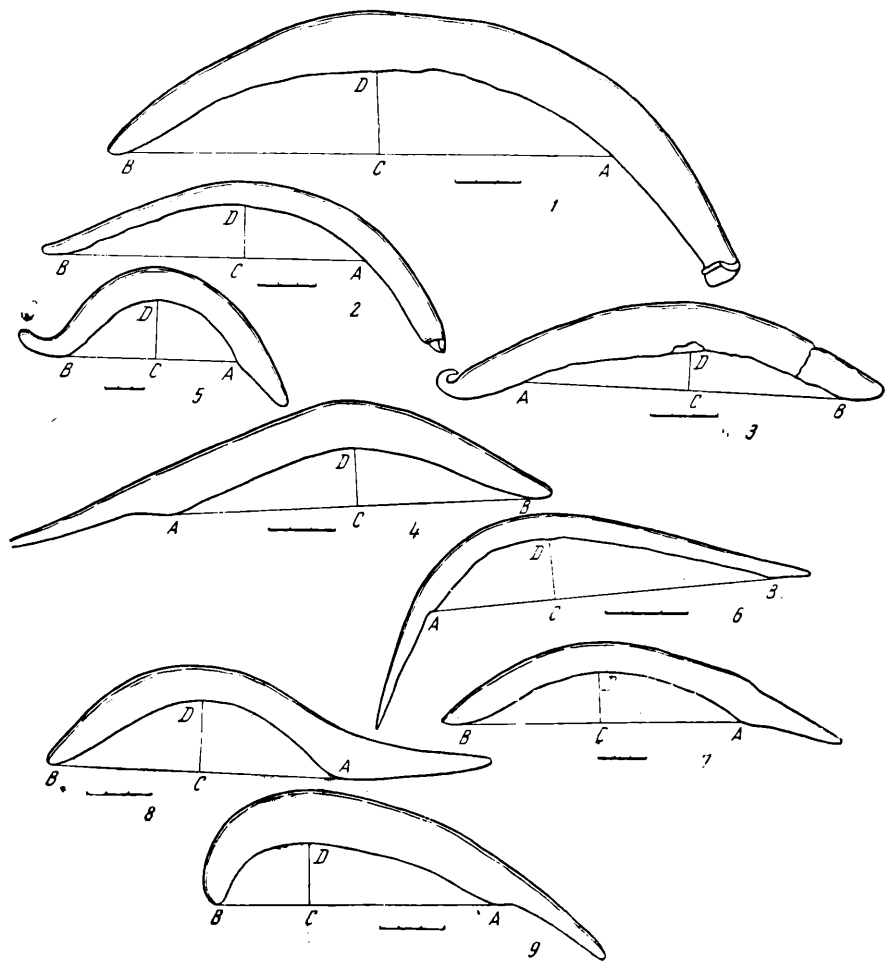

Рис. 4. Типы железных серпов I тыс. до н. э.—I тыс. н. э., распространенных в лесной полосе Европейской части СССР

1 — тип I (городище Кузина гора); 2 — тип II (Горошковское городище); 3 — тип III (городище Березянки); 4 — тип IV (Михайловское городище); 5 — подтип «с загнутым носом» IV типа (Пашувис); 6 — тип V (Огубское городище); 7 — тип VI, подтип 1 (Бородинское городище); 8 — тип VI, подтип 2 (Троицкое городище); 9 — тип VII (Второй Калинешский могильник)

высоты типов, представленных значительным количеством экземпляров. В некоторых типах выделяются подтипы.

По способу скрепления с рукояткой серпы разделяются на три отдела: 1) серпы с отогнутым крючком или шпеньком; 2) серпы с кольцом или загнутой в виде кольца петлей; 3) черешковые серпы. По характеру изгиба лезвия серпы могут быть разделены на симметричные, т. е. такие, у которых вершина дуги лезвия лежит примерно посредине длины основания, и асимметричные, вершина дуги лезвия которых смещена к началу или концу его.

К первому отделу относятся:

Тип I (рис. 4, 1). Симметричные, слабо изогнутые серпы. $AB = 12,5—25$ см, CD в большинстве случаев равно $\frac{1}{7}—\frac{1}{8} AB$, хотя встречаются более и менее изогнутые орудия. Величина углов резания у слабо изогнутых серпов составляет $12—20^\circ$, у более изогнутых — $15—40^\circ$, возрастая довольно плавно (рис. 6, 1—3). Выраженный черешок, как правило, отсутствует. Лишенная лезвия тыльная сторона орудия бывает отогнута вниз от линии

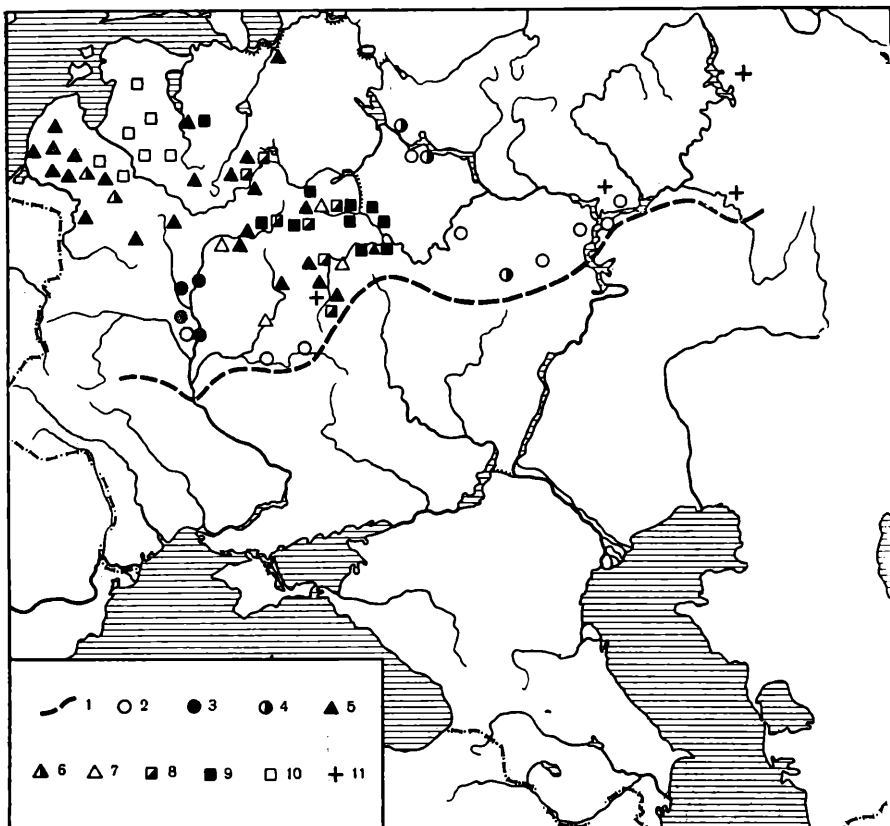

Рис. 5. Схематическая карта распространения типов серпов I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. в лесной полосе Европейской части СССР

1 — современная южная граница леса; 2 — серпы I типа; 3 — серпы II типа; 4 — серпы III типа; 5 — серпы IV типа; 6 — подтип серпов «с загнутым носом» IV типа; 7 — серпы V типа; 8 — серпы 1-го подтипа VI типа; 9 — серпы 2-го подтипа VI типа; 10 — серпы VII типа; 11 — единичные находки серпов

основания, что увеличивало возможность колебательных движений у слабо изогнутых серпов. Такие серпы известны с середины I тыс. до н. э. на юге лесной полосы в Посеймье и Поднепровье³, во второй половине I тыс. н. э. появляются в восточных районах: в Чувашии⁴, на древнемордовских памятниках⁵, на территории Татарской АССР⁶, в ярославском Поволжье⁷. За весь период своего существования серпы этого типа не претерпели значительных изменений как в отношении своих размеров, так и формы. Аналогичные серпы были широко распространены в лесостепных и степных

³ С. С. Березанская. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма. КСИИМК, вып. 67, 1957, рис. 9, 2; А. Е. Алихова. Городища курского Посеймья. МИА, № 113, 1962, рис. 5, 10—12. Моховское городище, раскопки О. Н. Мельниковской.

⁴ Н. В. Трубникова. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958—1959 гг. «Уч. зап. Чувашского НИИЯЛИЭ», вып. XXV, 1964, рис. 12; рис. 14, 11.

⁵ П. Д. Степанов. Итоги раскопок древнемордовских памятников. КСИИМК, вып. 38, 1951, рис. 56; он же. К вопросу о земледелии у древней мордвы. СЭ, 1950, № 3, стр. 116, рис. 5; М. Ф. Жиганов. Старший Кужундеевский могильник на р. Теше. СА, 1959, № 1, рис. 9, стр. 227.

⁶ В. П. Левашова. Указ. соч., табл. XVI, рис. 13; В. В. Жиромский. Древнеродовое святилище Шолом. МИА, № 61, 1958, рис. 9, 3; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, № 80, 1960, стр. 224.

⁷ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, рис. 33, 20—21.

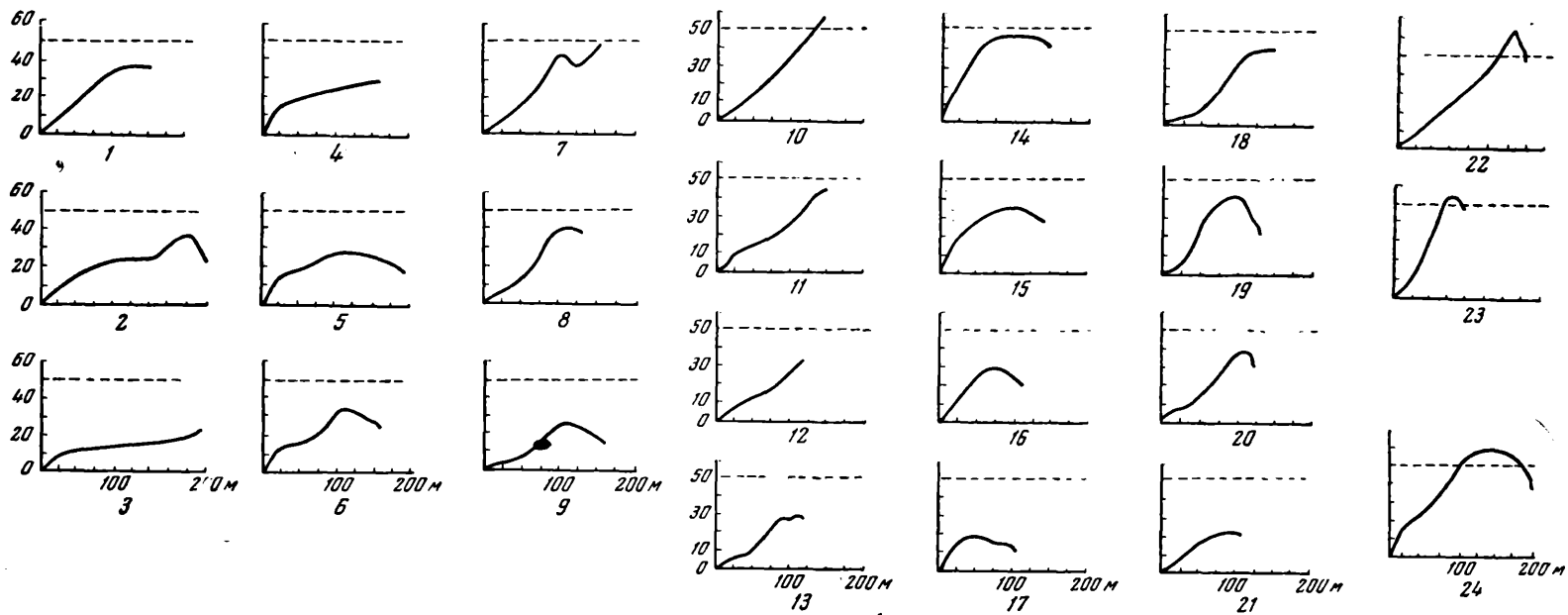

Рис. 6. Графики изменения углов резания серпов различных типов

1—3— I тип (Попадьинское селище, городище Кузина гора); 4—6— II тип (Горшковское и Чаплинское городище); 7—9— III тип (Крюково-Кужновский могильник, Попадьинское селище, городище Березники); 10—13— IV тип (Дегентин, Щербинка, Подгай, Михайловское); 14—17— V тип (городища Тушемля, Троицкое, Огубское, Почепское селище); 18—21— VI тип (городище Троицкое, Бородинское, Надежда); 22—23— VII тип (Злате, Конгрос III); 24— ранний серп современного типа (Воропнишки)

районах в скифское время⁸ и доживают до VII—VIII вв. н. э.⁹ Очевидно, именно в этих районах, включая Посеймье, и сложился данный тип серпа. В литературе принято называть такие серпы скифскими.

Тип II (рис. 4, 2). Асимметричные серпы, близкие к серпам I типа, но отличающиеся от них характером изгиба лезвия, при котором вершина дуги лезвия смещена к началу клинка, причем $AC = \frac{2}{5} - \frac{1}{3} AB$ и соответственно угол *A* больше угла *B*. Эта особенность увеличивала углы резания для начальной части клинка, делая серп более производительным. $CD = \frac{1}{8} - \frac{1}{5} AB$, углы резания для большей части лезвия изменяются от 20 до 30°, быстро возрастаая для начальной части клинка (рис. 6, 4—6). Эти серпы представляются в целом более развитыми, чем серпы I типа. К ним относятся почти все серпы с поселений милоградской культуры¹⁰ и Чаплинского городища¹¹, они локализируются, таким образом, в южной части верхнего Поднепровья, а время их бытования охватывает вторую половину I тыс. до н. э. и начало I тыс. н. э. Трудно сказать, являются ли серпы II типа дальнейшим развитием «скифских» серпов I типа. Серпы с аналогичным изгибом лезвия и таким же способом крепления рукояти известны на западе, в частности на территории Польши, с последних веков до н. э. до VII—VIII вв. н. э.¹² Крепление рукояти при помощи закраин, встреченное на одном из серпов Чаплинского городища, также известно в Средней Европе¹³.

Ко второму отделу относится лишь один, III тип (рис. 4, 3). Это — симметричные серпы, $AB = 16 - 17$ см, $CD = \frac{1}{8} - \frac{1}{4} AB$, величина углов резания изменяется в пределах от 5—12° до 25—50°, в зависимости от степени изогнутости орудия (рис. 6, 7—9). В лесной полосе известны в Ярославском Поволжье¹⁴ и Мордовской АССР¹⁵, датируются от III—V до VII—X вв. н. э. Происхождение их следует связывать с югом Восточной Европы, где они известны еще в скифское время¹⁶ и доживают до конца I тыс. н. э.¹⁷ По-видимому, такие серпы здесь восходят к более ранним серпам срубного времени¹⁸.

В отдел черешковых серпов входят четыре типа.

Тип IV (рис. 4, 4). Симметричные серпы, ось черешка которых составляет продолжение оси начальной части клинка. График углов резания представляет равномерно возрастающую до 25—60° слабо изогнутую кривую (рис. 6, 10—13). Серпы этого типа известны на территории Литвы¹⁹, Бело-

⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре.— МИА, № 36, 1954, рис. 14; П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железного века. МИЗ, вып. 1. М., 1952, стр. 82; Е. А. Пузаков. Серп из поселения Сердюково Харьковской обл. СА, 1959, № 1, рис. 1; М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— КСИИМК, вып. 59, 1955, рис. 41, 11—12.

⁹ В. И. Довженко. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, стр. 33.

¹⁰ О. Н. Мельниковская. Древние городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, рис. 10, 6.

¹¹ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, МИА, № 70, 1959, рис. 13, 5—9.

¹² Z. Rodwinska. Technika uprawy roli w Polsce sredniowiecznej. Warszawa, 1962, рис. 46, 85.

¹³ RL, XII, 1928, стр. 72.

¹⁴ П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, рис. 34, 39, 6.

¹⁵ В. П. Левашова. Указ. соч., табл. XVI, рис. 21.

¹⁶ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца. МИА, № 113, 1962, рис. 9, 1—2; Б. А. Шрамков. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, рис. 74, 4—5.

¹⁷ К. В. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 66, табл. V; Е. В. Максимов, Е. А. Петровская. Археологические памятники в окрестностях с. Большая Андрусовка на Тясмине. КСИИМК, вып. 8. Киев, 1959, табл. 10, рис. 1.

¹⁸ Ср., например, О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху бронзы. МИА, № 46, 1955, рис. 14, 10 и рис. 32, 2, 5.

¹⁹ I. Puzinas. Naujasin pristoriniu tyrinijimu duom enys. Kaunas, 1938, стр. 69, рис. 43; P. Tarasenska. Lietovos piliakalniai. Vilnius, 1956, рис. 19, 10; 15, 12;

руссии²⁰, Смоленщины²¹, на городищах верховьев Западной Двины и прилегающих районов²², в верховьях Москвы-реки²³, на ряде городищ по Оке²⁴, в верхнем течении Десны²⁵, а также на Псковском городище²⁶ и в Старой Ладоге²⁷. Появляются на памятниках, датируемых первыми веками н. э., существуют на протяжении всего I тыс. н. э. и встречаются наряду с обычными древнерусскими серпами на некоторых памятниках начала II тыс. н. э.²⁸ Можно отметить некоторые хронологические отличия серпов этого типа. Серпы первой половины I тыс. н. э. имеют AB в среднем 10—13 см, при CD от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5} AB$. Серпы второй половины этого тысячелетия имеют AB в среднем 14—19 см, CD от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3} AB$ ²⁹. Серпы IV типа не находят аналогий вне пределов лесной полосы, что позволяет говорить об их местном происхождении.

Среди серпов IV типа выделяется хронологически и территориально ограниченный подтип серпов «с загнутым носом» (рис. 4, 5), появляющийся на территории Литовской и Латвийской ССР во второй половине I тыс. н. э.³⁰ и получивший дальнейшее развитие в конце I и начале II тыс. н. э. в восточной Литве³¹.

Тип V (рис. 4, 6). Асимметричные серпы, у которых AC составляет от $\frac{2}{5}$ до $\frac{1}{3} AB$, а угол A больше угла B , что повышало рабочие качества орудия. Ось черешка, как и у серпов IV типа, составляет продолжение оси начальной части клинка, $AB = 12—15$ см, CD изменяется от $\frac{1}{10}$ (у ранних серпов) до $\frac{1}{3} AB$. Углы резания для большей части лезвия лежат в пределах от 15° до 20° у слабо изогнутых серпов и от 30° до 48° у более изогнутых (рис. 6, 14—17). Такие серпы, сходные по характеру изгиба лезвия с серпами II типа, появляются в первых веках н. э. в Подесенье³², около се-

P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavicius. Lietuvos archeologijos būvožai. Vilnius, 1961, рис. 111, 5—6; 112, 3; 113, 4; 179; 204, 2; 206, 6—7.

²⁰ А. Г. Митрофанов. Городище в Вязинке. Материалы по археологии БССР. Минск, 1957, стр. 163.

²¹ П. Н. Третьяков, А. В. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 58, рис. 22, 3; стр. 169, рис. 14, 25—26.

²² Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1960, рис. 21; 3; рис. 42, 6; рис. 56, 1—3; табл. VI, рис. 5; С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. ВЭИМП, вып. I, М., 1959, табл. II, стр. 125.

²³ А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, № 1, рис. 8, 13.

²⁴ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, рис. 12, 9; рис. 49, 11.

²⁵ Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, вып. 31, 1950, рис. 54, 32; В. П. Левенюк. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА, 1963, № 3, рис. 1, 4.

²⁶ С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова. КСИИМК, вып. 27, 1949, рис. 40.

²⁷ В. И. Довженюк. Указ. соч., рис. 12, 5.

²⁸ С. А. Дубинский. Черкасоуское гарадишче пад Воршей, Працы, т. II. Менск, 1930, табл. VIII, рис. 7; А. Ляуданский. Археологічныя досьледы у Смаленшчыне. Працы, т. III. Менск, 1932, табл. II, рис. 5.

²⁹ Датировка двух серпов IV типа, существующая в литературе, не может быть признана правильной в свете их типологического анализа. Речь идет о серпах с Язбовского городища, датируемого последними веками до н. э. (С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы, стр. 117) и городища Новые Батеки, поздняя дата которого — III в. н. э. (П. Н. Третьяков, А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 175). Размеры серпов соответственно: $AB = 14$ и 15 см. $CD = \frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3} AB$. Серпов с такими пропорциями на памятниках лесной полосы I тыс. до н. э. и второй половины I тыс. н. э. нет. По размерам, степени и форме изогнутости лезвия серпы могут датироваться временем не ранее середины I тыс. н. э., а новобатекский серп — по-видимому, концом этого тысячелетия.

³⁰ Э. П. Бривкалне. Городище Тервете и его историческое значение. ВЭИМП, вып. I, М., 1959, табл. 1, рис. 2; Р. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavicius. Указ. соч., рис. 209, 5; 214.

³¹ В. П. Левашова. Указ. соч., табл. XVI, рис. 18—19.

³² Ф. М. Заверняев. Почепское селище первых веков нашей эры. СА, 1960, № 4, рис. 2, 10.

редины I тыс. н. э. бытуют на Оке³³, во второй половине и конце этого тысячелетия встречаются наряду с другими типами серпов в верховьях Москвы-реки³⁴ и на Смоленщине³⁵, где доживают до XI—XIII вв.³⁶ Картографирование их распространения может указывать на продвижение их с юга, из Подесенья через верховья Оки на Москву-реку и в Смоленщину. Вероятно, этот тип сложился на южных окраинах лесной полосы. Вне ее пределов не встречается.

Тип VI. Симметричные серпы, у которых ось черешка отогнута под углом по отношению к оси начальной части клинка. По степени отогнутости черешка серпы разделяются на два подтипа:

Подтип 1 (рис. 4, 7). Серпы, у которых угол между осью черешка и осью начальной части клинка больше 90° , т. е. у которых черешок отогнут вниз по отношению к линии основания орудия. $AB = 10—16$ см, CD от $1/10$ до $1/6$ AB . График изменения углов резания напоминает такой график для серпов IV типа, имеющих близкую форму изгиба лезвия (рис. 6, 20—21). Находки таких серпов известны на городищах верхнего течения Оки³⁷, Москвы-реки³⁸ и Западной Двины³⁹. Время бытования определяется от первых веков н. э. до середины или начала второй половины I тыс. Аналогий вне пределов лесной полосы нет, что позволяет говорить об их местном происхождении.

Подтип 2 (рис. 4, 8). Серпы, у которых угол между осью черешка и осью начальной части клинка равен или меньше 90° , т. е. такие, у которых черешок лежит на линии основания орудия или отогнут вверх. Размеры орудий стандартны: $AB = 13—15$ см, $CD = 1/6—1/4$ AB . Лишь единичные серпы имеют большие или меньшие размеры. График углов резания аналогичен такому же графику серпов 1-го подтипа (рис. 6, 18—19). Такие серпы имеют довольно ограниченный ареал распространения в части верхнего течения Оки⁴⁰, на московских дьяковских городищах⁴¹, в верховьях Волги⁴². Один серп найден на Псковском городище⁴³. Важно отметить чрезвычайную близость серпов 2-го подтипа VI типа к древнерусским серпам московского типа⁴⁴, причем в значительной степени совпадают и районы их распространения. В то же время очевидна генетическая связь 1-го и 2-го подтипов VI типа, между которыми есть переходные формы и которые, по-видимому, сосуществовали около середины I тыс. н. э. на ряде памятников. Хронологические рамки бытования серпов 2-го подтипа могут быть определены как середина и 2-я половина I тыс. н. э.⁴⁵

³³ Т. Н. Никольская. Указ. соч., рис. 14, 7—8.

³⁴ А. Ф. Дубынин. Указ. соч., рис. 8, 16.

³⁵ П. Н. Третьяков, А. В. Шмидт. Указ. соч., рис. 27, 1.

³⁶ В. В. Седов. Древнерусские сельские поселения Смоленской земли. КСИИМК, вып. 79, 1960, рис. 24.

³⁷ А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. I. СПб., 1903, рис. 85; Т. Н. Никольский. Указ. соч., рис. 12, 8, 10.

³⁸ А. В. Арциховский. Бородинское городище. ТСА РАНИОН, 2, 1928, табл. VII, рис. 8; А. Ф. Дубынин. Указ. соч., рис. 8, 3.

³⁹ Я. В. Станкевич. Указ. соч., рис. 42, 5.

⁴⁰ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, табл. XIII, рис. 4. Т. Н. Никольская. Указ. соч., рис. 49, 12.

⁴¹ А. В. Арциховский. Указ. соч., табл. VII, рис. 9; А. Ф. Дубынин. Указ. соч., рис. 8, 14—15; В. И. Силов. Дьяково городище близ Москвы. Труды IX АС, II, табл. XXVIII; Н. В. Трубинова. Городище Соколова гора под Московской. Труды ГИМ, вып. 37, 1960, рис. 3, 2; Ю. А. Краснов. Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг. КСИА, вып. 102, 1964; К. А. Смирнов. Новые городища дьякова типа в бассейне реки Москвы. Там же, рис. 33, 6, 7.

⁴² О. Н. Бадер. Древние городища на верхней Волге. МИА, № 13, 1950, рис. 43, 5.

⁴³ С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова, рис. 40.

⁴⁴ В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 71.

⁴⁵ Серп этого подтипа, найденный на Старшем Каширском городище, типологически не может быть датирован VIII—IV вв. до н. э., т. е. теми хронологическими рамками которыми В. А. Городцов датировал это поселение. В это время серпы в лесной полосе известны только на крайнем юге и юго-западе, причем относятся там к совершенно ино-

Тип VII (рис. 4, 9). Асимметричные серпы, у которых вершина дуги лезвия сдвинута к конечной части клинка и соответственно угол B больше угла A . Ось черешка составляет продолжение оси начальной части клинка. Изогнутость значительная — $CD = 1/4 - 1/3 AB$. График изменения углов резания представляет собой быстро возрастающую до $55-67^\circ$ кривую с небольшим отклонением вниз у конца (рис. 6, 22—23). Серпы этого типа появляются на памятниках средней и восточной части Латвийской ССР во II—IV вв. н. э.⁴⁶, были широко распространены во второй половине этого тысячелетия⁴⁷ и доживают до X—XIII вв.⁴⁸ Известны также в Литве и Эстонии. По своим формам близки к ножам-косарям, широко распространенным в Прибалтике с начала железного века и дожившим, судя по этнографическим данным, до недавнего времени.

На рассматриваемой территории имеется несколько находок серпов, представленных единичными экземплярами, которые не входят ни в один из перечисленных типов⁴⁹. Из них следует особо остановиться на серпе из Уфимского городища, отнесенном А. В. Збруевой к ананьинскому времени⁵⁰. Серп скреплен с рукоятью при помощи длинного черешка, несколько загнутого на конце, ось которого совпадает с осью начальной части клинка. $AB = 18$ см, $CD = 1/3 AB$, $AC = 1/3 AB$. Углы резания для большей части лезвия лежат в пределах $30-48^\circ$, что показывает большое совершенство орудия. Столь совершенных серпов нет не только среди материалов периода до н. э., но и первых веков н. э. ни в лесной полосе, ни за ее пределами в Восточной Европе и Сибири. Типологически уфимский серп стоит в одном ряду с лучшими образцами серпов самого конца I тыс. н. э. — начала II тыс. н. э. и наиболее близок к серпам X—XIV вв. так называемого болгарского типа⁵¹, отличаясь от них лишь положением черешка. Все это не позволяет согласиться с датировкой серпа ананьинским временем. Уфимское городище, стратиграфия которого сильно нарушена, имеет напластования и более позднего времени⁵².

Итак, наиболее ранние железные серпы в лесной полосе появляются еще в середине и второй половине I тыс. до н. э. на ее южных окраинах в Посеймье и южной части Верхнего Поднепровья, в тех районах, где были известны ранее каменные и бронзовые жатвенные орудия⁵³. Появление железных серпов здесь происходит одновременно с таким же процессом в сопредельных районах степи и лесостепи, что говорит об одинаковых темпах развития земледелия, тем более, что и типы серпов здесь сходные. В первой половине I тыс. н. э. серпы местных типов появляются в западных районах лесной полосы, совпадающих в общих чертах с районом расселения балтий-

---

му типу. Аналогии ему убедительно датируются не ранее середины I тыс. н. э. По месту стародакшурского серпа в цепи развития серпов лесной полосы он также не может быть отнесен к более раннему времени.

⁴⁶ Н. Моог а. Die Eisenzeit in Lettland bisetwa 500 n. Chr., I. Tartu, 1929, табл. XXXII.

⁴⁷ F. Valodis Velais dzelzs laikmets. Riga, 1926, рис. 72, 16; В. П. Левашова. Указ. соч., табл. XVI, рис. 17; А. Я. Стубавс. Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг. ВЭИИП, вып. I. М., 1959, табл. II, рис. 1—2.

⁴⁸ Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, I. Рига, 1957, табл. X, рис. 11.

⁴⁹ Т. Н. Никольский. Указ соч., рис. 12, 6; В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. «Вопросы археологии Урала», 5, Ижевск, 1963, рис. 6, 1, стр. 23; В. А. Оборин. К истории земледелия у древних коми-пермяков. СЭ, 1956, № 2, рис. 1, 3.

⁵⁰ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. III, рис. 7.

⁵¹ В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 73, табл. XVI, рис. 33.

⁵² А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 305.

⁵³ С. Н. Бибииков. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. СА, 1962, № 3; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, вып. Д1-29, 1961, табл. 19, рис. 12; В. Данилевич. Цікавий серп. Антропологія, I. Київ, 1928.

ских племен. Серпы этого времени в районах лесной полосы, занятых финно-уграми, неизвестны. Здесь они появляются только во второй половине I тыс. н. э., прежде всего в южных, пограничных с лесостепью районах.

Серпы I и II типов можно считать характерными для тех лесных районов, которые могут быть включены в район славянского этногенеза. В этом же районе, по-видимому, сложился и V тип серпов, получивший распространение в более северных районах. Серпы IV, VI и VII типов можно связывать с балтскими племенами или племенами, испытавшими сильное влияние балтов. Финно-угры, очевидно, не создали своего типа железных серпов. На территории их расселения распространились серпы либо балтских, либо южных типов. Возможно, что лишь в самом конце I тыс. в наиболее удаленных районах финно-угорской территории появились местные типы серпов, развившихся из ножей (серп IX—X вв. из Лаврятского селища) ⁵⁴.

Общая тенденция развития железных серпов шла в лесной полосе в том же направлении, что и в более южных районах — в направлении увеличения размеров орудий, степени их изогнутости, в поисках наиболее совершенной формы изгиба лезвия (рис. 6) и способа крепления рукояти, хотя темп их развития, кроме крайнего юго-запада лесной полосы, несколько отставал от темпа развития серпов в более южных районах. Самые ранние серпы современного типа появляются в лесной полосе в Прибалтике уже во второй половине I тыс. н. э. ⁵⁵, в остальных районах — в более позднее время ⁵⁶.

Очевидно, что в тех районах лесной полосы, где железные серпы были первыми специализированными уборочными орудиями и где им не предшествовали каменные и бронзовые серпы ⁵⁷, уборка урожая до появления железных серпов производилась либо без применения каких-либо орудий, либо при помощи обычных неспециализированных ножей. Оба эти способа уборки урожая хорошо известны из этнографии народов, для которых земледелие не было основой хозяйства ⁵⁸. Разумеется, производительность такой работы была крайне низкой, и она могла практиковаться только на весьма ограниченных площадях. Отсутствие специализированных уборочных орудий, таким образом, является косвенным показателем низкой техники земледелия и подсобной роли этого занятия в хозяйстве населения. Прямые или слегка изогнутые ножи, которые могли применяться для срезания колосьев, не будучи специализированными уборочными орудиями, были широко распространены в лесной полосе с начала железного века. Некоторые из них, встречаемые в Прибалтике, можно рассматривать как жатвенные ножи, хотя не исключена возможность использования их и для других целей, например для заготовки веточного корма ⁵⁹. Причины появления железных серпов следует искать не только и не столько в усовершенствовании технологии металлургического производства, позволившей производить относительно крупные железные изделия, а в развитии самого сельского хозяйства, в каких-то крупных сдвигах в его технике, которые привели к значительному расширению посевных площадей, что и вызвало потребность

⁵⁴ В. А. Оборин. Указ. соч., рис. 1, 3.

⁵⁵ P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavicius. Указ. соч., рис. 269, 8; Ф. Д. Гуревич. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. МИА, № 76, 1960, рис. 44, 5. В нашу классификацию эти серпы не включены.

⁵⁶ В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 66 сл.; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды КФАН. Казань, 1954, стр. 47.

⁵⁷ Сюда же включается и район Нижнего Прикамья и лесного Среднего Поволжья, где бронзовые серпы исчезают на рубеже II и I тыс. до н. э., а железные появляются не ранее середины I тыс. н. э.

⁵⁸ Л. П. Потапов. Разложение родового общества у племен Северного Алтая.— ИГАИМК, вып. 128, 1935, стр. 72, 76; Народы Сибири. М.—Л., 1956, стр. 334, 432, 581; Народы Передней Азии. М., 1957; стр. 389, 421, 455, 500 и др.

⁵⁹ См., например, P. Tagasenkа. Указ. соч., рис. 722—24; А. К. Вассар. Указ. соч., табл. XXIII, рис. 5; М. Х. Шмидекедьм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, рис. 8, 2; 10, 9; 12, 8; 31, 20.

иметь достаточно совершенные и производительные специализированные орудия уборки урожая. Вряд ли такое увеличение посевных площадей могло иметь место за счет развития техники подсечного земледелия: из этнографии известно, что площади посевов на подсеках были весьма малы. Представляется возможным связывать появление железных серпов в лесной полосе с расширением посевов при переходе к пашенному земледелию, когда оно начинает становиться основой хозяйства. Действительно, если знакомство с пашенным земледелием, по этнографическим материалам, не у всех народов сопровождается знакомством с железными серпами, то, наоборот, все народы, использующие железные серпы, знают и пашенное земледелие⁶⁰. Вероятно, эту закономерность можно распространить и на древние племена Восточной Европы. Некоторые подтверждения этому положению можно найти и в археологическом материале. Так, в Западной и Средней Европе железные серпы появляются в тот период, когда пашенное земледелие здесь имело уже длительную историю. Появление железных серпов I и II типов в районе Посеймья и южной части Верхнего Поднепровья совпадает по времени с датой древнейших в Восточной Европе находок деревянных пахотных орудий⁶¹. Железные серпы в лесном Среднем Поволжье и Прикамье появляются одновременно с находками железных наральников, явно свидетельствующих о пашенном земледелии⁶². Весьма близки размеры и механические свойства рассматриваемых нами серпов с теми же показателями хронологически близких серпов из тех районов лесостепной и степной полосы, где наличие пашенного земледелия общепризнано и документировается находками деталей упряжных почвообрабатывающих орудий⁶³. Серпы I, II и III типов находят прямые аналогии среди серпов более южных районов с пашенным земледелием. Таким образом, серпы рассматриваемого времени из лесной полосы вполне могли удовлетворить потребности пашенного земледелия, на что указывает и бытование некоторых типов их вплоть до конца I — начала II тыс., когда и в лесной полосе появляются пахотные орудия с железными рабочими частями. Широкое распространение последних и явилось, вероятно, предпосылкой появления серпов современного типа, отвечающим потребностям нового этапа развития земледельческого хозяйства.

Если предлагаемая гипотеза найдет дальнейшее подтверждение, то наличие или отсутствие серпов в памятниках того или иного времени в том или ином районе сможет служить важным показателем уровня развития местного земледелия.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Ю. А. КРАСНОВА

Л. В. Артишевская отметила, что докладчик прав, связывая появление железных серпов с определенной формой земледелия. Следует более четко разработать критерий отличия серпов от других орудий, которыми

⁶⁰ Употребление железных серпов при подсечном земледелии в Европе не может быть принято во внимание, ибо этнографические данные об этом относятся к тому периоду, когда пашенное земледелие уже господствовало и подсека была лишь дополнением к нему.

⁶¹ Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 3; Он же. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, № 4.

⁶² П. Д. Степанов. Итоги раскопок древнемордовских памятников; Он же. К вопросу о земледелии у древней мордвы; М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1952, стр. 42 сл.; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. МИА, № 29, 1952, стр. 233.

⁶³ См., например, Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, рис. 1, 1—2; В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, 1951, рис. 11, 2; М. Ю. Смишко. Селище добри пол в поховань у Вікнинах великих. Археологія, Київ, 1947, табл. II, рис. 10; Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и знаков на селищах черняховского типа. КСИИМК, вып. 47, 1959, рис. 51, 3.

могли убирать хлеб (например, косы-горбуши, крупные ножи и т. п.). Они, к сожалению, не рассмотрены в докладе. Плохая сохранность большинства серпов не позволяет включить в число основных признаков при классификации зубчатость лезвия. Однако при дальнейшей работе на этот признак следует обратить серьезное внимание.

П. Д. Либеров отметил интерес работы с точки зрения систематики и типологии. Исключение из предложенной схемы жатвенных ножей вполне закономерно. По его мнению, плужное земледелие в отдельных районах могло возникнуть и раньше серпа. На появление этих орудий оказывает влияние и развитие техники кузнечного производства. Сосуществование различных типов серпов на одной территории он объясняет недостаточным уровнем производства.

О. Н. Мельниковская отметила правильность положения докладчика о связи определенных типов серпов с определенными этническими группами.

Э. А. Рикман указал на бесспорную связь между применением железных серпов и пашенным земледелием по южным материалам. По его мнению, важно было бы связать типы серпов с определенными системами пашенного земледелия.

Э. А. Симонович считает, что наличие различных типов серпов на одной и той же территории может объясняться специализацией этих орудий для уборки различных злаков, что является признаком развитого земледелия.

А. П. Смирнов, признав работу Ю. А. Краснова весьма ценной, высказал предположение, что типы серпов, вероятно, можно выразить определенной математической формулой. Систематика и хронология, предложенные автором, не вызывают сомнений. Следует найти какое-то объяснение большому разрыву во времени между бытованием в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье бронзовых и железных серпов.

В заключительном слове Ю. А. Краснов отметил, что по этнографическим материалам косы-горбуши применялись для уборки хлеба очень редко. Бесспорно употреблялись для этой цели и различные ножи. Но отсутствие развитого и специализированного орудия типа серпа свидетельствует о низком уровне развития земледелия. Появление серпа, по его мнению, должно свидетельствовать о пашенном земледелии, которое, конечно, могло появиться и раньше. Важно, что наличие серпа указывает и на наличие пашенного земледелия. Различия в типах серпов, по его мнению, объясняются в значительной мере этническими причинами (для одного и того же времени). Метод исследования механических свойств серпов, предложенный В. П. Левашовой, он считает более наглядным и эффективным, чем предложенный в свое время А. В. Арциховским математический метод. Разрыв во времени между существованием бронзовых и железных серпов в Среднем Поволжье и Прикамье автор объяснил определенным регрессом в технике сельского хозяйства, который мог быть вызван ассимиляцией срубников местными племенами.

А. Д. ГРАЧ

НОВОЕ О ДОБЫВАНИИ ОГНЯ,
ПРОИСХОЖДЕНИИ И СЕМАНТИКЕ
ЦИРКУЛЬНОГО ОРНАМЕНТА

При раскопках высокогорного могильника Саглы-Бажи II, первого неграбленного могильника пазырыкского времени, в числе множества предметов был найден древнейший из известных в Центральной Азии и Южной Сибири прибор для добывания огня¹.

Деревянный «огневой» прибор, так же как и другие предметы из легко разрушающихся от времени материалов, сохранился благодаря толще подкурганной мерзлоты. Камера кургана 9, где был обнаружен прибор, представляла собой коллективную усыпальницу, здесь были захоронены останки восьми погребенных — одного мужчины, трех женщин и четырех детей. Погребальный ритуал кургана 9 отражает центральноазиатский вариант культуры Пазырыка: положение погребенных — на левом боку, с подогнутыми ногами, головами на северо-запад, останки детей — в ногах у взрослых (за исключением одного случая — костяки I, V, когда погребенная женщина сжимала руками ребенка). Планка-основа «огневого» прибора (рис. 7) покоилась в головах мужского костяка за камнем-подушкой, под стенкой камеры-сруба.

Деревянная планка-основа длиной 68 см суживается к одному из концов; как «рабочая», так и обратная сторона основы покрыта циркульным орнаментом (круг с углублением в центре). На «рабочей» стороне основы имеется 12 обугленных углублений, образованных вращением стержня при добывании огня. Орнаментальные циркульные кружки являлись одновременно и разметкой места для вращения стержня. Число кружков на «рабочей» стороне основы (считая уже высверленные стержнем места) — 37, на обратной стороне — 39. В суженном конце основы сделано отверстие для подвешивания.

Добывание огня в древности трением дерева о дерево, зафиксированное этнографией² и воспроизведенное экспериментальным путем³, сводилось, как известно, к трем способам: 1) пиление, 2) вспахивание (огневой плуг), 3) сверление. Этнографические материалы и экспериментальные данные С. А. Семенова позволяют восстановить процесс добывания огня с помощью найденного нами прибора. В рабочее углубление планки вставлялся стерж-

¹ Раскопки могильника проводились в 1960—1962 гг. экспедиционным отрядом Института этнографии АН СССР, Института археологии АН СССР и Гос. Эрмитажа под руководством автора. См.: А. Д. Грач. Итоги раскопок могильника пазырыкского этапа Саглы-Бажи II (Южная Тува). Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работ Государственного Эрмитажа за 1962 г. Л., 1963, стр. 41—43.

² Э. Тейлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 143—145, рис. 54, 55; М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 59; Ю. Липс. Происхождение вещей (из истории культуры человечества). М., 1954, стр. 33—37.

³ С. А. Семенов. Добывание огня трением. «Материалы по этнографии», вып. 3. Л., 1963, стр. 5—16.

жень-сверло диаметром от 10 до 15 мм. Стержень приводился в движение лучком. Очаг горения возникал не в самом рабочем углублении (лунке), а в боковой прорези, где скапливался горячий древесный порошок и куда вполне свободно поступал воздух (рис. 8). Эксперименты С. А. Семенова показывают, что при соответствующем навыке огонь можно добывать подобным способом в очень короткое время — от 8 сек. до 2 мин. 30 сек. Важнейшим условием является абсолютная сухость планки и сверла.

Хронология комплекса, в котором найден «огневой» прибор, как и всего могильника Саглы-Бажи II в целом, опирается на широкие серии хорошо датирующегося инвентаря: бронзовые кинжалы-акинаки с крыловидными эфесами, бронзовые чеканы с деревянными рукоятями, бронзовые ножи, серия зеркал разных типов, керамика, украшения, предметы искусства, выполненные в пазырыкском варианте скифского звериного стиля и многие другие находки. Они датируют могильник Саглы-Бажи II—V—IV вв. до н. э. «Огневой» прибор в памятниках этого времени найден впервые.

До находки саглынского «огневого» прибора древнейшим из известных в Центральной Азии являлся прибор для добывания огня из раскопок курганов гуннских шаньюев в Ноин-Уле⁴, датирующихся I в. до н. э.—I в. н. э.⁵ Гуннский «огневой» прибор, найденный в камере кургана 6, состоял из дощечки размером 3,4×17 см, стержней и лучков для сверления. Так же как и у более древнего прибора пазырыкского времени из Тувы, гуннская «огневая» планка имела в более узком своем конце отверстие для подвешивания (в отверстии ноинулинской планки сохранилась матерчатая шелковая петля). Сверлильные стержни были роговые или костяные. Лучки изготовлялись либо из ветки дерева с отходящим от нее сучком, либо из плечевой кости барана или ребра быка (на концах лучка имелись отверстия для тетивы).

Приборы для добывания огня были найдены не только при раскопках погребений высшей знати гуннов, но при исследовании памятников рядового населения — такие предметы найдены в Туве в курганах гуннского времени на могильнике Жок-эль⁶.

⁴ С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962, стр. 52, рис. 46, табл. XXV, 1, 3, 4.

⁵ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 32; Он же. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историческое значение. Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук, 1937, № 4, стр. 963.

⁶ «История Тувы», т. I. М.—Л., 1964, стр. 43, рис. 6—7, стр. 46.

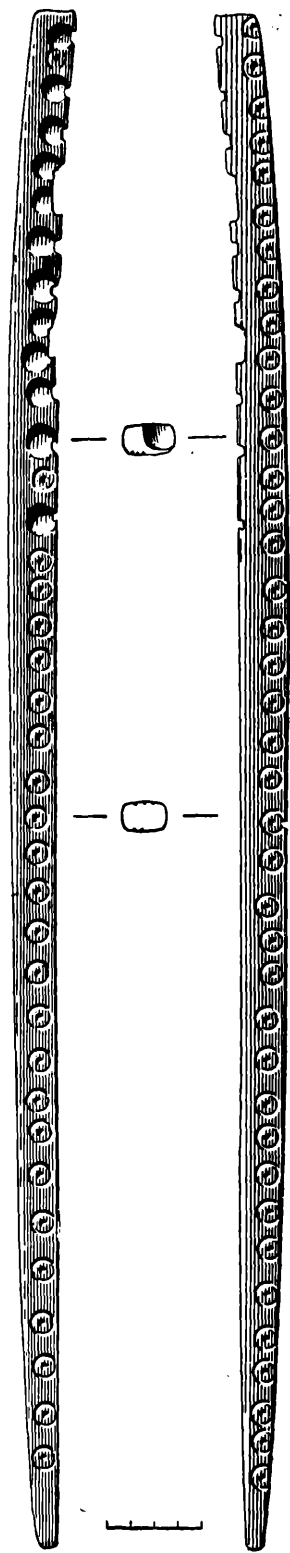

Рис. 7. Планка-основа прибора для добывания огня

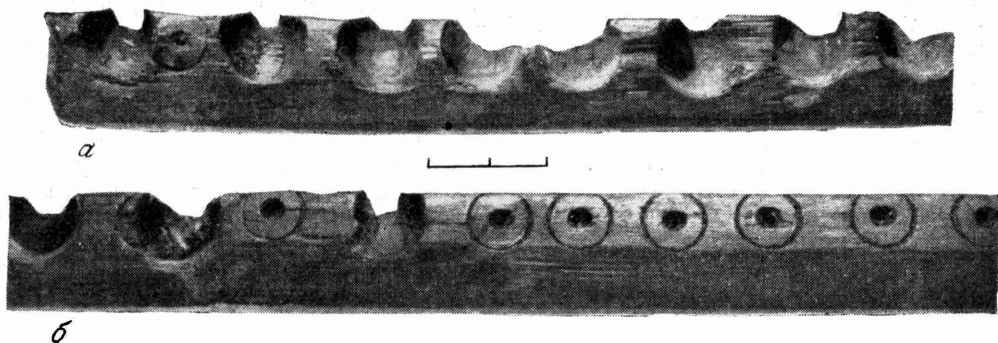

Рис. 8. Фрагменты планки-основы
а — верхняя половина; б — нижняя половина

«Огневые» планки имели распространение и позднее — в эпоху древних тюрков (VI—X вв. н. э.) — они были найдены при раскопках древнетюркских погребений на Алтае (могильник Кудыргэ)⁷ и в Туве (могильник Кок-эль)⁸.

Сравнение наиболее древнего прибора — саглынского с позднейшими позволяет делать вывод о том, что технология добывания огня сверлением в скифское время и в последовавшие затем исторические периоды — гунно-сарматскую эпоху и древнетюркское время, была весьма сходной. Отметим, что и в Саглы, и в Ноин-Уле, Кок-эле и Кудыргэ в погребения были положены походные приборы — об этом свидетельствуют зафиксированные на «огневых» приборах отверстия для подвешивания. Это и неудивительно, если напомнить, что «огневые» приборы найдены в могилах кочевников.

Не вызывает сомнения орнаментация на саглынском приборе для добывания огня (циркульные знаки нанесены не только на «рабочей» стороне «огневой» планки, но и на оборотной ее стороне, где приложение лучкового стержня не предполагалось).

Вопросы древнего распространения и семантики кружкового орнамента давно уже привлекали внимание исследователей. А. Ф. Лихачев⁹, В. Флоринский¹⁰, А. С. Гушин¹¹ отмечали чрезвычайно широкое, по существу, повсеместное распространение этого орнаментального мотива. К этому же выводу пришел и С. В. Иванов¹². Древнейшие предметы с циркульным орнаментом на территории Сибири были найдены среди неолитических памятников Прибайкалья — на костяных поделках китойского времени (игольник из трубчатой кости птицы из могильника Циклодром в Иркутске и костяное острие из Китойского могильника)¹³.

Интересующий нас мотив четко прослеживается среди памятников древних земледельцев Южной Туркмении. И. Н. Хлопин в этой связи полагает, что идеи, связанные с сооружением круглых жертвенников, изображавших солнце (в основе их лежит круг с точкой в центре), возникли в конце перио-

⁷ С. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. «Материалы по этнографии», т. II, вып. 2. Л., 1927, стр. 44 и сл., рис. 11.

⁸ «История Тувы», т. I, стр. 97, рис. 4.

⁹ А. Ф. Лихачев. Бытовые памятники великой Булгарии. Труды II АС, вып. I. СПб., 1876, стр. 14 и сл.

¹⁰ В. Флоринский. Археологический музей Томского Университета (каталог). Томск, 1888, стр. 59.

¹¹ А. С. Гушин. К вопросу о славянском земледельческом искусстве. Временник отдела изобразительных искусств. ГАИМК, т. I, Л., стр. 63.

¹² С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник (По материалам XIX — начала XX в.). «Народы Севера и Дальнего Востока». Труды ИЭ, нов. серия, т. 81, 1963, стр. 464—473.

¹³ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I, II, МИА, № 18, 1950, стр. 390, рис. 121.

да Намазга I, т. е. во второй половине IV тыс. до н. э.¹⁴ и продолжали развиваться далее, найдя отражение в солярных символах на керамике и женских статуэтках времени Намазга II — Намазга III — в символах, которые постепенно обрели канонизированную форму¹⁵.

Циркульный орнамент широко представлен среди памятников Сибири скифского времени — на Среднем Енисее, среди находок из курганов Минусинской курганной (тагарской) культуры — на костяных гребнях¹⁶ и головных ножах¹⁷, в Туве (роговая поясная пряжка с циркульным орнаментом была найдена в кургане 8 могильника Саглы-Бажи II, расположенном рядом с курганом 9, откуда происходит прибор для добывания огня).

Мотив продолжал жить и в орнаментике древнетюркского времени — кружок с точкой наносился на рукояти ножей и седельные луки (могильник Кудыргэ на Алтае)¹⁸, на роговые обкладки берестяных колчанов (долина р. Каргы в Туве)¹⁹. Этот мотив был и у северных соседей орхоно-алтайских тюрков — у енисейских кыргызов²⁰.

Уходящая в глубокую древность семантика кружкового орнаментального мотива нашла отражение в древнейших письменных системах мира.

В иероглифическом письме древнего Египта кружок с точкой в центре обозначал термин солнца²¹ и находился в числе иероглифов, обозначавших конкретные предметы²². Кроме того, иероглиф этот применялся при образовании письменных знаков, использовавшихся в переносном значении — иероглиф, обозначающий солнце, в необходимых случаях передавал и понятие «день»²³.

В китайской иероглифике фигурировал все тот же древний символ — кружок с точкой, обозначающий солнце (в позднейшем написании знак этот сильно видоизменился)²⁴. Этот знак представлен и среди пиктографических изображений на ритуальных бронзовых сосудах эпох Инь и Чжоу (II тыс. до н. э.)²⁵. Наконец, этот же знак, обозначающий «солнце», представлен в позднейшей орнаментике китайцев²⁶.

С. В. Иванов, рассмотревший этнографические материалы по циркульному орнаменту народов Сибири и Дальнего Востока, а также многие археологические данные, приходит к заключению о трудности распознавания этого мотива, обусловленной тем, что собранный этнографами материал о значении и наименовании кружков скуден и фрагментарен, а должного внимания этому вопросу не уделялось²⁷.

¹⁴ И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 163—165. Ср.: Он же. Модель круглого жертвенника с Ялангач-Депе. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 48—54.

¹⁵ И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений..., стр. 165.

¹⁶ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV. Л., 1929, табл. I, 71.

¹⁷ Раскопки Туранского отряда Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР (могильник Туран I, 1963 г.).

¹⁸ С. Руденко и А. Глухов. Указ. соч., рис. 17, 3, 7.

¹⁹ А. Д. Грач. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. I. М.—Л., 1960, рис. 63—65.

²⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1951, табл. LIX, 26.

²¹ В. А. Истрин. Развитие письма. М., 1961, стр. 108—110; Э. Добльхофер. Знаки и чудеса. М., 1963, стр. 98, рис. 27; В. И. Авдиев. Происхождение древнеегипетской письменности. М., 1960, стр. 7; И. Л. Снегирев. Иероглифическое письмо и палеонтология семантики. Изв. АН СССР, VII серия, Отд. обществ. наук, 1933, № 4, стр. 336.

²² В. А. Истрин. Указ. соч., стр. 98.

²³ И. Г. Лившиц. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном. В кн.: Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите (перевод, редакция, комментарии И. Г. Лившица), 1950, стр. 214.

²⁴ В. А. Истрин. Указ. соч., стр. 110, рис. 21.

²⁵ Там же, стр. 105, рис. 18.

²⁶ Колл. МАЭ, № 710—25/3 (орнамент на крышке медного ящичка; по С. В. Иванову).

²⁷ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 464 и сл.

Тем не менее этнографические факты, обобщенные С. В. Ивановым, дают все же серию свидетельств, неоспоримо говорящих об осмыслении кружкового орнамента как знака, обозначающего солнце. Подобные факты зафиксированы в орнаментике алтайцев (рисунки на шаманских бубнах)²⁸, хакасов (круг с точкой — солнце, точка — душа солнца)²⁹, бурят (знаки собственности — тамги)³⁰, якутов (железные подвески на шаманском костюме)³¹, хантов (фигура игры — деревянный круг с точкой в центре)³², манси (украшения берестяной посуды в виде кругов)³³, нанайцев (знаки на шапках, надевавшихся на больших по указанию шамана)³⁴, нивхов (знаки на деревянных ножах, употреблявшихся на медвежьем празднике)³⁵ и у других народов. Итак, приведенная серия фактов документирует осмысление многими народами Сибири циркульного знака, как соляного символа. Циркулярный орнамент имел распространение не только в Сибири, но и у народов Европы, Азии, Африки и Америки.

Какой вывод следует из рассмотрения приведенных археологических и этнографических фактов о циркульном орнаменте? Прежде всего ясно, что этот мотив, в тех случаях, когда есть хотя бы суммарные данные о его семантике, предстает как солярный символ, конвергентно возникший у разных народов мира.

Саглынский «огневой» прибор является таким предметом, который позволяет предложить более конкретизированную расшифровку значения циркульного мотива. На этом приборе символическое и «производственное» значения циркульной орнаментации слиты воедино. Орнамент на планке предстает как символ вращения, дающего тепло и свет, вращения, возжигающего из искр пламя домашнего очага. В этой связи нельзя не напомнить о семейном характере камеры-усыпальницы, в которой обнаружен прибор, о том, что сама эта камера, так же как и другие могильные срубы пазырыкского времени, представляла собой очень близкую имитацию бревенчатых зимних жилищ ранних кочевников Тувы и Алтая. В то же время широко известна роль огня в быту и идеологических представлениях различных древних и современных народов земного шара³⁶.

Изучение «огневого» прибора позволяет заключить, что древнее значение кружкового орнамента вовсе не ограничивалось только солярным характером этого символа, значение его было гораздо шире и многообразнее. Становится ясным, что «солнечное» значение циркульного орнамента — это лишь часть весьма дифференцированной символики, уходящей своими корнями в глубокую древность. Саглынский «огневой» прибор является вполне наглядным свидетельством того, что циркульный орнамент в древности представлял собой и символ такого важного в жизни людей явления, как добывание огня.

Этот символ в ряде случаев доживает до наших дней, обозначая солнце; он фигурирует, например, среди астрономических знаков. В то же время он известен в орнаментах многих народов мира, обозначая солнце, свет, горение, тепло, огонь, возникновение огня. Знак этот кое-где сохранил смысловое содержание, а у ряда народов утратил свою семантику, превратившись в орнаментальный мотив.

²⁸ Г. Потанин. Очерки северо-западной Монголии (результаты путешествия, исполненного в 1876—77 годах по поручению Имп. Русского Географического Общ-ва), вып. IV. СПб., 1883, табл. IV, рис. 51.

²⁹ Архив И. Т. Савенкова в Минусинском музее (по С. В. Иванову).

³⁰ П. П. Хоросов. Знаки собственности бурят. «Сибирская живая старина», т. VIII. Иркутск, 1929, стр. 14, рис. 26.

³¹ В. Серошевский. Якуты, т. I. СПб., 1896, стр. 632.

³² И. Н. Шухов. Из отчета по поездке весной 1914 г. к казымским осякам. Сб. МАЭ, т. III, 1916, табл. IV, 1.

³³ Колл. МАЭ, № 1342—4 (по С. В. Иванову).

³⁴ Колл. МАЭ, № 1765—90 (по С. В. Иванову).

³⁵ B. L a u f e r. The decorative art of the Amur tribes. Memoirs of the American Museum of Naturel History. N.— Y., рис. 9, табл. II, 3.

³⁶ Ю. Липс. Указ. соч., стр. 34.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Ф. СМ И Р Н О В

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ
В БАССЕЙНЕ р. КИНДЕЛЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1963—1964 гг. Оренбургская экспедиция¹ производила археологические исследования в Илекском районе Оренбургской области. Основные работы экспедиции были сосредоточены в 160 км к западу от г. Оренбурга по левому берегу р. Кинделя (правый приток р. Урал) на землях колхоза им. М. И. Калинина на 5-километровом участке между хут. Барышниковым и с. Герасимовкой.

Еще летом 1962 г. Оренбургский музей под руководством его сотрудника С. А. Попова произвел разведку археологических памятников по левому берегу р. Кинделя и зафиксировал ряд курганных групп. Этот район Оренбуржья, за исключением окрестностей с. Мустаево, до того времени совершенно не подвергался археологическим обследованиям. Только в самом Мустаеве С. А. Попов обнаружил в начале 50-х годов древние курганы, затем осмотренные и зафиксированные Чкаловской экспедицией².

В 1963—1964 гг. нами было раскопано 25 курганов в четырех курганных группах, давших 144 погребения, древнейшие из которых во всех курганных группах относились к ямной и раннесрубной культурам. Почти все сарматские погребения, которых было исследовано 24, являются впускными; исключение составляет лишь курган № 10 1 группы у с. Герасимовка, содержащий одну центральную могилу позднесарматского времени. Сарматские погребения этого района интересны прежде всего тем, что здесь представлены памятники всех четырех этапов развития сарматской культуры: савроматского, раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского — редкое явление для Оренбуржья.

В прилагаемой таблице представлены все эти погребения с характеристикой основных черт обряда (см. табл. на стр. 35).

Среди трех савроматских погребений курганной группы у хут. Барышникова нарушенное погребение в кургане № 2 интересно по своему глиняному сосуду, который удалось восстановить целиком (рис. 9, 1). Он имеет залощенную поверхность и острый наlepной валик вокруг горла. По всем признакам он безусловно относится к группе лощеной посуды, обнаруженной в некоторых погребениях Поволжья и Дона переходного и

¹ Организована Институтом археологии АН СССР совместно с Оренбургским областным музеем краеведения и ГИМом. В состав экспедиции входили: К. Ф. Смирнов — начальник экспедиции, М. Г. Мошкова — начальник отряда, С. А. Попов — ст. научный сотрудник; научные сотрудники: Э. А. Федорова-Давыдова, М. П. Абрамова и Л. Н. Петров, лаборанты Т. П. Оплачко и В. П. Николаев.

² К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Чкаловской экспедиции в 1956 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. № 1255.

Сводная таблица сарматских погребений

Курганная группа, № курганов и погребений	Форма и размеры могилы	Ориен- тировка погре- бениго	Поза погребенного	Пол и возраст	Деревянные конструкции в могиле и подстилки	Кости животных	Прочие особенности ритуала	Датировка
Хут. Барышни- ков; кург. 2; погр. 1	Впускная в насыпь, глуб. 1,75 м от 0	Запад	Вытянут на спине	Взрослый	Подстилка из тра- вы, посыпанная мелом	Бок барашка	Кусочки реальгара	Ранне- савроматское
Там же, кург. 1, погр. 2 (рис. 10, 1)	Круглая 1,75 × × 1,70 × 1,05 * м	ВЮВ	Вытянут на спине, руки слегка рас- ставлены	Девочка	—	Кости расчле- ненной туши ба- рана без черепа	Обломок каменно- го блюда-жертвен- ника около головы	Савроматское VI—V вв. до н. э.
Там же, кург. 4, погр. 2	Широкая прямо- угольная 2,25 × × 1,40 — 1,35 × × 2,15 м	Запад	Вытянут на спине	Два взрослых и ребенок	Дно могилы посы- пано мелом	Кости барана (ребра, лопат- ка, позвонки), щиток рыбы	Кости взрослого сдвинуты в сторо- ну при погребении второго покойника (оба мужчины)	Савроматское V в. до н. э.
Герасимовка III, кург. 1, погр. 2	Широкая прямо- угольная 2,50 × × 1,30 × 2,60 м	Юг?	?	Два (?) взрослых	Могила заложена прутьями и тонки- ми жердочками	—	—	III—II вв. до н. э.
Там же, кург. 1, погр. 7 (рис. 11, 3)	Прямоугольная 1,43 × 0,60 × × 1,73 м	Запад	Вытянут на спине, левая кисть руки на тазе	Ребенок	Гроб в виде лодоч- ки, сшитый из ко- ры с крышкой из тонкой дощечки; под костями на слое коры — мело- вая посыпка	Бок и передняя нога барана	—	То же
Там же, кург. 1, погр. 8 (рис. 11, 4)	Широкая прямо- угольная с уступа- ми по продольным сторонам на высоте 1,40 м от дна 2,35 × 1,60 × 3 м	Юг и Север	Вытянут на спине	Женщина и подросток	На уступах — пере- крытие из стволов и веток; стенки могилы у дна вы- ложены дощечками или корой; прямо- угольный гроб из тонких досок	Кости коровы (?) и барана (ребра), а также кости ног и ло- патка барана	Покойники лежат валетом, погребены в одном гробу	То же

Там же, кург. 1, погр. 9	Широкая прямоугольная 2,30 × 1,50 × 2,20 м	Юг	Вытянут на спине, кисть правой руки на тазе	Два взрослых Взрослый	Деревянное перекрытие, темный тлен от подстилки	Кости ног и таза барана	Парное захоронение, возможно одновременное	То же
Там же, кург. 1, погр. 10	Продолговатая с округлыми углами и уступами по продольным стенкам на высоте 1,30—1,40 м от дна, 2,10 × 0,70—0,90 × 2,52 м	ЮЗ	Вытянут на спине		Меловая посыпка дна	Кости двух передних ног барашка с лопатками	—	То же
Герасимовка II, кург. 1, погр. 1	В насыпи на глуб. 0,46 м	Запад	Вытянут на спине, руки слегка согнуты в локтях, кисть левой руки — на головке левого бедра, кисть правой руки на тазе	Молодая женщина	—	—	—	Ранне-сарматское?
Там же, кург. 1, погр. 2	В древнепочвенном слое на глуб. 1,24 м	ЮЗ	Вытянут на спине	Взрослый	Покойник покрыт тленом желтого (растительного?) вещества	—	—	То же
Там же, кург. 2, погр. 1	В насыпи на глуб. 0,75 м	ЮЗ	То же	Ребенок	—	—	—	То же
Герасимовка I, кург. 9, погр. 1 (рис. 11, 2)	Широкая прямоугольная 1,85 × 1,80 × 1,46 м	ЮЮВ	» »	Женщина (?)	Деревянная рама — гробовище; подстилка из коры, посыпанная мелом; над могилой — плоское перекрытие из плах	Кости овцы (тазовая, ножные, астрагалы) и ребро крупного животного	Костяк лежит по диагонали могилы	I в. до н. э.— I в. н. э.
Там же, кург. 9, погр. 3 (рис. 11, 1)	Широкая прямоугольная 1,80 × 1,50 × 1,33 м	ЮЗ	» »	Взрослый	То же	Кости ног барана	Костяк лежит по диагонали могилы; кусок мела среди инвентаря	I в. до н. э.— I в. н. э.
Там же, кург. 9, погр. 4	В предматериковом слое на глубине 0,90 м	Юг	» »	Ребенок	—	—	—	Средне-сарматское
Там же, кург. 15, погр. 17	Прямоугольная 1,70 × 1,25 × 1,46 м	Юг?	?	Взрослый	Куски дерева от перекрытия	Зубы коровы	Кусочек реальгара	Ранне-сарматское или средне-сарматское

Курганная группа, № курганов и погребений	Форма и размеры могилы	Ориен- тировка погре- бного	Поза погребенного	Пол и возраст	Деревянные конструкции в могиле и подстилки	Кости животных	Прочие особенности ритуала	Датировка
Герасимовка I, кург. 4, погр. 1	В насыпи на глуб. 0,60 м	Юг	Вытянут на спине	Взрослый	—	—	—	Ранне- сарматское или средне- сарматское
Там же, кург. 6, погр. 1	То же	Запад	То же	Взрослый	—	—	—	?
Там же, кург. 10 (рис. 11, 5)	Узкая продолгова- тая с полуподбоем в головах 1,95 × × 0,75—0,88 × × 1,35 м (от древ- ного горизонта)	ССВ	На спине со слегка подогнутыми нога- ми влево, правая рука согнута в лок- те	Старый человек	—	—	—	Поздне- сарматское
Там же, кург. 5, погр. 1	В насыпи на глуб. 0,85—0,90 м	?	?	Взрослый	—	—	—	» »
Хут. Барышни- ков, кург. 3, погр. 2	Узкая продолгова- тая, шир. 0,50 м, глуб. 1,05 м	ЗСЗ	Вытянут на спине	Взрослый мужчина	—	—	Череп искусствен- но деформирован	» »
Там же, кург. 3, погр. 3	Впускная в насыпь на глуб. 0,62 м	Север	То же	Ребенок	—	Ребра и ножная кость барана	—	» »
Там же, кург. 3, погр. 4	Узкая прямоуголь- ная 2 × 0,70 × × 2,04 м	СВ?	?	Взрослый	—	—	Череп искусствен- но деформирован	» »
Там же, кург. 3, погр. 5	Впускная в древ- непочвенный слой на глуб. 1,05 м	Север	Вытянут на спине	Ребенок	—	Кучка астрага- лов овцы; нож- ная кость быка	—	» »
Там же, кург. 5, погр. 2	Узкая продолгова- тая 2,20 × 0,70 × × 1,25 м	СЗ	То же	Молодая женщина и грудной ребенок	Дно посыпано ме- лом	—	—	Поздне- сарматское?

раннесавроматского времени (VIII—VI вв. до н. э.)³. Для Оренбуржья это первая находка. Орнамент из глубоких вертикальных борозд, покрывающих тулово сосуда, хорошо известен на савроматских сосудах Поволжья и Приуралья⁴.

Погребение девочки с обломком каменного блюда в круглой могиле кургана № 1 относится к VI—V вв. до н. э., судя по всему комплексу инвентаря (рис. 10, 1). Здесь имеется типичный для этого времени горшок с трубчатым носиком-сливом (рис. 9, 3)⁵. Столь же архаичны бусы из голубой и желтой стекловидной пасты, особенно бородавчатые и глазчатая уплощенная (рис. 9, 4)⁶. Алебастровый флакон — уникальная находка для савроматского времени — подражает по форме савроматским грушевидным глиняным сосудам VI—V вв. до н. э. (рис. 9, 5). Овальное каменное блюдо с поперечными низкими валикообразными ножками (рис. 9, 3), аналогично двум недатированным блюдам из района г. Куйбышева и с. Крестовое городище Чердоклинского района Ульяновской области⁷. Круглые могилы у савроматов встречаются довольно редко. Они, как и овальные, известны главным образом в Заволжье в бассейне р. Еруслан и по р. Бузулук (у сел Осмушкино, Преображенки)⁸.

Третья савроматская могила, в кургане № 4 — широкая прямоугольная, хотя и была частично ограблена, но сохранившиеся в ней бронзовые наконечники стрел (рис. 10, 2) и два глиняных сосуда (рис. 10, 3, 4) позволяют ее датировать приблизительно тем же временем, во всяком случае не позже начала V в. до н. э. Среди наконечников стрел имеется один железный втульчатый трехгранный. Эта могила интересна тем, что в ней было совершено коллективное захоронение, но вероятно не одновременное: кости первого покойника были сдвинуты к северной стенке могилы, когда сюда положили второго взрослого покойника, в обоих случаях мужчин. Здесь же был погребен ребенок, судя по костям, обнаруженным в нарушенной части могилы.

Среди погребений раннесарматского времени (прохоровская культура) следует выделить пять погребений III—II вв. до н. э. в кургане № 1 группы Герасимовка III. Это глубокие прямоугольные могилы, вероятно, принадлежавшие одному коллективу родственников. В двух могилах по продольным стенкам сделаны уступы, на которых лежало деревянное перекрытие (рис. 11, 4). Ребенок в могиле 7 лежал в легком деревянном гробу в виде лодочки, сшитой из коры, с крышкой из тонкой дощечки, имеющей ряд отверстий по краям и в центре, вероятно, для скрепления с лубяной основой гроба (рис. 11, 3). На крышке — следы малиновой краски. В могиле 8 также находился гроб, но другой конструкции: основа его состояла из прямоугольной рамы, сколоченной из досок толщиной от 2 до 5 см и шириной до 20 см, дно — из тонких поперечных дощечек, положенных на некотором расстоянии друг от друга (рис. 11, 4). Этот легкий гроб имел крышку из коры. Ладьевидные гробики для захоронения детей не раз встречались в сарматских могилах Нижнего Поволжья прохоровской культуры, но это были обычно долбленные колоды с тонкой крышкой сверху⁹. Там же известны случаи, когда покойника заворачивали в кору или бересту. Дощатые гробы описанной конструкции также были хорошо известны для этого времени как в Приуралье, так и в Поволжье¹⁰. В трех больших могилах

³ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 108—111, стр. 352, рис. 60.

⁴ Там же, стр. 353, рис. 61, 15; стр. 355, рис. 63, 3, 4, 8; стр. 358, рис. 66, 3.

⁵ Там же, стр. 113, 114, 118, стр. 358, рис. 66, 1—8.

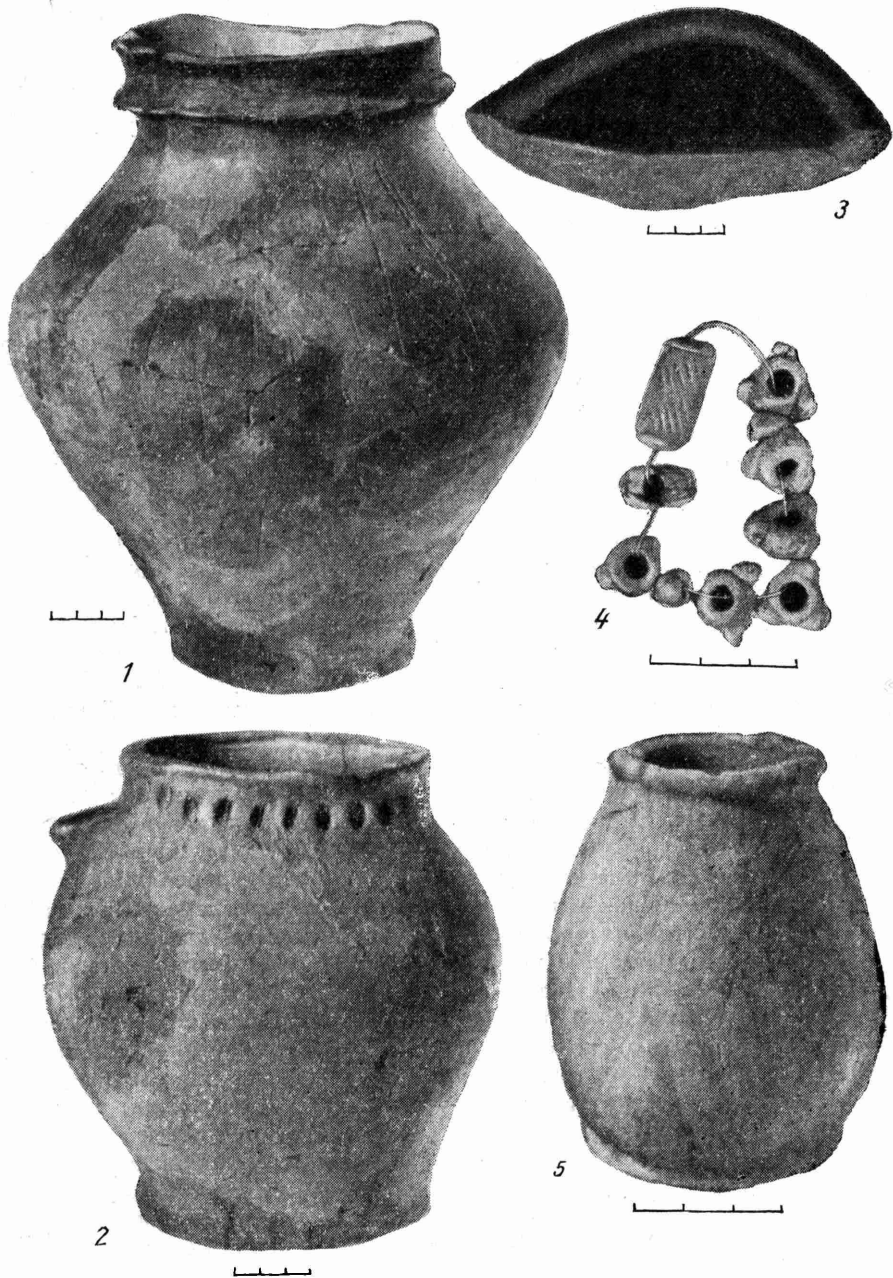
⁶ Там же, стр. 150; К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, вып. Д1—9. М., 1963, табл. 27, рис. 3, 4, 7.

⁷ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 164, 367, рис. 74, 22, 23.

⁸ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 81; рис. 5. Производство и характер хозяйства ранних сарматов. СА, 1964, № 3, стр. 53, рис. 1.

⁹ М. Г. Мошков. Памятники прохоровской культуры. САИ, вып. Д 1-10, М., 1963, стр. 22.

¹⁰ Там же, стр. 22, 23 и табл. 4, рис. 5—8.

Рис. 9. Курганы у хутора Барышникова

1, 2 — глиняные сосуды; 3 — обломок каменного блюда; 4 — бусы; 5 — алебастровый сосуд
 (1 — курган 2, погребение 1; 2—5 — курган 1, погребение 2)

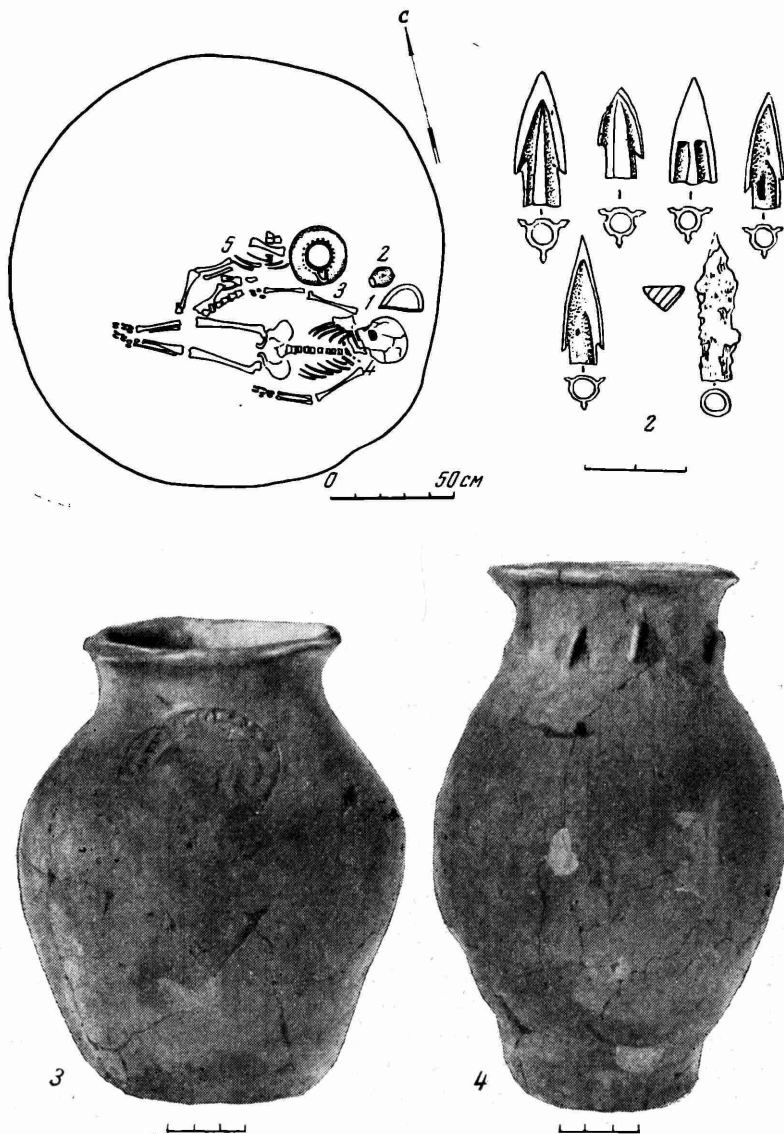

Рис. 10. Курганы у хутора Барышникова

1 — план погребения (курган 1, погребение 2): 1 — каменное блюдо, 2 — алебастровый флакон, 3 — горшок, 4 — бусы, 5 — кости барана; 2 — наконечники стрел; 3, 4 — глиняные сосуды (2—4 — курган 4, погребение 2)

были парные захоронения, вероятно, одновременные. Уверенно это можно утверждать для могилы 8: женщина и подросток тесно лежали в одном гробу.

Погребальный инвентарь этих могил обычен для развитой прохоровской культуры. Среди обломков железного оружия, найденного в ограбленной могиле 2, следует указать на обломок массивного наконечника копья и трехгранные наконечники стрел с длинными черешками (рис. 12, 3). Эта форма наконечников стрел известна в ряде поволжских погребений, особенно в погребении 3 кургана № 4 у с. Визенмиллер (IV—III вв. до н. э.)¹¹, а в

¹¹ М. Г. Мошкова. Указ. соч., стр. 32 и табл. 17, рис. 28, 29.

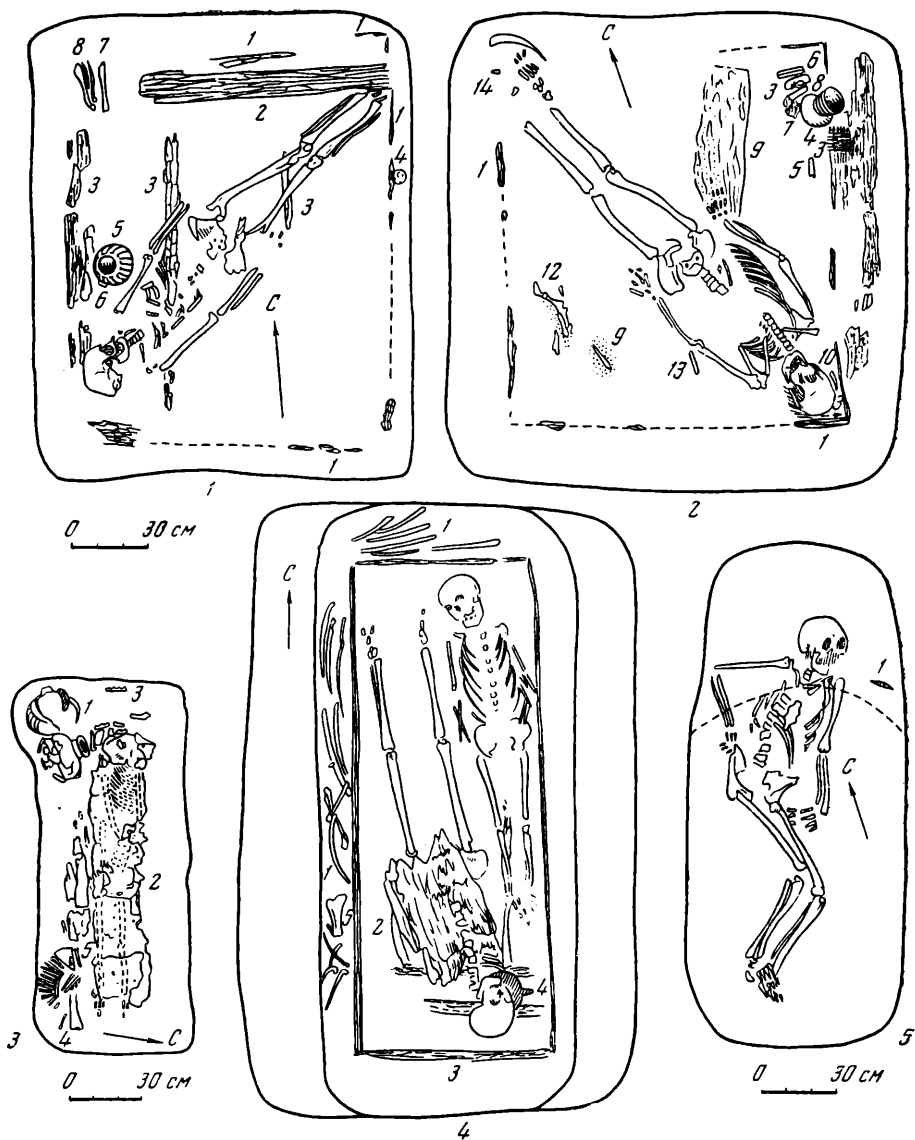

Рис. 11. С. Герасимовка. Курганные группы I и III. Планы погребений

1 — курган 9, погребение 3 (1 — деревянная рама, 2 — плаха от перекрытия, 3 — береста, 4 — галька, 5 — сосуд, 6 — мел, 7 — кости овцы, 8 — железный нож); 2 — курган 9, погребение 1 (1 — деревянная рама, 2 — плаха от перекрытия, 3 — наконечник стрел, 4 — кувшины, 5 — костяная поделка, 6 — каменные бруски, 7 — золотое вещество, 8 — сера, 9 — береста, 10 — костяная ложка, 11 — железный нож, 12 — кости овцы, 13 — кость с заполнровкой, 14 — ребра животного); 3 — курган 1, погребение 7 (1 — сосуд, 2 — гробик из коры, 3 — деревянная поделка с бронзовыми скрепками, 4 — кости барашка, 5 — железный ножи); 4 — курган 1, погребение 8 (1 — кости животных, 2 — крышка гроба, 3 — стенки гроба, 4 — бронзовое зеркало, 5 — железный ножи); 5 — курган 10 (1 — железный ножи) (1, 2, 5 — Герасимовка I; 3, 4 — Герасимовка III)

Приуралье они найдены в прохоровских курганах, на Илеке в курганах «Близнецы» и Мечет-сая и особенно много их в погребениях Старокиишкинского могильника Южной Башкирии¹². Круглодонные сосуды с узким горлом и шаровидным туловом, украшенным тройными вертикальными желобками или бороздами, из погребения 7 (рис. 12, 1, 2) представляют наиболее характерные формы круглодонной посуды развитой прохоровской культуры Поволжья и Приуралья¹³. В той же могиле были найдены куски какой-то деревянной поделки, может быть, крышки от сосуда, скрепленной узкими бронзовыми полосками. Аналогичные изделия были обнаружены в ряде сарматских погребений могильников Мечет-сай и Старые Кишки (материал не опубликован). Под головой женщины, погребенной в гробу могилы 8, лежало большое бронзовое зеркало (диаметр диска 18 см) с валиком по краю диска и коротким треугольным штырем для насадки на деревянную ручку,— типичный предмет прохоровской культуры III—II вв. до н. э.¹⁴

Среди сарматских погребений описываемой группы наибольший интерес представляют два диагональных погребения среднесарматского периода в кургане № 9 Герасимовки I (рис. 11, 1, 2). В широких прямоугольных, почти квадратных могилах находились гробовища одинаковой конструкции. Основу их составляли квадратные рамы из досок, поставленных на ребро. В могиле 1 удалось проследить на торце одной доски вертикальные пазы. Вероятно, рамы составляли основу какого-то сложного сооружения с легким покрытием, с которым были связаны обломки палочек и прутьев. На дне рамы прослеживались полосы коры, идущие параллельно друг другу. Могилы сверху были перекрыты плахами.

По диагонали первой могилы была погребена вооруженная женщина (?). На одной из плах перекрытия лежало более 80 стрел с железными трехлопастными черешковыми наконечниками и деревянными древками (рис. 12, 4, 5). Древки были окрашены в красный цвет и на конце имели вырезанные выемки для наложения их на тетиву лука. Обломок бронзового зеркала и тонкая костяная ложечка в виде лопаточки (рис. 12, 6) — характерные предметы сарматских женских погребений. В каждой могиле стояло по одному глиняному плоскодонному сосуду с темной лощеной поверхностью (рис. 12, 7, 8). Орнамент в виде желобков и борозд на горле и тулове сосудов сделан лоуцилом.

Диагональные погребения среднесарматского времени (сусловская культура) с подобным типом деревянных конструкций, основу которых составляет деревянная рама, известны в Нижнем Поволжье. В Приуралье до сих пор вообще открыто очень мало сарматских погребений этого времени, среди которых лишь одно диагональное было исследовано К. В. Сальниковым в 1949 г. во II Мало-Кизыльском могильнике близ г. Магнитогорска¹⁵. Кувшин оттуда по обработке своей поверхности аналогичен сосуду из погребения № 3 — он покрыт пролощенными полосами по горлу и тулову. Такая отделка поверхности сосудов и их темное лощение характерны для сарматской посуды первых веков н. э., однако по форме тулова и орнаменту оба сосуда из Герасимовки восходят к керамике прохоровской культуры, среди которой известны грушевидные сосуды с узким горлом и плоским дном¹⁶. Сосуд из погребения № 1 с оригинальной гофрировкой высокого цилиндрического горла (рис. 12, 7) находит себе близкую аналогию, и, пожалуй, един-

¹² Там же, табл. 17, рис. 18—20.

¹³ Там же, стр. 28 и табл. 10; рис. 7, 19, 23, 25, 31, 32.

¹⁴ Там же, табл. 28.

¹⁵ К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 97, рис. 32, стр. 98, рис. 33, 3, 4.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 81, рис. 24; М. Г. Мошкова. Указ. соч., стр. 24, 25 и табл. 5, рис. 4, 6; табл. 6, рис. 1, 4.

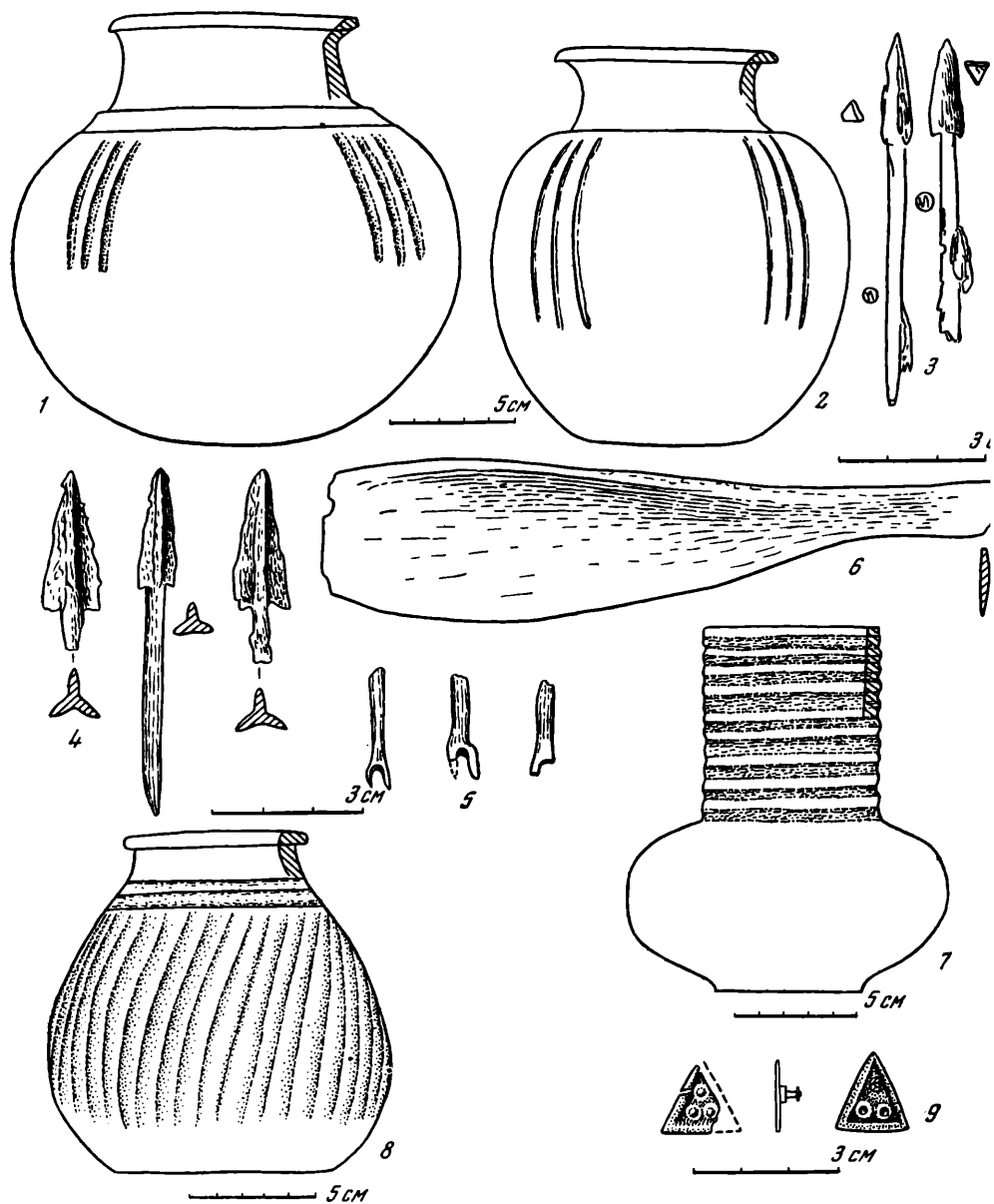

Рис. 12. Находки из курганов у хутора Барышникова и с. Герасимовка

1, 2, 7, 8 — глиняные сосуды; 3—5 — железные наконечники стрел; 6 — костяная ложка; 9 — серебряные бляшки (1, 2 — Герасимовка III, курган 1, погребение 7; 3 — Герасимовка III, курган 1, погребение 2; 4—7 — Герасимовка I, курган 9, погребение 1; 8 — Герасимовка I, курган 9, погребение 3; 9 — хутор Барышников, курган 3, погребение 5)

ственную, в одном из позднепрохоровских погребений II Бережновского могильника на Еруслане¹⁷.

Соседний курган № 10 I Герасимовской группы дал единственное погребение, которое уверенно можно отнести к позднесарматскому времени, не определяя более узко его датировку. Хотя его инвентарь и не выразителен (железный ножичек и обломки плоскодонного горшка в засыпке), но узкая форма могилы с полуподбоем в северной стенке, полускорченное положение покойника, его северная ориентировка (рис. 11, 5). — выразительные признаки позднесарматской культуры, известной нам пока лучше всего по памятникам Поволжья. Вероятно, к тому же периоду относится разрушенное впускное погребение в верхней части насыпи большого кургана № 5. В районе этого погребения были найдены черепки от сарматского горшка с грубым прочерченным орнаментом в виде зигзага по тулову и многогранная бусинка из синего полупрозрачного стекла.

К позднесарматскому же времени относятся четыре впускные погребения кургана № 3 у хут. Барышника и, вероятно, погребение № 2 в соседнем кургане № 4. Все они совершены в узких продолговатых ямах. Погребенные лежат вытянуто на спине, преимущественно головой на север и северо-запад. Черепа двух взрослых в кургане № 3 были искусственно деформированы. Почти все могилы без инвентаря, поэтому уточнение даты этой группы могил затруднительно. Однако есть определенное основание отнести эти погребения к той группе позднейших «сармато-аланских» памятников, которые были выделены в Поволжье И. В. Синицыным и Е. К. Максимовым и датированы суммарно V—VIII вв.¹⁸ Не ранее IV—V вв. у населения степей, оставивших нам погребения позднесарматского типа с деформированными черепами, появляются пояса, украшенные рядом металлических бляшек из бронзы и низкопробного серебра. Они имели различную форму.

Подобный поясной набор был обнаружен и нами в детском погребении 5. Бляшки имели треугольную форму с валиком по краям и тремя выпуклостями в середине и были оттиснуты из тонких серебряных пластинок (рис. 12, 9). Их было найдено более 50 штук. Они лежали в один ряд между кистями рук на тазовых костях и под ними. На них сохранились остатки кожи от ремня, к которому они прикреплялись при помощи серебряных же трубочек-заклепок. В этой группе могил отсутствует керамика, мало костей животных, что также свойственно позднейшим могилам сарматского типа.

Таким образом, можно думать, что «позднесарматские» погребения хут. Барышника относятся к тому времени, когда уже прекращается политическое господство сарматов в Заволжско-Уральских степях. Их этническая принадлежность остается неясной — то ли это были остатки прежнего сарматского населения степей, то ли новые пришлые тюркские орды, входившие в гуннский союз племен. Позднесарматский период восточноевропейских степей еще очень слабо исследован. Мы до сих пор имеем мало памятников гуннского времени из этих областей, а в Южном Приуралье их буквально единицы.

Исследования Оренбургской экспедиции в 1963—1964 гг. в бассейне р. Кинделя показали, что дальнейшие раскопки курганов в Южном Приуралье весьма перспективны. Они могут привести к открытию целых курганных групп с погребениями последних двух этапов развития сарматской культуры и дать такой же массовый материал для изучения истории и культуры сарматов первых веков н. э., какой мы сейчас имеем только по савроматской и прохоровской культурам Южного Приуралья.

¹⁷ И. В. С и н и ц ы н. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, № 78, 1960, стр. 27, рис. 8, 2.

¹⁸ И. В. С и н и ц ы н. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. Известия Саратовского нижеволжского института краеведения, т. VII. Саратов, 1936, стр. 71—85; О н ж е. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 23, 24; Е. К. М а к с и м о в. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. — Труды Саратовского обл. музея краеведения, вып. 1. Саратов, 1956, стр. 65—85.

М. Г. МОШКОВА

РАБОТЫ КАЗАХСТАНСКОГО ОТРЯДА
ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1964 г.

Широкие и планомерные раскопки последних двух десятилетий на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья позволили в общих чертах наметить границы области, населенной сарматскими племенами со второй четверти I тыс. до н. э. и вплоть до IV в. н. э.

Но на востоке границы были намечены ориентировочно, поэтому одна из задач, стоявших в последние годы перед Южноуральской экспедицией, заключалась в обследовании восточных районов Оренбуржья. Сейчас восточные границы распространения сарматских племен намечаются по верховьям Тобола, Аяти, Уя (к западу от Троицка), район Челябинска является пограничной зоной; на юге рубежом служило, видимо, междуречье Ори — Иргиза и бассейн Эмбы¹. Но не только соседские отношения связывали территорию оренбургских и североказахстанских степей. Несомненный прилив в IV в. до н. э. в среду сарматского населения какого-то восточного компонента, возможно, происходил и с территории Северного Казахстана.

У пос. Соколовка (Северо-Казахстанская область, правый берег Ишима, район г. Петропавловска) в 1956 г. было раскопано несколько курганов², один из которых дал интересный керамический комплекс, весьма близкий раннесарматским сосудам IV или рубежа IV—III вв. до н. э.³, а также керамике зауральской лесостепи того же времени⁴. Чуть восточнее в Кокчетавской области тогда же был раскопан небольшой могильник Айдабуль II⁵, материалы которого, датируемые V—IV вв. до н. э., относятся к кругу центрально-казахстанских культур раннего железного века⁶.

В 1964 г. Казахстанский отряд Южноуральской экспедиции обследовал бассейн р. Ишим в пределах Рузаевского района Кокчетавской области и провел небольшие раскопки.

Многие памятники в связи с освоением целины, особенно мелкие курганы, оказались уничтоженными⁷. Основные работы были сосредоточены по обоим берегам Ишима от с. Ставрополка до пос. Пески. Удалось зафиксировать лишь четыре небольшие курганные группы и изредка встречающиеся

¹ К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, вып. Д1-9. М., 1963, стр. 10—17; М. Г. Мошкова. Памятники Прохоровской культуры. САИ, вып. Д1-10, 1963, стр. 15—18.

² К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Труды ИИАЭ АН Каз.ССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 23—24.

³ М. Г. Мошкова. Указ. соч., табл. 9.

⁴ В. Е. Стоянов и В. Н. Фролов. Курганные могильники у дер. Воробьево. ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, стр. 85, рис. 30.

⁵ К. А. Акишев. Указ. соч., т. 7, стр. 19—21.

⁶ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, М. Оразбаев. Древняя культура племен Центрального Казахстана (находится в печати).

⁷ Археологическая карта этого района составлена в 1955—1956 гг. сотрудниками Института Археологии и этнографии АН Казахской ССР.

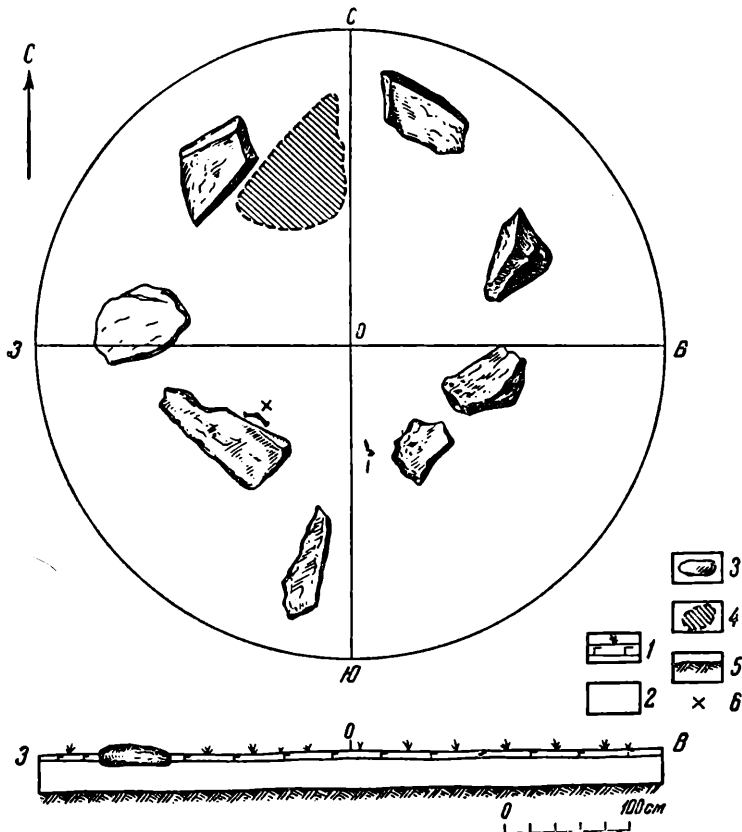

Рис. 13. Курганная группа у совхоза Берликский. Каменное кольцо
 1 — слой дерна; 2 — серая супесь; 3 — камень; 4 — участок материка красного цвета;
 5 — материк; 6 — бронзовые удила

ся отдельные курганы. Насыпи их всегда отмечались камнем: в виде выкладки у основания, бессистемной наброски или большого количества во всей толще насыпи. В одной из курганных групп на правом высоком коренном берегу Ишима в 3 км к югу от центральной усадьбы совхоза Берликский было раскопано два кургана с большим содержанием камня в насыпи и каменное кольцо без насыпи.

Оба кургана дали очень невыразительные комплексы. В одном из них под насыпью, особенно насыщенной камнем в центральной части, на уровне древнего горизонта лежал потревоженный скелет ребенка, судя по костям таза и нескольким позвонкам, сохранившимся *in situ*, погребенный лежал на левом боку головой на северо-запад. Вещей при погребенном не было. Для андроновской культуры, распространенной на этой территории, подобный обряд не характерен: курганы, особенно с камнем в насыпи, встречаются здесь очень редко⁸, а положение погребенного на уровне древнего горизонта и вовсе не известно. Также редко наблюдается здесь и северо-западная ориентировка. Поэтому отнесение описанного погребения к эпохе бронзы маловероятно. Погребения на древнем горизонте известны среди савроматских могил, главным образом Южного Приуралья⁹, а в Челябинской группе памятников среди них встречена и северо-западная ориентировка. Поэтому, вероятно, данный курган можно отнести к эпохе ранних кочевников.

⁸ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М., 1962, стр. 41—43.

⁹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 82.

Во втором кургане, в насыпи которого тоже были камни, находилась грунтовая яма, забутованная почти до дна камнем. В ней был похоронен мужчина, лежавший вытянуто на спине, головой на запад. Поперек правого плеча погребенного лежала кость ноги барана, инвентаря при нем не было.

Интересно каменное кольцо без насыпи диаметром $2,7 \times 2,5$ м (рис. 13); оно образовано семью большими бесформенными камнями, лежащими почти правильно по кругу; восьмой камень находился вне линии круга. Этот камень и по форме отличался от других. Весьма возможно, что первоначально он стоял в качестве надгробной стеллы. Была вскрыта площадь не только внутри кольца, но и полуметровая траншея вокруг него. На глубине 0,20 м в южной части кольца у одного из камней (рис. 13) почти вплотную к нему лежали бронзовые стремевидные удила очень хорошей сохранности. Тип этот бытовал на территории Евразии в VII — первой половине VI в. до н. э. Особенно характерны такие удила для юга Восточной Европы и Южной Сибири¹⁰.

Отсутствие могильной ямы и каких бы то ни было костных остатков заставляет думать, что погребенный здесь человек (а может быть, конь) был положен на древнюю поверхность. Над ним, видимо, сооружалось какое-то легкое деревянное покрытие, не засыпанное землей. Со временем сооружение разрушилось, кости истлели, а удила постепенно опустились в грунт на глубину не более 20 см.

Подобный погребальный обряд, правда в значительно более поздних памятниках, был зафиксирован М. П. Грязновым на Верхней Оби у племен переходного этапа (V—VI вв. н. э.) от одинцовского к фоминскому¹¹.

Каменные кольца без насыпи на территории Казахстана характерны для эпохи бронзы, и нахождение в подобном кольце стремевидных удила говорит о продолжении древних андроновских традиций в эпоху раннего железного века. В раскопках последних лет курганных могильников Центрального Казахстана нередко встречаются кольца из больших бесформенных камней, реже из вертикально вкопанных плит. При раскопках колец на глубине 0,15—0,20 м нередко фиксировались следы разведения огня и пережженные кости барана или лошади в очень незначительном количестве. В 1956 г. юго-восточнее Караганды (около 150 км) при раскопках могильника Толагай возле одного из курганов «с усами» были зафиксированы две оградки (диаметром 4—5 м) из вертикально выступающих на поверхности каменных плит. Обе оказались пустыми, но в центре их на глубине 1—2 штыков были зольные пятна, прокаленный грунт, кости барана и лошади. Около одной из оградок за ее пределами были найдены бронзовые стремевидные удила (сведения о могильнике любезно сообщил М. К. Казырбаев). Сохранение одной из самых ярких андроновских традиций, а также близость с оградками эпохи железа Центрального Казахстана свидетельствуют о несомненном культурном единстве Северо-Восточного и Центрального Казахстана в эпоху раннего железного века. По всей вероятности, территория обитания этих племен простиралась и за Ишим, далее на запад, возможно, вплоть до Тобола. В этом отношении весьма знаменательно погребение, недавно открытое на Уе (в 20 км восточнее Троицка)¹², которое по погребальному обряду и инвентарю совершенно идентично центрально-казахстанским комплексам эпохи ранних кочевников¹³.

Проведенные разведки и раскопки показали необходимость дальнейшего изучения территории Северного Казахстана, особенно его западных районов, в частности верхнего течения Тобола, где, видимо, смыкались два культурных мира сарматов и казахстанских кочевников.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 79.

¹¹ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, стр. 116.

¹² Г. И. Матвеева. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка. «Археология и этнография Башкирии», т. II. Уфа, 1964, стр. 212—214.

¹³ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Казырбаев, М. Оразбаев. Указ. соч.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

ПЕРВЫЕ КОМПЛЕКСЫ
РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ТУВЫ

Памятники скифской эпохи в Туве чрезвычайно многочисленны, и культура скифского времени в Туве, названная исследователями казылганской¹ или уюкской², изучена лучше других культур. Однако все раскопанные до сих пор курганы давали материал не ранее V—IV вв. до н. э.

В 1962 г. сотрудником Тувинского НИИЯЛИ М. Х. Маннай-оолом в Каа-Хемском районе, в нескольких стах метрах к северу от д. Зубовки, на правом берегу р. Каа-хем, у подножья горы Кускуннуг, в могильнике, содержащем курганы разных эпох, раскопан курган 96, содержащий инвентарь архаического скифского времени.

Курган представлял собой округлую насыпь из камней, диаметром — 5,25 м, высотой — 50 см. В центре кургана под насыпью была обнаружена подпрямоугольная яма, ориентированная с ССЗ на ЮЮВ, размеры ее — 1,68 × 0,86 м, глубина — 1 м. На дне могилы лежал костяк взрослого человека, скорченно, на левом боку, головой на ССЗ. Ноги сильно согнуты, так что бедренные кости образуют с позвоночником почти прямой угол. Возле бедренных костей лежал бронзовый массивный нож и точильный брусок (рис. 14, 6, 7)³.

В 1964 г. раскопан курган раннескифской эпохи Маннай-оолом и автором настоящей статьи в могильнике под южным склоном горы Бош-Даг, на левом берегу р. Чаа-холь, притока Енисея, на надпойменной террасе, примерно в 10 км к югу от пос. Чаа-холь Улуг-Хемского р-на. В этот обширный могильник входило более 50 курганов скифского и гуннского времени. Интересующий нас курган № 1 находился в юго-западной части могильника, рядом с курганом № 2 и в стороне от других курганов, расположенных ближе к подножью горы. Длина кургана с севера на юг — 9,25 м, с запада на восток — 11 м, высота — 30 см. Курган представлял собой плоскую насыпь из крупных каменных плит размерами 100 × 135; 125 × 50 см, толщиной до 5 см, довольно тщательно пригнанных друг к другу, лежавших в два-три ряда. Только северная часть кургана, где проходил грабительский ход, была свободна от камней. В центре кургана лежало несколько очень крупных камней неправильно-кубической и округлой формы, возвышавшихся над насыпью на 20—30 см. Именно здесь, под насыпью, была обнаружена могила, выкопанная в светло-желтой глине. Глубина могилы — 114 см, дно в песчаниковом грунте. Могила представляла собой, по-видимому, ка-

¹ Название предложено С. И. Вайнштейном (см. «Некоторые итоги работ Тувинского НИИЯЛИ в 1956 г.» УЭТНИИЯЛИ, т. VI. Кызыл, 1958, стр. 230—231).

² Название предложено Л. Р. Кызласовым («Этапы древней истории Тувы». «Вестник МГУ», № 4, 1958, стр. 75).

³ М. Х. Маннай-оол. Новые материалы скифского времени в Туве. УЭТНИИЯЛИ, т. XI. Кызыл, 1964, стр. 280.

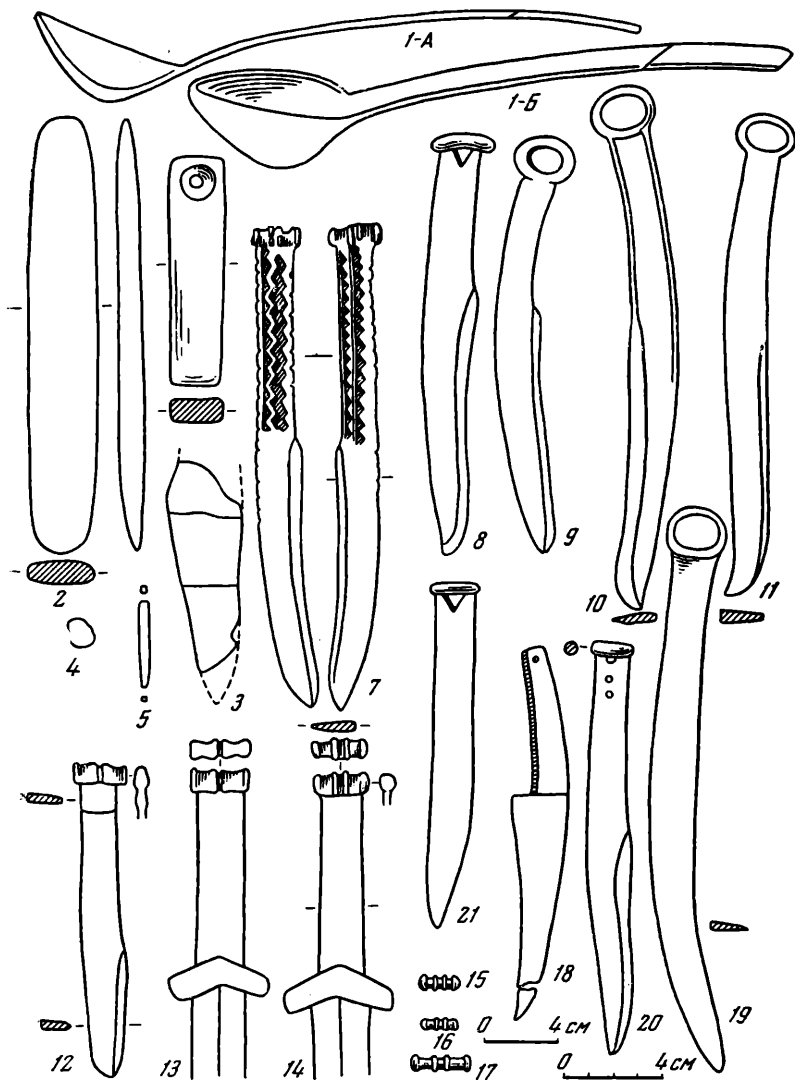

Рис. 14. Раннеказылганские вещи (1—11) и их аналоги (12—21)

1—5 — Бош-Даг, курган 1; 6, 7 — Зубовка, курган 96; 8, 9 — с. Туран; 10 — Чеди-Паш; 11 — Тоджа; 12 — с. Табат, МИМК ТГУ, 6272—457; 13 — Минусинский край, ГЭ, 1293—18; 14 — там же, МИМК ТГУ, 3182; 15 — Райков улус, раскопки А. Н. Липского, АМ; 16 — Ближние Елбаны VII, по М. П. Грязнову; 17 — Б. Чебачье озеро, по М. П. Грязнову; 18 — Устье-Ерба, курган 3, погребение 11, раскопки С. В. Киселева, 1931, ГИМ, хр. VII 47/16 в; 19 — Биджа, ММ 1246; 20 — улус Орак, курган «Л», раскопки Г. П. Сосновского, 1926, МА МГУ; 21 — Минусинский край, ММ 2154; 1 — рог; 2, 6, 15—17 — камень; 3—5, 7—14, 18—21 — бронза

менный ящик, от которого сохранилась только одна стенка, состоящая из двух массивных каменных плит, врытых на ребро, длиной 1,5 м, толщиной 10 см и высотой 40—50 см. Концы одной из плит лежали на крупных камнях округлой формы. Судя по длине плит и по тому, что все кости и все находки были обнаружены севернее плит, можно предполагать, что сохранившиеся плиты являются южной стенкой могилы и что могила была ориентирована с ССЗ на ЮЮВ⁴. Остальные стенки ящика, по-видимому, были выброшены грабителями. Границы могилы не прослежены, так как заполнение ее по цвету совершенно не отличается от окружающего грунта — светло-желтой глины. На дне этой разграбленной могилы были найдены кости конечностей, лопатки, ребра и позвонки взрослого человека, лежавшие в полном беспорядке, а также ложка из рога марала прекрасной сохранности, обломок тонкой бронзовой бляшки, точильный брусок из малинового диорита и лежащий под ним обломок бронзового шила (рис. 14, 1—5), а к западу от стенки могилы, на 12 см выше дна — обломок бронзового ножа (рис. 14, 3). Близ юго-восточного угла могилы, на дне, найдена дисковидная плоская бусина, изготовленная из раковины.

Оба кургана — в Зубовке и в Бош-Даге — датируются найденными в них бронзовыми ножами. Нож из Зубовки — прямой, очень массивный, ручка подпрямоугольная в сечении, отделена от лезвия уступом, орнаментирована с одной стороны двумя вертикальными зигзагами, рельефными благодаря углубленному фону, с другой стороны — двумя рядами мелких углубленных треугольников. Наверху представляет собой валик, круглый в сечении, в средней части его имеется поперечный желобок с высокими краями. Нож этот отличается от других бронзовых ножей казылганских курганов крупными размерами, массивностью и формой. Ножи подобной формы, с треугольным лезвием и уступом, отделяющим ручку от лезвия, характерны для тагарских комплексов VII—VI вв. до н. э. (рис. 14, 8, 20)⁵. Следует отметить, однако, что точных аналогий зубовскому ножу среди тагарских ножей не имеется. Орнамент зубовского ножа типичен как для позднекарасукских, так и для раннетагарских ножей и кинжалов⁶. Нанесение разного орнамента на разные стороны ручек характерно еще для карасукского и предтагарского времени. Наверху зубовского ножа имеет самые точные аналогии на некоторых архаических тагарских кинжалах и ножах VII—VI вв. до н. э. (рис. 14, 12—14)⁷ и, кроме того, точно воспроизводит форму застёжек из белого камня-аргиллита, известных в самых архаических из тагарских погребений (Райков улус, VII в. до н. э. Раскопки А. Н. Липского, 1945⁸), а также в большереченской культуре Алтая (VII—VI вв. до н. э.)⁹ и в Северном Казахстане того же времени¹⁰ (рис. 1, 15—17). Это позволяет датировать погребение у Зубовки VII — началом VI в. до н. э.

⁴ Такова ориентировка могил и в других курганах этого могильника, относящихся к более позднему времени (V—IV вв. до н. э.), а также и в вышеописанном раннем погребении из Зубовки.

⁵ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, вып. 2, 1929, стр. 53, табл. 1—86; В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, вып. 15, 1894, табл. III—24, табл. IV—2, 3; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры Южной Сибири (Автореф. канд. дисс.). М., 1964, стр. 21, класс I.

⁶ Н. Л. Членова. Бронзовый меч из Минусинской котловины. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 136, рис. 57, 1, 9 и стр. 138.

⁷ См. также кинжалы из Усть-Еси, Светлолобки, Тие (ММ, № 811, 813, 805) и из Беи (F. Martin. L'âge du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893, Pl. 21—7).

⁸ Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, № 3, стр. 61.

⁹ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА. № 48, 1956, табл. XIX—1, табл. XXI—8, 9, 10, 11.

¹⁰ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 10, рис. 2—2.

Нож из Бош-Дага, к сожалению, сохранился гораздо хуже: отсутствует ручка и самый конец лезвия. Однако и сохранившаяся часть достаточно выразительна. Нож такой же широкий и массивный, как зубовский. Особенно же интересно то, что спинка ножа имеет коленчатый изгиб, что, как известно, является отличительной особенностью еще карасукских ножей и не свойственно ножам тагарским. Архаичность погребения подтверждает и массивное четырехгранное шило. Курган № 1 могильника Бош-Даг примерно синхронен кургану № 96 из Зубовки.

Таковы первые достоверные погребения VII—VI вв. до н. э., открытые в Туве. Расположенные более чем в 176 км друг от друга по прямой они подтверждают, что раннеказылганская, или уюкская культура была достаточно широко распространена в Туве. Несмотря на очень небольшое пока количество материала, можно все же заметить и некоторые особенности этой культуры. Ножи ее сохраняют сильные пережитки культуры карасукской, гораздо более сильные, чем синхронные тагарские ножи. Находки в комплексах позволяют отнестись сюда же ножи из случайных находок в Туве — нож из местности Чеди-Паш Каа-Хемского района (рис. 14, 10)¹¹ и нож из Тоджи (рис. 14, 11)¹² почти одинаковой формы, с овальным кольцом и чуть «хвостатым» лезвием. Близок к ним по типу и нож из с. Туран¹³ (рис. 14, 9), но его лезвие не хвостатое. Ножи такого типа есть и в Минусинской котловине среди случайных находок, которые относятся, может быть, к VIII—VII вв. до н. э. (рис. 14, 19).

Другой нож из Турана (рис. 14, 8)¹⁴ формой лезвия напоминает нож из Чеди-Паш, наверх же в форме валика сближает его с ножом из Зубовки. Нож из Турана имеет аналогии среди тагарских ножей VII в. до н. э. (рис. 14, 20, 21)¹⁵, не исключено, что он импортный; однако следует заметить, что количество ножей такого типа в Минусинской котловине ничтожно мало (мне известно 16 ножей с валиком из 582 тагарских ножей VII—VI вв. до н. э., т. е. $2,7\% \pm 0,67$, от $2,03\%$ до $3,37\%$). Таким образом, шести описанным ножам свойственно сохранение многих карасукских черт в форме лезвия, наверхья, орнамента. В то время как Минусинская котловина в этот период наводнена ножами без выделенной ручки и без наверхья, с отверстиями в верхней части, которые являются типичнейшими раннетагарскими ножами (336 ножей из общего количества 582 ножей VII—VI вв. до н. э., т. е. $57\% \pm 2\%$, от 55 до 59%), в Туве таких ножей пока не известно вовсе; тагарские ножи без выделенной ручки по происхождению не связаны с карасукскими. Тувинские же ножи с выделенной ручкой и наверхьем являются прямыми потомками ножей карасукского типа. В этом отношении они гораздо ближе к ножам из Монголии и Ордоса, несомненно, относящимся к «скифской» эпохе, но сохраняющим очень многие черты ножей карасукского типа¹⁶.

В обоих раскопанных погребениях найдены оселки (рис. 14, 2, 6), что не характерно для карасукской и тагарской культур Минусинской котловины, но достаточно характерно для других «скифских» культур Евразии как Причерноморья, так и восточной части «скифского мира»: Алтая, Казахстана, Киргизии, Памира, савроматов Приуралья¹⁷, на что обратил внимание

¹¹ М. Х. Маннай-оол. Отчет о работе археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1962 г. Архив ИА, р-1, д. 2428, табл. 13 — 2.

¹² С. И. Вайнштейн. Указ. соч., табл. IV — 33.

¹³ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., табл. II — 39.

¹⁴ Там же, табл. II — 35.

¹⁵ Орак, курган «Л», раскопки Г. П. Сосновского, 1926, МА МГУ, а также ножи из д. Янова (ММ, 10 223) и Минусинского края (ММ, 2154).

¹⁶ J. G. Andersson. Hunting Magic in the Animal Style. BMFEA, № 4, Stockholm, 1932, Pl. II — 3; M. Loeher. Ordos Daggers and Knives. Pt. II. Knives. Artibus Asiae XIV, Ascona 1951, Pl. VIII — 53, 54, 42—44; A. Salmony. Sino — Siberian Art. Paris, 1933, Pl. XXXVII.

¹⁷ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА № 48, 1956, табл. XVII, 34, XXI, 21; Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. IX,

М. Х. Маннай-оол. В обоих раскопанных погребениях отсутствует керамика, чем эти погребения также отличаются от синхронных им тагарских погребений, где керамика — обязательный компонент погребального инвентаря, и сближаются как с погребениями V—III вв. до н. э. из Тувы, где керамика или полностью отсутствует, или малочисленна, так и с перечисленными культурами восточной части «скифского мира»: майэмирской на Алтае, сакской в низовьях Сыр-Дарьи, в Казахстане, в Киргизии и на Памире, начиная с VII—V вв. до н. э., где наблюдается подобная же картина.

Для характеристики культур этих районов М. П. Грязнов употребляет термин «ранние кочевники». У кочевников керамики обычно значительно меньше, чем у оседлого населения, и, может быть, в отсутствии керамики в погребениях раннескифского времени из Тувы также можно видеть указание на кочевой образ жизни оставившего их населения, подобно населению Горного Алтая и Памира с VII в. до н. э.

Обряд погребения позволяет говорить о преемственности погребального обряда в могильниках Тувы VII—IV вв. до н. э. Положение костяка из кургана № 96 у Зубовки находит аналогии не только в Туве и в V—IV вв. до н. э., но и в погребениях скифского времени Горного Алтая, Восточного Казахстана и Памира¹⁸.

Комплексы раннеказылганской или раннеуюкской культуры Тувы VII—VI вв. до н. э. позволяют предположить: 1) преемственность с позднеказылганскими памятниками V—IV вв. до н. э., 2) преемственность от более ранней культуры типа карасукской. Раннеказылганские памятники, как и более поздние памятники той же культуры, обнаруживают связь с синхронными сакскими памятниками Горного Алтая, Казахстана, Памира, с одной стороны, и Монголии и Ордоса — с другой, и значительно меньше сходство с тагарскими памятниками Минусинской котловины; это прослеживается по типам бронзовых ножей, наличию в погребениях оселков, отсутствию в погребениях керамики, по скорченному положению покойника и типу погребального сооружения — каменному кургану. Можно думать, что население Тувы в отличие от населения Минусинской котловины уже в VII—VI вв. до н. э. было кочевым, подобно населению Казахстана и Памира.

К числу раннеказалганских, или раннеуюкских комплексов следует отнести, по-видимому, и некоторые оленные камни. Было высказано предположение, что оленные камни северотувинского типа, в которых изображение человека видно отчетливо, более ранние, чем оленные камни из Южной Тувы, Забайкалья и Монголии, где первоначальный замысел изобразить человеческую фигуру уже забывается¹⁹. Однако северотувинские оленные камни датировались в этой работе временем не раньше V в. до н. э. ввиду отсутствия в Туве памятников VII—VI вв. до н. э. и ввиду того, что изображенные на них серьги были найдены в курганах V—IV вв. до н. э.²⁰, а другие предметы как будто не обнаруживали черт более раннего времени.

В 1964 г. автору настоящей работы удалось детально ознакомиться в Кызыле с оленным камнем, найденным у пос. Суш и известным ему раньше лишь по рисунку С. И. Вайнштейна²¹. На публикуемой здесь копии эстампажа части этого изваяния отчетливо видно, что подвешенный к поясу кинжал имеет прямое перекрестье, или «шпы», клинок с параллельными лезвиями и навершье в виде полукольца (рис. 15, 1). В Минусинской кот-

211; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алтая. МИА, № 26, 1952, стр. 31, рис. 12, 2 и др. М. Х. Маннай-оол. Указ. соч., стр. 280.

¹⁸ Н. Л. Членова. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других скифских культур Евразии. УЗНИИЯЛИ, т. IX, Кызыл, 1961, стр. 146.

¹⁹ Н. Л. Членова. Об оленных камнях Монголии и Сибири. «Монгольский археологический сборник», М., 1962, стр. 32.

²⁰ Там же, стр. 33.

²¹ Там же, стр. 31, рис. 6, 2; С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги..., табл. IV — 83.

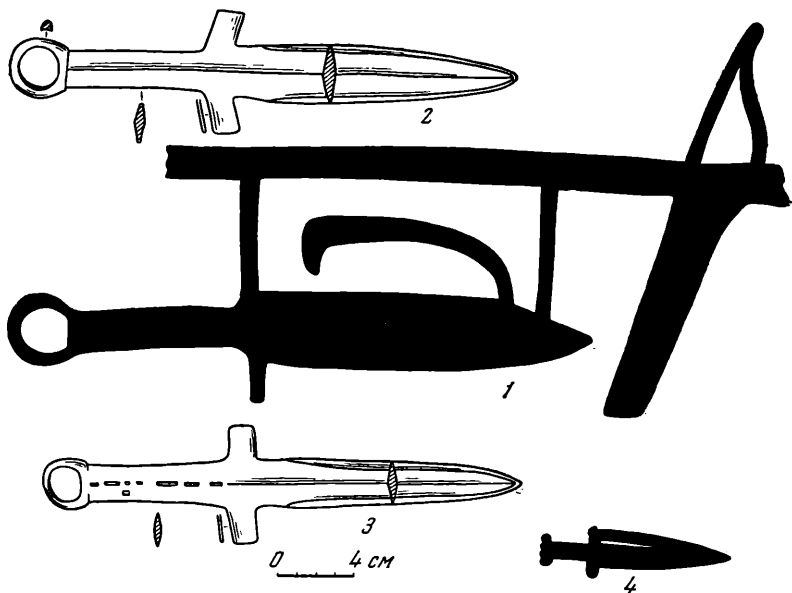

Рис. 15. Изображение на оленнем камне и датирующие аналоги

1 — пос. Суш; 2 — с. Чулково на р. Березовка близ Красноярска, ГЭ, 5531—243; 3 — дер. Жерлык, КМ, 131—380; 4 — положение кинжала и ножа на поясе погребенного в кургане на р. Усунжул. По И. П. Кузнецову-Красноярскому; 1 — выбито на камне, 2—4 — бронза

ловине имеются очень точные аналогии такому кинжалу, датируемые VII—VI вв.²² (рис. 15, 2, 3). Поверх кинжала изображен какой-то изогнутый предмет, в котором, можно видеть, можно видеть нож со шляпкой, напоминающий еще карасукские ножи, что, как мы видели, для Тувы VII—VI вв. до н. э. не является случайным. Помещение ножа и кинжала в одном футляре, подвешенном к поясу, иногда встречается в раннетагарских погребениях²³ (рис. 15, 4). Но, может быть, этот предмет изображает не нож, а какой-то ремешок на ножнах кинжала.

Как бы то ни было, кинжал достаточно хорошо датирует этот олений камень VII—VI вв. до н. э. Помещенный на обратной стороне камня чекан изображен слишком схематично; все же можно видеть, что он имеет трапециевидный обухок, как будто не известный у тувинских чеканов V в. до н. э., но не известный и у тагарских чеканов. Ближе всего он напоминает проушные клевцы с трапециевидным плоским обухком из Причерноморья (VII в. до н. э.)²⁴, из Карраса на Северном Кавказе (то же время)²⁵ и из Прикамья (VI в. до н. э.)²⁶; однако по изображению на оленнем камне нельзя судить, проушной ли это чекан или втульчатый. Мы знаем теперь, что воины в Туве в VII—VI вв. до н. э. были вооружены кинжалами, чеканами и сложными луками небольших размеров и оружие это подвешивалось к поясу. Другие предметы, изображенные на этом камне,—серьги в

²² Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры Южной Сибири. (Канд. дисс.). Архив ИА, р-1, д. 1931, стр. 87—88; д. 1931^а, табл. 42, 2, 3.

²³ Например, в кургане на р. Усунжул, VII—VI вв. до н. э. (И. П. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности. Томск, 1908, таблица между стр. 7 и 8);

²⁴ С. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, 1917, стр. 54, рис. 11.

²⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XXXVI, 1.

²⁶ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 105, табл. XXII — 11 и стр. 106.

виде кольца с подвеской-шариком, круглые бусы, фигурки оленей и лошади — также датируются теперь начиная с VII—VI вв. до н. э.

Весьма вероятно, что и многие другие (если не все) оленные камни «I типа», отчетливо изображающие человеческую фигуру, и безусловно камень из Турана, покрытый изображениями оленей и других животных²⁷, относятся к VII—VI вв. до н. э. Олени здесь изображены стоящими на кончиках копыт с высоко поднятыми вверх мордой и задней частью. Эта каноническая поза широко распространена в VII—VI вв. до н. э. в «скифском мире»²⁸. Однако в работе об оленных камнях автора смутило то, что рога этих оленей изображены гребенчатыми, а морды — горбатыми, как у тагарских бляшек-оленей V—IV вв. до н. э., и камень был датирован V в. до н. э.²⁹ Но в 1963 г. в могильнике Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи О. А. Вишневской была найдена бронзовая бляшка, изображающая оленя, стоящего на кончиках копыт, с такими же гребенчатыми рогами в комплексе VII в. до н. э.³⁰, что позволяет теперь датировать туранский камень VII—VI вв. до н. э. и вновь подтверждает мнение, что изображения оленей как стоящих, так и с подогнутыми ногами (изображения на камне из Суши) попали в Туву не из Минусинской котловины, а из более западных районов.

Таковы немногочисленные пока комплексы VII—VI вв. до н. э. из Тувы и те предварительные выводы, которые они позволяют сделать.

---

²⁷ Н. Appelgren-Kivalo. *Alt-Altäische Kunstdenkmäler*. Helsinki, 1931, Abb. 33—1a, b.

²⁸ Н. Л. Членова. Скифский олень.— МИА, № 115, 1962, стр. 202, табл. IV—1; 3, 4, 5—10.

²⁹ Н. Л. Членова. Об оленных камнях..., стр. 33, сн. 28.

³⁰ Курган № 41.

Я. И. СУНЧУГАШЕВ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ МЕДИ
В ХОВУ-АКСЫ

Район Хову-Аксы Тувинской АССР с недавнего времени стал известен в исторической литературе как один из крупных медных рудников эпохи бронзы и раннего железа¹. Древние горные выработки здесь сохранились в виде карьеров, шахт и штолен.

Нашими археологическими разведками (1962 г.) получены новые материалы, свидетельствующие и о выплавке меди в окрестностях этого района. Найдены места древней выплавки меди (шлаковые отвалы) на левом берегу р. Элегест (в 3—4 км к югу от древнего рудника); в устье р. Чумуртук, правого притока Элегеста и в долине р. Он-Кажая, в 21 км к северо-северо-востоку от поселка Хову-Аксы. В 1963 г. был раскопан древний медный шлаковый отвал на западном участке в районе горы Кара-Хая. Отвал был покрыт тонким (5—10 см) слоем дерна, простираение отвала под дерном предварительно установлено металлометрической съемкой². Ореолы рассеяния солей меди в почве ограничиваются в пределах 6—7 м, что отвечает размеру отвала полностью вскрытого нашим раскопом. Мощность культурного слоя в середине отвала достигает 0,2 м. В шлаке вкраплены зерна кварца по 4—5 мм и корольки меди по 1—2 мм. Химический состав медных шлаков: Cu (медь) — 2,06%; Co (кобальт) — 0,066; Ni (никель) — 0,03; Bi (висмут) — 0,018; Fe (железо) — 30,26; As (мышьяк) — 0,009%³.

В отвале оказались обломки глиняных литейных форм, сопел, посуды, тиглей, каменной терки, кости домашних животных и множество мелких обломков обожженной глины.

Литейные формы. В отвале найдено 19 обломков, которые представляют формы для отливки пластинчатых ножей уюкской культуры (рис. 16, 1, 2, 3, 4, 5), шишки-сердечники, вероятно, предназначенные для отливки втульчатых чеканов и других орудий (рис. 16, 6, 7, 8, 9, 10, 11).

Глиняные сопла. Здесь найдено 17 обломков трубчатых сопел. Все они сделаны из глины с примесью мелкого гравия и костяной золы. Наружная поверхность обломков сопел ошлакована, стенки каналов обычно имеют гладкую поверхность. Узкие концы сопел, вставлявшиеся в горн, покрыты черным стекловидным шлаком. Изучение обломков позволяет заключить, что сопла изготовлены на деревянных круглых основах, от которых сохранились едва заметные продольные отпечатки древесины. Судя по найденным обломкам, диаметр дутьевого канала сопел в среднем равен 35—40 мм.

Тигли. В северо-восточной половине отвала найдено 16 фрагментов

¹ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. «Вестник МГУ», историко-филологическая серия, № 4, 1958, стр. 74—75; Я. И. Сунчугашев. Древние горные выработки в Хову-Аксы. «Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ», IX, 1961, стр. 232.

² Я. И. Сунчугашев, Е. П. Захаров. Опыт применения геологических поисковых методов в археологической разведке. СА, 1964, № 1, стр. 295—298.

³ Анализы произведены в лаборатории Тувинской комплексной экспедиции Красноярского геологического управления (1962 г.).

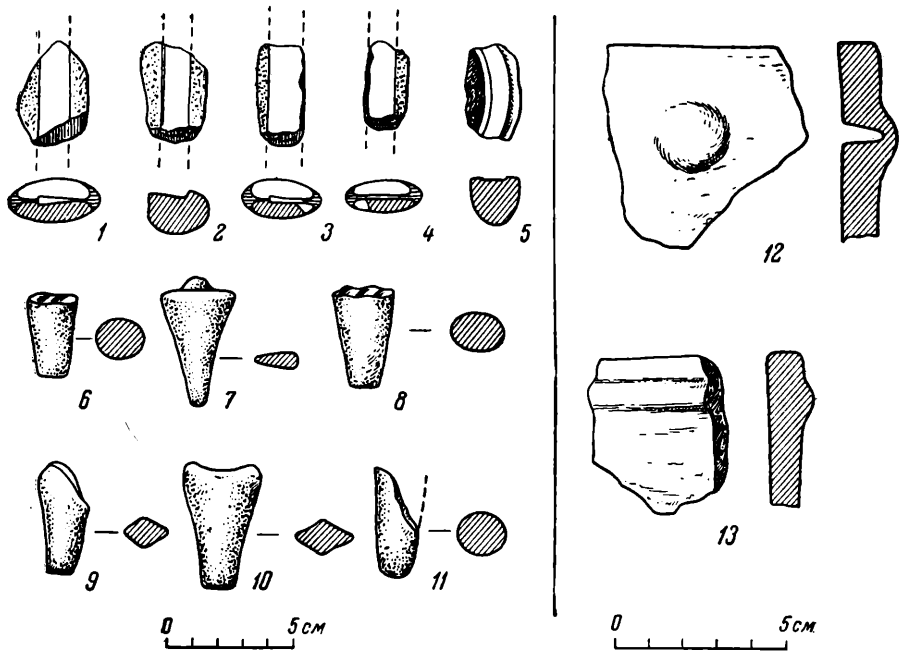

Рис. 16. Литейные формы из глины и обломки сосудов

толстостенных глиняных тиглей. Тигли, как и сопла, изготовлены из глин вместе с примесью костяной золы. Черепки изнутри покрыты коркой застывшего шлака. Толщина стенок тиглей 13—15 мм. Судя по обломкам, плавильными тиглями служили круглодонные сосуды с широким прямым венчиком диаметром около 24—25 см.

Интересно отметить, что обломки тиглей находились в черте скопления древесного угля между разбросанными очажными камнями. Размеры камней 15 × 20 × 10 см. Вероятно, тигли устанавливались на открытом очаге, сложенном из камней.

Среди обломков глиняных изделий встречено 16 обломков боковых и прямые шейки венчиков необожженных глиняных «сосудов». Назначение их неясно. На некоторых обломках с внутренней стороны стенок заметны следы огня.

Посуда. В юго-западной и северо-восточной половине отвала найдено 17 обломков венчиков и желто-серого глиняного сосуда с налипшим валиком на венчике (рис. 16, 13), и сосудов с бугорками под горловиной, выдавленными изнутри (рис. 16, 12). Оба типа керамики характерны для плоскодонной посуды раннего этапа уюкской культуры (VII—VI вв. до н. э.). Следует заметить, что баночные сосуды с бугорками в Туве встречены пока только в древних шлаковых отвалах западного участка и р. Он-Кажаа (отвалы № 2, 3 и 4), подобные глиняные сосуды характерны и для памятников раннего этапа тагарской культуры в Хакасско-Минусинской котловине⁴.

Инвентарь из шлакового отвала показывает, что описываемый памятник связан с добычей руды, выплавкой меди и литейным делом. Следует отметить, что шлаковый отвал находится почти на вершине горы Кара-Хая. Вероятно, древние плавильщики приходили на это высокогорное месторождение на короткое время и жили около медеплавильен в шалашах. Поэтому

⁴ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929, стр. 91—93, табл. 4.

всегда много в шлаковых отвалах Тувы отбросов разбитой кухонной глиняной посуды и мелких обломков костей домашних животных⁵.

Выплавка и обработка меди происходили непосредственно на месторождениях или недалеко от древних медных рудников по берегам рек Элегест, Он-Кажаа и Чумуртук.

Древние плавильщики, судя по остаткам медных руд в шлаковом отвале, выплавляли медь из отборных руд (малахит и азурит) в глиняных горшках — тиглях. Топливом служил древесный уголь. Воздух для усиления горения топлива в горне нагнетался кожаными мехами с глиняными трубками — соплами. Подобные горшки-тигли были найдены в разное время в древних медных рудниках Сибири, Урала⁶ и Закавказья⁷. Способ выплавки меди в горшках считается древнейшим⁸. Вероятно, он появился в эпоху бронзы и существовал наряду с ямными медеплавильными горнами⁹ в уюкское время.

Интересно отметить, что русские рудознатцы еще в XVII в. при опытных плавках меди также пользовались глиняными горшками: «Положа на уголья, раздув жарко и простудив ту руду, размяв магка и смешав с варахою, чинил... в глиняном горшке опыт, и по опыту явилось из той руды меди красной пуговкою под золотника» (2, 133 г)¹⁰. Горшки-тигли с успехом применялись в кустарной варке железа алтайцами¹¹ еще в XIX столетии. Таким образом, археологические свидетельства о древнем способе выплавки меди в горшках подтверждаются позднейшими этнографическими данными.

---

⁵ Я. И. Сунчугашев. Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры. СА, 1964, № 3, стр. 301—306.

⁶ Э. И. Эйхвальд. О чудских копиях (отдельный оттиск). СПб., 1857, стр. 9; Е. М. Берс. Археологические памятники г. Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954, стр. 70.

⁷ В. А. Мелконян. Металлургия меди в Армении (исторический очерк). М., 1955, стр. 17.

⁸ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 11.

⁹ Я. И. Сунчугашев. Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры, стр. 306.

¹⁰ А. А. Кузин. История открытия рудных месторождений в России. М., 1961, стр. 66.

¹¹ Н. М. Ядринцев. Об алтайцах и черновых татарах. ИРГО, т. XVII, вып. VI, 1881, стр. 239.

Я. А. ШЕР, А. М. ПРОКОФЬЕВА

КАМЕНКА I — МОГИЛЬНИК НАЧАЛА ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЕНИСЕЕ

(предварительное сообщение)

Памятники начальных этапов минусинской курганной культуры служат основой, на которой рассматриваются вопросы ее происхождения и связей с более древними культурами эпохи бронзы¹.

В настоящей публикации предпринята попытка дать в кратком виде сводку основных данных о небольшом могильнике Каменка I на Енисее, раскопанном целиком в 1963 г.²

Могильник расположен в логу Каменка на правом берегу Енисея, между деревней Байкалово (Беллыкский сельсовет, Курагинский район) и устьем р. Сыда (правый приток Енисея). Курганы расположены вдоль левого берега оврага, образовавшегося после сооружения могильника и разрушившего не менее трех курганов. Всего в могильнике 13 курганов, 11 — раскопаны. Два из них разрушены полностью (один — грабителями, другой — оврагом). Основные данные о могильнике приведены в таблице.

Надмогильные сооружения представляют собой прямоугольные ограды из каменных плит с четырьмя поставленными по углам столбообразными камнями или большими плитами. Иногда к стенке такой ограды пристраивалась еще одна. Стенка, оказавшаяся таким образом внутри ограды, разбиралась, так как она мешала сооружению очередной могилы. Вся ограда, вместе с пристроенной, образовывала вытянутый прямоугольник с четырьмя большими камнями по углам и с двумя — посередине. Размеры оград варьируют от 5 × 7 до 6 × 19 м. В каждой ограде — три — пять могил. По конструкции могилы подразделяются в основном на три вида: 1) ящики из песчаниковых плит; 2) грунтовые ямы, укрепленные деревянными плахами и мелкими песчаниковыми плитками; 3) срубы. Могилы располагаются в ряд по направлению северо-запад — юго-восток. Сооруженные в стороне от основного ряда детские могилы представляют собой плиточные ящики 0,8 × 0,4 м. В каждой могиле — один-два погребенных, в отдельных случаях — четыре-пять, а в одной грабленной могиле (курган 4, могила 2) в беспорядке лежали кости девяти человек³. Как уже отмечалось, в стороне от общего ряда сооружались могилы детей не старше 14 лет. Обычно они расположены ближе к восточному углу ограды. Ориентировка погребенных в этих могилах почти всегда головой на северо-восток. Возможно, так хоронили детей, не доживших до обряда посвящения. Погребения взрослых ориентированы, как правило, головой на юго-запад.

Полученный при раскопках костный материал говорит о довольно высокой смертности детей в возрасте до двух лет. Данные хотя и немногочис-

¹ Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963; № 3.

² Раскопки 1-го Правобережного отряда Красноярской экспедиции (начальник экспедиции М. П. Грязнов).

³ Антропологический материал определен канд. мед. наук З. Б. Альтманом.

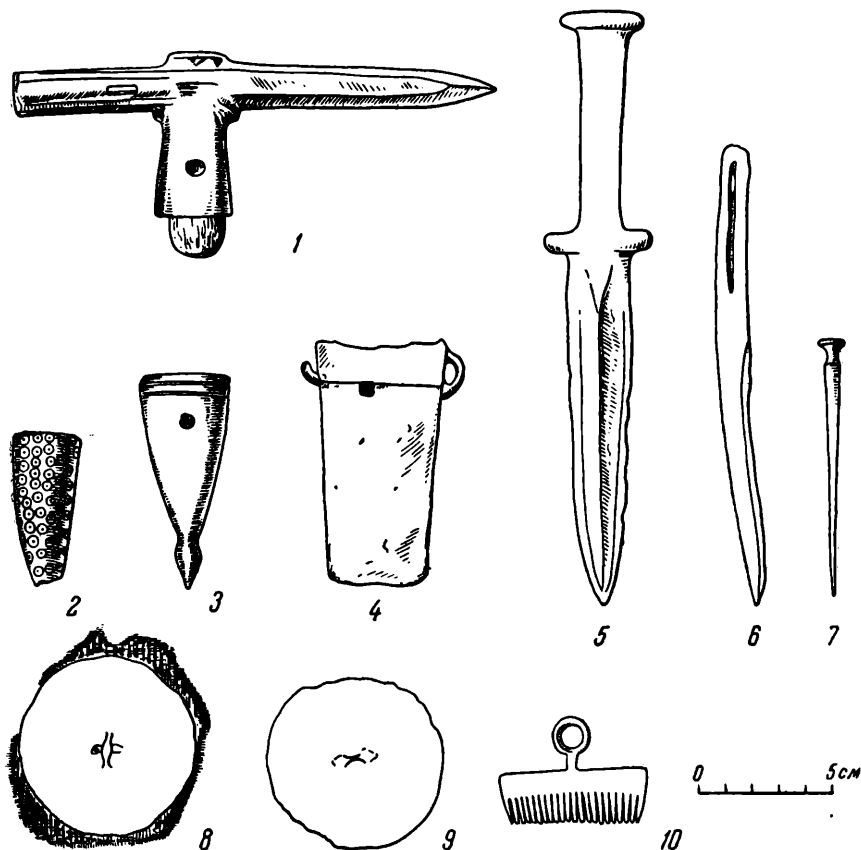

Рис. 17. Каменка I

1 — курган 8, могила 3; 2 — курган 7, могила 2; 3 — курган 6, могила 4; 4 — курган 6, могила 3;
5 — курган 8, могила 3; 6 — курган 3, могила 3; 7 — курган 9, могила 2; 8 — курган 8, могила 2;
9 — курган 6, могила 3; 10 — курган 7, могила 3

ленны, но вполне согласуются с уже имеющимися подобными наблюдениями о возрастном составе погребенных в эпоху бронзы и в позднейшие периоды⁴.

Мужские погребения сопровождаются оружием. Найдено два бронзовых кинжала, кельт, чекан (рис. 17, 1, 4, 5), в ряде могил большое количество бронзовых и несколько костяных наконечников стрел. В некоторых случаях можно предполагать, что стрелы находились в колчанах. До ограбления чеканов было явно больше. Об этом свидетельствуют находки трех бронзовых и одного костяного втока от рукояток чеканов (рис. 17, 3).

При женских скелетах найдены бронзовые ножи, предметы туалета, среди которых любопытны костяные гребни, бронзовые зеркала, шилья, костяные и бронзовые украшения, которые нашивались на одежду, а также остатки кожи от одежды и обуви (рис. 17, 6—10).

В одиночных могилах младенцев, как правило, ничего нет. Привлекает внимание набор вещей в некоторых детских могилах (курган 6, могила 2; курган 7, могилы 1, 2, 3), где несмотря на малый возраст погребенных (8—10 лет), представлены предметы, характерные для взрослых женщин. Объяснение этому факту, видимо, следует искать в особенностях семейно-брачных отношений подгорновцев. В некоторых случаях отнесение девочек в

⁴ В. С. Сорокин. Могилище бронзовой эпохи Тасты-Бутак I. МИА, № 120, 1962, стр. 52; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, стр. 23.

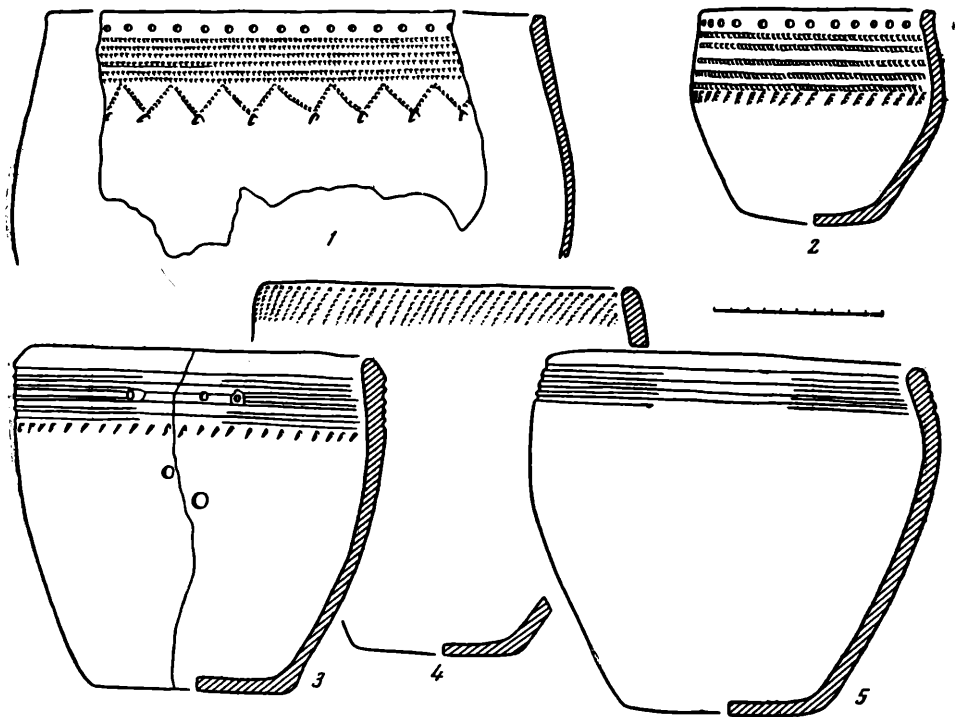

Рис. 18. Каменка I

1 — курган 2, могила 2; 2 — курган 2, могила 2; 3 — курган 9, могила 3; 4 — курган 5, могила 2; 5 — курган 6, могила 3

возрасте 9—10 лет к взрослым в могилах андроновской эпохи можно считать вполне обоснованным⁵.

Среди костей животных, найденных в могилах, преобладают кости овцы. Наличие лошади и коровы при преобладании овцы, может быть, свидетельствует о пастушеском или полукочевом скотоводстве; никаких прямых свидетельств о наличии земледелия пока не обнаружено.

Глиняная посуда встречается в каждой могиле в виде целых горшков и обломков. Восстановлен 31 целый горшок. Судя по обломкам, в могильнике было не менее 41 сосуда. Керамика состоит в основном из наиболее характерных для минусинской курганной культуры плоскодонных сосудов баночной формы с более или менее выпуклыми боками. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась и лошилась. Особый технологический прием, при котором в тесто включались какие-то органические примеси, обугливающиеся при обжиге, придавал сосуду черный цвет. Орнаментация исключительно бедна: от двух до пяти горизонтальных желобков украшали сосуд под венчиком (рис. 18, 3, 5). Иногда — косые насечки под нижним желобком, в одном случае «елочка» из косых насечек. Один сосуд, который отличается от большинства и по форме (рис. 18, 2), украшен по шейке и плечикам рядом ямок, за которым следует пять рядов «веревочного» штампа и ряд косоугольных коротких фестонов. Большинство сосудов по своей форме и орнаменту соответствует керамике, наиболее характерной для подгорновского этапа минусинской курганной культуры (I стадия тагарской культуры по С. В. Киселеву)⁶.

⁵ В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 92.

⁶ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 46—48; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 131, 159, 164; М. А. Дэвлет. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях. СА, 1961, № 4, стр. 82—83.

Могильник Каменка I, основные данные

Курган		Могила					
№	размеры и количество угловых камней	№	конструкция	пол, возраст	ориентирована головой	Погребальный инвентарь	остатки пищи (кости животных)
1	7 × 12 м	1	к. я. *		(?)	Круглая кам. плитка, кост. стержень с отверстиями	Лошадь
		2	к. д.	♀ 25—30	(?)	Бронз. пронизки — 4, игольница, бляшка, кам. бусы — 2, сосуды — 2	Корова
		3	к. д.	♀ 30—40	(?)	Сосуд (обломки)	Овца
		4	к. д.	♂ 35—45	ЮЗ	Сосуд (обломки)	
		5	к. я.	около 1	ЮЗ		
2	8 × 10 м	1	к. я.	до 5	СВ	Бронз. пронизка	Овца Корова
		2	к. д.	более 40, 1, 5	(?)	Бронз. шило, бляшка, кост. гребень, наконечн. стрелы, игла, стержень, кам. бусина, сосуд (обл.)	
		3	к. д.	7—9, 16—18, ♀ 50, ♂ 18—20, ♂ 30—45	(?)	Бронз. наконечн. стрел — 32, бляшка, кост. наконечн. стрелы, рогов, кружок, сосуд (обл.)	
3	6 × 15 м	1	с.	♀ 35—40	(?)	Бронз. кинжал, сосуд (обл.) Бронз. нож, сосуд Бронз. пронизка, бляшка, сосуды — 2, кости собаки	Овца, корова Овца, корова
		2	к. д.	♂ 45—50, ♀ 25—30	ЮЗ		
		3	к. д.	♀ 35—40, ♂ 40—45	(?)		
		4	к. д.	♀ 23—25	ЮЗ		
		5	к. я.	около 1	ЮЗ		
4	9 × 5,5 м	1	к. я.	10—12, ♂ 40—50, ♀ 40—45, ♀ 14—16	СЗ — впускное	Бронз. пронизка, бляшка, сосуды — 3, круглая кам. плитка, остатки ножа	Овца
		2	к. я.	♀ 30—35, ♂ 50, ♂ 25—35, 15—17, ♂ 55, ♂ 16, 12—13, 12—13, около 1	ЮЗ	Кост. наконечник стрелы, кам. бусина, роговое кольцо	Овца, корова
		3	к. д.	♀ 30—40, ♀ 15—17, 11—12, ♂ 40—45, ♂ 35—40, ок. 1	ЮЗ	Бронз. наконечн. стрел — 57, кост. наконечн. стрел — 13, сосуд	Корова
5	8,6 × 6,4 м	1	к. я.	около 1	СВ	Бронз. игольницы — 2, бляшка, бусины — 3, серьга, подвеска из клыка кабарги, аргиллитовые пронизки — 2, сосуд	Овца, лошадь
		2	к. д.	♀ 22—24	ЮЗ		
6	19 × 6 м	1	к. д.	♂ 40—45, ♀ 50—65	♀ СЗ поперек ямы	Бронз. нож, обрывки кожи, сосуды — 2	Овца, лошадь
		2	к. д.	7—8	(?)	Бронз. нож с остатками ножен, кост. наконечн. стрел — 3, сосуд.	Овца
		3	с.	♂ 50, ♂ 45, ♀ 35—40	ЮЗ	Бронз. зеркало, кельт, бляшка, пронизка, браслет, сосуды — 3	

Курган		Могила					
№	размеры и количество угловых камней	№	конструкция	пол, возраст	ориентирована головой	погребальный инвентарь	остатки пищи (кости животных)
7	5 × 12,5	4	с.	♂23—25	ЮЗ	Бронз. вток — 2, бляшка, браслет, кост. наконеч. стрел — 2	Овца
		1	с.	♀ 28—9	СВ	Бронз. нож, шило, роговой кружок, сосуд	Овца
		2	к. д.	♀ 28—10	(?)	Бронз. нож, шило, роговой вток (?), подвеска из клыка кабарги, сосуд	Овца
		6	3	с.	♀ 210	ЮЗ	Бронз. бляшки — 3, пронизки — 2, шило, подвеска из клыка кабарги, кост. гребень, сосуды — 2
8	7,4 × 5,2	4	к. я.	до 5	(?)		
		5	к. я.	1,5	СВ		
		1	к. я.	8—10, 15—16	(?)	Бронз. полусферич. бляшка, сосуд	Овца
		4	2	к. я.	♀ 40, новорожд.	(?)	Бронз. бляшка, пронизки — 2, аргиллитовая пронизка, сосуд
9	7,4 × 5,2	3	с.	♂50	ЮЗ	Бронз. кинжал, чекан, бляшка — 2, сосуд	Овца
		4	к. я.	до 5	(?)	Бронз. полусферич. бляшка, сосуд	Овца
		1	к. я.	12—14	(?)		
		4	2	с.	♂40, ♀ 40	ЮЗ	Бронз. нож, шило, зеркало, аргиллитовые бусы — 3, сердолик. бусина, керамич. миска
10	6,4 × 6,1	3	с.	4—5, ок. 1	(?)	Сосуд	Овца
		4	с.	14—16	(?)	Бронз. полусферич. бляшка, сосуд	Овца
		1	к. я.	♂16—17	(?)	Обрывки кожи, рог. кольцо, сосуд	Овца
		4	2	к. я.	♀ 45	(?)	Бронз. полусферич. бляшки — 2, сосуд, миска. На плите ящика изображены олени
11	6,8 × 7,6	3	к. я.	♂40—50	ЮЗ		
		1	к. я.	до 1	СВ	Нижняя челюсть лисицы	
		4	2	к. д.	♀ 50—55, до 1, до 1	ЮЗ	Бронз. вток, бронз. бусы — 2, остатки кожаного футляра, сосуд
		3	к. д.	♂40—45, до 5	ЮЗ	Бронз. полусферич. бляшка, кост. проколка	Корова

* к. я. — каменный ящик; к. д. — комбинация деревянных плах и каменных плит; с. — сруб.

М. П. ГРЯЗНОВ, М. Н. ПШЕНИЦЫНА

КУРГАНЫ IV—III вв. до н. э. НА оз. САРАГАШ

В приенисейских степях широко распространены характерные восьмикаменные и десятикаменные курганы. Это плоские земляные насыпи продолговатой формы высотой обычно 1—2 м, диаметром 20—40 м, в основании которых находится частично, а иногда и полностью скрытая под землей каменная ограда своеобразного устройства. Сооруженные из крупных вертикально поставленных плит, стены ее образуют прямоугольник размерами в среднем около 15 × 20 м. По углам ограды поставлены высокие плиты, возвышающиеся на один-два и более метров над поверхностью земли. У восьмикаменных курганов четыре таких же высоких плиты поставлены еще по серединам сторон ограды, а у десятикаменных по одной плите поставлено по серединам коротких сторон ограды и по две по длинным сторонам. Ограда ориентирована углами по странам света, а высокие столбобразные плиты ее обращены широкими гранями все на северо-запад и юго-восток и обычно поставлены так, что более высокая точка их направлена к северо-востоку. Вход в ограду, когда он имеется, также обращен на северо-восток. Курганы расположены обычно группами по 5, 10 и более оград в одном могильнике.

Все раскопанные курганы этого типа относятся к одному сравнительно короткому отрезку времени: по С. А. Теплоухову — ко второму этапу курганной культуры¹, по С. В. Киселеву — ко второй стадии тагарской культуры². В последнее время этот период, датируемый IV—III вв. до н. э., получил еще одно название — сарагашенский этап — по наиболее типичному для него кургану с коллективными погребениями, раскопанному на Сарагашенском озере. Авторы, считая практически неудобным применение цифровых или буквенных наименований (первый, второй и т. п.) для хронологических подразделений, придерживаются последнего названия. Теперь на Сарагашенском озере исследован еще один курган. Оба кургана могут служить характерными примерами памятников сарагашенского этапа.

На южном берегу Сарагашенского озера, в 1 км к западу от д. Сарагаш (левый берег Енисея, 115 км к северу от г. Абакана), расположен могильник, состоящий из шести десятикаменных курганов, сооруженных на северо-восточной окраине могильника предшествующего, подгорновского, этапа (33 кургана), составляя с ним как бы единый комплекс. Исследовано три кургана — один подгорновского этапа (курган 1), два сарагашенского (курганы № 2 и 3).

Курган 2. Раскопан в 1923 г. М. П. Грязновым по указаниям и под наблюдением С. А. Теплоухова. Земляная насыпь высотой 90 см. Под ней ограда размерами 19 × 15 м с 10 высокими камнями, возвышающимися до

¹ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, вып. 2, 1929.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

1,5 м над поверхностью (рис. 19, 1). Исследована лишь центральная часть, где открыты три основные могилы, расположенные в ряд по оси ограды с северо-запада на юго-восток.

Кроме того, в юго-западной части кургана, на уровне почвенного слоя, обнаружены кости от шести погребенных (четыре мужчины, женщина и ребенок). Среди них найдены две медных полусферических бляшки и черепки от трех глиняных сосудов.

Могила 1³. В северной части ограды яма размерами 2,1 × 2,4 м, глубиной 1,2 м. В ней сруб высотой 60 см, покрытый массивной плитой (2,0 × 1,7 × 0,2 м), положенной на два продольных бревна. Выше — завал из плитняка. В срубе погребено трое, головами на северо-восток. Большая часть костей смещена в северный угол могилы и к северо-западной ее стенке. Вдоль юго-восточной стенки — скелет женщины, в вытянутом положении, на спине. В головах — глиняный сосуд, близ правой руки — бронзовый нож (рис. 20, 23), на черепе — бронзовые полусферические бляшки, на шее — богатое ожерелье из большого числа аргиллитовых, яшмовых, сердоликовых, стеклянных, медных бус, цилиндрической, круглой, биконической и боченкообразной формы, среди них — аргиллитовые же имитации раковин каури. Несколько севернее середины, по-видимому, в таком же положении скелет мужчины с бронзовыми чеканом (рис. 20, 11), зеркалом, предметом в виде буквы «S» и коромыслообразным предметом, концы которых оформлены в виде схематических голов животных, костяной бусой. В северо-восточном углу — три костяных наконечника стрел, которые, видимо, относятся к этому же скелету. Вдоль северной стенки — скелет юноши.

Могила 2. В центре ограды яма, размерами 2,1 × 2,9 м, глубиной 1,6 м. Покрыта бревенчатым накатом, поверх которого — развал из мелких плит. В яме — сруб высотой 90 см, закрытый бревенчатым потолком. Пространство между стенками ямы и сруба заполнено мелкими плитками. В могиле в беспорядке кости от 36 скелетов. Среди них шесть глиняных сосудов (рис. 19, 5, 7, 12), две миски, изготовленные из старых горшков, и предметы из меди и кости: две бронзовые бляшки, изображающие оленя (рис. 20, 2, 5), чекан с фигуркой горного козла на обухе (рис. 20, 14), вток, шесть ножей (рис. 20, 18), четыре шила (рис. 20, 8, 9), две иглы, два зеркала с остатками мехового футляра, полусферическая бляшка, костяной наконечник стрелы, просверленный зуб марала и аргиллитовые бусы.

Могила 3. В южной части ограды яма размерами 2,6 × 3,8 м, глубиной 1,6 м. Покрыта бревенчатым накатом, поверх него — развал из мелких плит. Покрытие нарушено. В яме — сруб размерами 2 × 2,4 м, высотой 80 см, закрытый бревенчатым потолком. Дно выстлано тонкими деревянными плахами. В могиле — кости от 14 скелетов (три детских черепа, два юношеских, остальные черепа — взрослых). На дне — в анатомическом порядке три скелета и часть четвертого на спине, в вытянутом положении. Три ориентированы головой на северо-восток, один на юго-восток. Несколько выше еще два скелета (мужской и женский), в том же положении, головой на северо-восток. Кости остальных восьми скелетов в беспорядке. Погребальный инвентарь лишь частично распределяется по скелетам, находившимся в непо потревоженном состоянии. Всего в могиле найдено семь глиняных сосудов (рис. 19, 3, 4, 6, 10, 13), большая серия бронзовых предметов: восемь ножей (рис. 20, 10, 19, 20, 22), два шила (рис. 20, 7), пять чеканов (рис. 20, 13), пять втоков к ним (рис. 20, 16), три стержня, концы которых оформлены в виде схематических голов животных, 20 полусферических бляшек в обломках, четыре бляшки, изображающие оленя (рис. 20, 1, 3, 4, 6), обломки двух узких пластинок, аргиллитовая имитация раковины каури, сердоликовая и аргиллитовая бусины, 23 костяных наконечника стрел.

³ В рукописных отчетах С. А. Теплоухова курган обозначен номером 8, а могилы в одном случае — 8, 9, 10, в другом — 40, 41, 42.

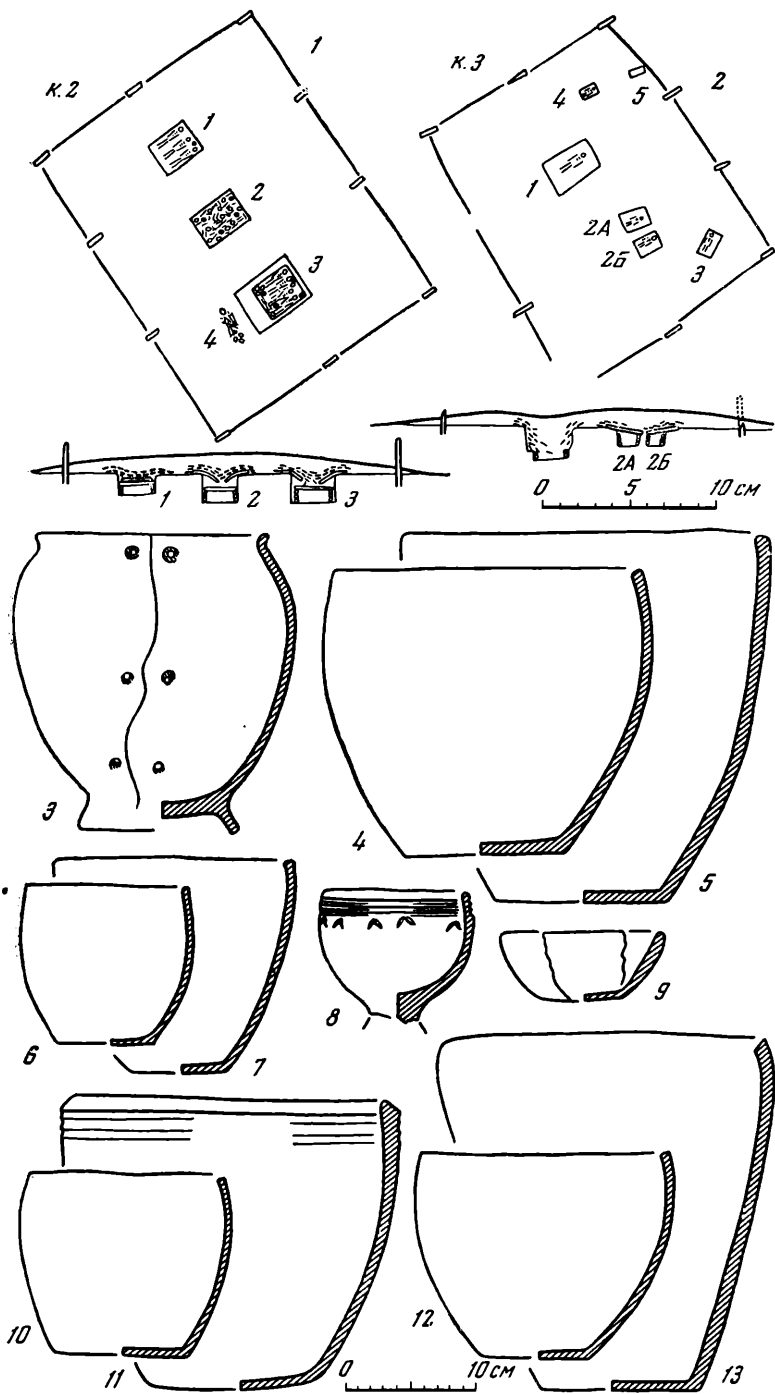

Рис. 19. Схематические планы и керамика курганов на Сарагашенском озере
 1 — курган 2; 2 — курган 3; 3, 4, 6, 10, 13 — курган 2, могила 3; 5, 7, 12 — курган 2, могила 2; 8 — курган 3, могила 4; 9 — курган 2, могила 4; 11 — курган 3, могила 2А

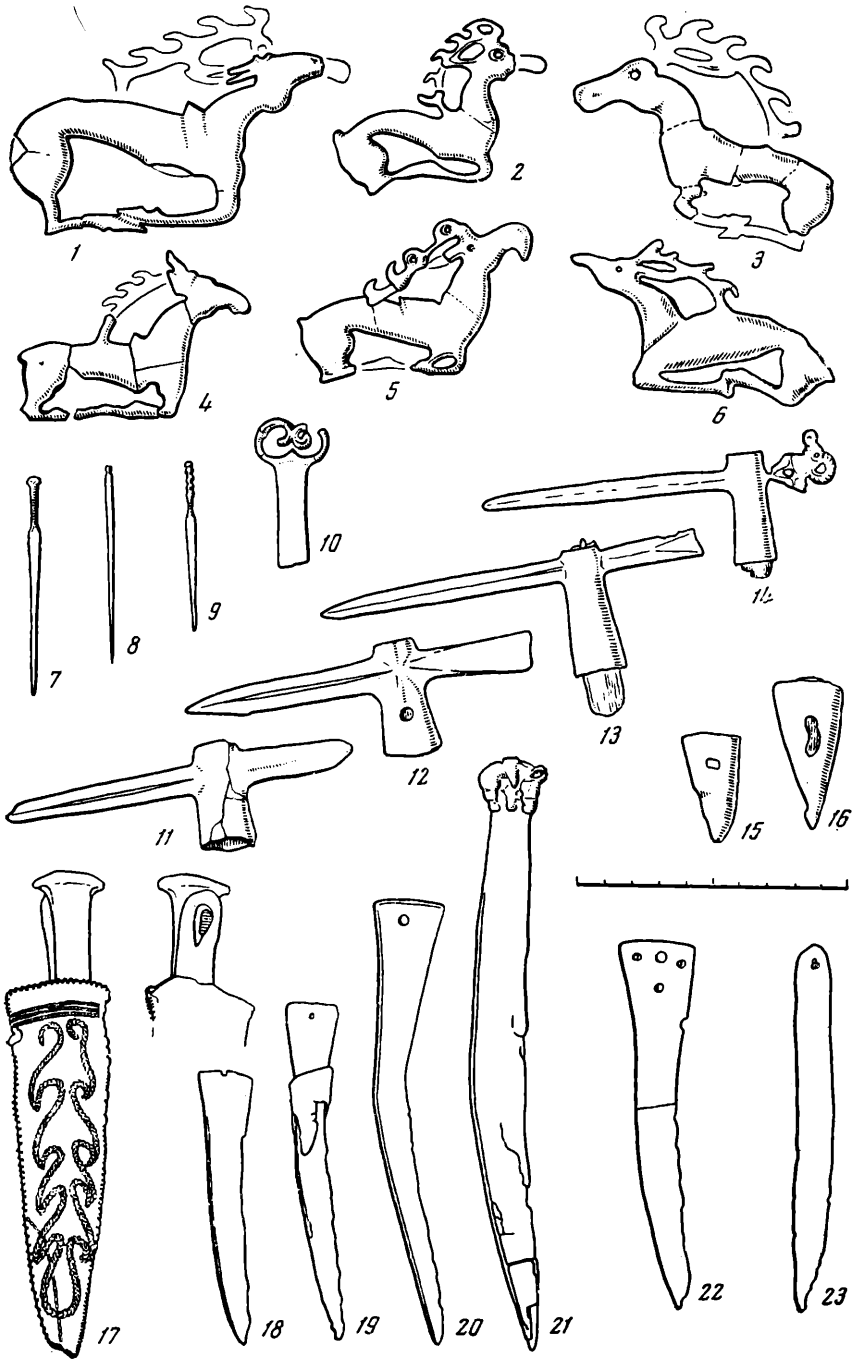

Рис. 20. Бронзовые вещи из курганов на Сарашенском озере

1, 3, 4, 6, 7, 10, 13, 16, 19, 20, 22 — курган 2, могила 3; 2, 5, 8, 9, 14, 18 — курган 2, могила 2; 11, 23 — курган 2, могила 1; 12, 15, 17 — курган 3, могила 2Б; 21 — курган 3, могила 1

Всего в четырех могилах кургана 2 оказалось погребено 59 человек. Три основные могилы сооружены одинаково. Ямы квадратной или близкой к квадрату формы, со сторонами длиной в 2—4 м, глубина их в среднем 1,5 м. Размеры камер не зависят от количества погребенных в них людей. В могильной яме — листовенничный сруб, высотой 60—90 см, который ставился на некотором расстоянии от стенок ямы. Свободное пространство заполнялось мелким плитняком (могила 2), вероятно, для большей прочности сооружения. Дно либо грунтовое, либо выстилалось досками (могила 3). Сруб закрывался бревенчатым потолком. Сверху яма покрыта бревенчатым накатом (могилы 2, 3) или большой плитой (могила 1), которые покоились на двух массивных деревянных балках, положенных вдоль могилы (могилы 1 и 3). Поверх наката устраивалось сооружение из плитняка, форму которого проследить не удалось.

Подобная конструкция погребальной камеры обычна для курганов сарагашенского этапа. Она наблюдалась, например, в могильниках Малая Иня (курганы 1—6), Самохвал (курганы 1—3), Абаканская управа (курган 2)⁴ и в ряде других, раскопанных А. В. Адриановым.

Инвентарь кургана весьма типичен. Бронзовые ножи, чеканы, втоки для них, шилья и зеркала принадлежат новым характерным для сарагашенского этапа формам, на предыдущем этапе не встречающимся.

Все ножи — пластинчатые. Основная часть их (12 из 15) имеет рукоятку в виде высокого равнобедренного треугольника, основанием обращенного вверх, а вершиной сливающегося с клинком. На конце рукоятки обычно маленькое отверстие для привязывания ножа к ремешку (рис. 20, 18, 19, 20, 22). Один нож — с фигурной рукоятью в виде двух волют (рис. 20, 10). Эти формы появляются и широко бытуют в сарагашенское время⁵. Вместе с тем здесь же встречен нож с сужающейся кверху рукоятью (рис. 20, 23) старого типа, широко распространенного на предыдущем подгорновском этапе. При ножах найдено не менее четырех кожаных чехлов во фрагментарном состоянии с узорами, вышитыми сухожильными нитками тамбурным швом и покрашенными минеральной краской в красный цвет.

Шилья (6 экз.) более изящных форм, чем на предшествующем этапе, с довольно тонкой шейкой, оканчивающейся небольшой круглой (рис. 20, 7, 8) или четырехъярусной головкой (рис. 20, 9).

Боевые чеканы представляют собой небольшие легкие орудия, отличающиеся от массивных орудий предыдущего подгорновского этапа. Один из шести найденных здесь экземпляров украшен фигуркой горного козла на обухе (рис. 20, 14), что очень характерно для сарагашенского времени⁶. При чеканах — шесть втоков с остатками дерева от рукояти (рис. 20, 16).

Зеркала (10 экземпляров) простой формы, в виде небольшого диска с петелькой на обороте. Два из них — в меховых футлярах.

Предметы украшения все старых форм и широко распространены еще в могилах подгорновского этапа⁷.

Большая серия костяных наконечников стрел (27 экз.) принадлежит формам, которые частью были распространены еще на подгорновском этапе, частью же новым формам: четырехгранные с черешком и четырьмя жальцами⁸, плоские с черешком и двумя жальцами⁹, с черешком в виде «ласточкиного хвоста»¹⁰, втульчатые четырехгранные¹¹.

⁴ А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924 гг., стр. 61—63, 65, 70.

⁵ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 239, табл. XXIII, рис. 13, 18, 20.

⁶ С. А. Теплоухов. Указ. соч., табл. I, рис. 83.

⁷ Там же, табл. I, рис. 77, 78 и стр. 47.

⁸ S. Roudenko. Les sépultures de l'époque des kourganes de Minoussinsk. L'Anthropologie, т. XXXIX, 1929, рис. 15, 3, 4, стр. 419.

⁹ С. А. Теплоухов. Указ. соч., табл. I, рис. 76.

¹⁰ S. Roudenko. Указ. соч., стр. 419, рис. 15, 1, 2; С. А. Теплоухов. Указ. соч., табл. I, рис. 73.

¹¹ S. Roudenko. Указ. соч., рис. 15, 12.

Особо интересна серия бронзовых бляшек, представляющих барельефное изображение марала, выполненных в так называемом «скифо-сибирском зверином стиле». На обратной стороне их есть петелька для прикрепления к одежде (рис. 20, 1—6). Эти бляшки появляются и получают широкое распространение на сарагашенском этапе.

Отметим также предметы, отлитые в виде коромыслообразного прута, концы которого оформлены схематическими головками животных. Такие находки часты в могилах этого времени.

Глиняная посуда в количестве 14 целых сосудов и шести фрагментов, обычного для этого времени типа. Это плоскодонные сосуды баночной формы и миски, изготовленные из днищ старых горшков. Исключение составляют два сосуда: один с яйцевидным туловом, с отогнутым наружу венчиком, на полой конической ножке (рис. 19, 3), другой в виде мелкой мисочки (рис. 19, 9). Все горшки, кроме одного, гладкие, без орнамента, темно-коричневого, черного, или красноватого цвета, иногда с лощением. Характерно, что край венчика, в отличие от сосудов подгорновского этапа не имеет утолщения, а лишь слегка закруглен (рис. 19, 4, 5), прямо обрезан (рис. 19, 6, 7) или косо срезан внутрь (рис. 19, 13). Только один сосуд украшен широким желобком у края утолщенного венчика, подобно сосудам подгорновского этапа, что не свойственно керамике сарагашенского этапа.

Рассматриваемый курган по своим размерам, конструкции ограды и погребальных камер, по керамике, по типам бронзовых орудий и украшений и, наконец, по обычаю хоронить в одном срубе десятки умерших представляет собой типичнейший пример курганов сарагашенского этапа. Но наряду с курганами, в двух-трех могилах которых погребены десятки людей, для сарагашенского этапа характерны курганы, в могилах которых погребено по одному человеку. Второй курган на Сарагашенском озере служит как раз таким примером.

Курган 3. Раскопан в 1963 г. М. Н. Пшеницыной под наблюдением М. П. Грязнова. Земляная насыпь высотой 80 см снята бульдозером. Под ней низкая прямоугольная ограда размерами 17 × 14 м, ориентированная углами по странам света (рис. 19, 2). Верхние края плит ее возвышались на 10—15 см над уровнем древней дневной поверхности. Из 10 высоких массивных плит по ее углам и сторонам две не сохранились: одна — в южном углу ограды, другая — вдоль юго-западной ее стены. В ограде шесть индвидуальных могил, три в восточной половине кургана.

М о г и л а 1. В северной половине кургана могильная яма, размерами 2,95 × 1,90 м, глубиной 1,80 м. Покрыта накатом из продольно положенных бревен, поверх него — слой мелких плит. Покрытие сильно нарушено грабителями. В яме сруб, от которого сохранилось лишь нижнее бревно, вдоль одной стенки и два бревна вдоль другой. Пространство между стенками ямы и сруба заложено мелкими плитками. В заполнении и на дне в беспорядке разрозненные кости женщины 40—60 лет и новорожденного младенца, бронзовый нож с фигуркой зверя на рукоятке (рис. 20, 21), шесть конических бус, две полусферические бляшки, трубочка-пронизка, золотая листовая накладка на бляшку, широкое роговое кольцо и черепки, не менее чем от двух глиняных сосудов. Среди костей человека — несколько костей лошади и коровы.

М о г и л а 2А. Яма размерами 145 × 110 см, глубиной 105 см. Покрыта массивной плитой (2,7 × 2,2 × 0,3 м). В яме сруб не менее чем в шесть венцов с бревенчатым потолком, остатки которого сохранились в восточном и северном углах. Сруб рублен в лапу, без остатка. Бревна подтесаны. Пространство между стенками ямы и сруба заполнено мелкими плитками. Могила ограблена. На дне — остатки скелета младенца, на спине, головой на северо-восток. У подбородка бронзовая диадема, свалившаяся с головы, за черепом и у юго-восточной стенки пять бронзовых полусферических бляшек. В восточном углу, в головах горшок (рис. 19, 11). За пределами сруба,

в западном углу ямы коническая бронзовая бусина. На дне и в заполнении несколько костей молодой лошади и барана.

Могила 2Б. Смежная с предыдущей, совершенно с ней сходная по устройству и покрытая сверху одним с ней общим завалом плитняка, так что первоначально эти могилы были приняты за одну и обозначены одним номером. Размеры 160 × 110 см. На дне скелет юноши в возрасте 14—15 лет, на спине, головой на северо-восток. У пояса справа бронзовые нож и кинжал в кожаном чехле (рис. 20, 17), а слева бронзовое зеркало с остатками кожаного футляра и чекан (рис. 20, 12), бронзовый вток которого найден наверху в завале плитняка (рис. 20, 15). Слева, в ногах — остатки мясной пищи: кости коровы и барана.

Вдоль северо-восточной стены ограды три небольших детских могилы. В одной из них (могила 3) в срубе, покрытом плитами, скелет ребенка шести лет и при нем горшок, бронзовое зеркало, нож и полусферическая бляшка, клык кабарги, три арсиллитовые бусины и кости коровы. В другой могиле (могила 4) в каменном ящике скелет 10-месячного младенца, горшок (рис. 19, 8) и кости барана. В третьей (могила 5) также в каменном ящике кости младенца одного года.

Этот курган по устройству трех основных могил подобен первому и также представляется типичным памятником сарагашенского этапа. Отличается же он от большинства других тем, что в ограде его помещаются не родовые склепы с десятками погребенных, а индивидуальные могилы. Но еще А. Д. Спицын отмечал, что «коллективные погребения отнюдь не исключали погребений одиночных», причем, в одном и том же могильнике совсем рядом могли находиться курганы и с тем, и с другим видом погребений¹². Именно такую картину мы и наблюдаем в могильнике у Сарагашенского озера.

Индивидуальные могилы продолжают существовать, но теперь их функция несколько иная, чем раньше. На сарагашенском этапе большие курганы с высокими массивными плитами по углам и центрам сторон ограды сооружаются над индивидуальными могилами только в тех случаях, когда в них погребены представители высших слоев общества — родовой и племенной знати. И размеры таких курганов могут быть огромными. Таковы, например, самые большие в Минусинской котловине величественные Салбыкские курганы. Один из них, исследованный в 1954—1956 гг. С. В. Киселевым, был сооружен над могилой представителя высшей племенной знати¹³. Он датируется второй стадией тагарской культуры, т. е. сарагашенским этапом.

В кургане 3 на Сарагашенском озере погребены, несомненно, не рядовые члены общества, а лица более знатные и более богатые, чем те, кого погребали в родовых коллективных могилах. В погребении женщины в могиле 1, большой по размерам, ограбленной, сохранились золотая накладка на большую бронзовую полусферическую бляшку и художественно оформленный бронзовый нож. Несомненно, здесь были и еще ценные вещи, но они похищены. Много бронзовых вещей сохранилось в ограбленной могиле 2А, где был погребен маленький ребенок. В могиле юноши (могила 2Б) комплекс бронзовых вещей — кинжал и нож в кожаном расшитом чехле, боевой чекан и зеркало. При погребенных в коллективных могилах такого количества вещей не бывает.

Оба кургана на Сарагашенском озере оказались типичными памятниками сарагашенского этапа. На их примере, опираясь также и на другие исследованные курганы, можно так охарактеризовать основные отличия этого этапа: большие курганы с десятикаменной, а также и восьмикаменной

¹² А. А. Спицын. Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма. ЗРАО, т. XI, вып. I и II, 1899, стр. 140.

¹³ С. В. Киселев. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.—Л., 1956.

оградой, обращенной «фасадом» на северо-восток; в ограде две или три большие могилы, расположенные в ряд по линии северо-запад — юго-восток; в могиле-яме сруб с бревенчатым потолком, яма покрыта, кроме того, еще одним накатом бревен или массивными плитами и сверху заложена мелким плитняком. Могилы большей частью служили родовым (?) склепом, куда хоронили часто десятки человек, иногда до сотни, укладывая их один над другим в несколько рядов. Наряду с этим в таких же больших курганах и просторных могилах погребены отдельные лица в индивидуальных могилах, вероятно, представители родовой и племенной знати.

Глиняная посуда в курганах сарагашенского этапа отличается отсутствием орнамента. Венчик не имеет утолщения. Чеканы и кинжалы уменьшенных размеров, но не миниатюрные. Ножи большей частью плоские с треугольной рукоятью. Шилья с двойной или многоярусной головкой.

В последние годы Красноярской экспедицией ЛОИА раскопано свыше 20 курганов сарагашенского этапа в пяти пунктах, исследованы жилища в двух пунктах и «литейная мастерская». Детальное изучение этих памятников позволит достаточно полно осветить культуру енисейских племен этого времени.

М. А. ДЭВЛЕТ

БРОНЗОВЫЕ БЛЯШКИ
В ФОРМЕ СЛОЖНОГО ЛУКА ИЗ ХАКАССИИ

Среди случайных находок из Хакасско-Минусинской котловины имеются три миниатюрных бронзовых бляшки в виде сложного лука сигмаобразной формы с отверстиями для стрелы и одна подвеска, изображающая горит с выступающим из него концом лука (рис. 21). Эти бляшки представляют особый интерес, так как до сих пор никаких остатков луков в погребениях тагарской эпохи найдено не было. Составить представление о тагарских луках можно лишь по таким косвенным данным, как их изображения в бронзе, на наскальных рисунках, а также на основании рассмотрения формы и размеров стрел, близких к скифским.

Бляшки воспроизводят короткие луки скифского типа, подобные растянутой букве М, с длинными, сильно загнутыми в сторону спинки концами и вогнутой серединой. Скифские луки хорошо известны по многочисленным изображениям на металлических предметах из богатых скифских курганов¹, на античных монетах², каменных изваяниях³, по рисункам на греческих вазах. Наряду с близкими к ним вариантами луки скифского типа были широко распространены в древности за пределами собственно Скифии на огромной территории от Греции до Сибири⁴. В конце тагарской эпохи на смену коротким приходят длинные луки «гуинского» типа⁵. Миниатюрные бронзовые луки, подобные тем, которые рассматриваются в настоящей статье, известны среди вятских древностей ананьинской культуры, у приуральских савроматов и у древних обитателей окрестностей современного Томска. Близкий по форме бронзовый миниатюрный лук был найден на Буйском городище IV—III вв. до н. э., расположенном на правом берегу р. Вятки⁶. Знаменитую бронзовую бляшку, украшавшую кожаный колчан из кургана у пос. Благословенского под Оренбургом, исследователи относят к IV в. до н. э.⁷ Семь подобных миниатюрных луков содержится в коллек-

¹ Б. М. Граков. Скифы. Київ; 1947, рис. 26; E. Minns. Scythian and Greeks. Cambridge, 1913, рис. 90, 93.

² В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных городах Северного Причерноморья. М., 1961, рис. 8; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXII, 15—17.

³ А. И. Мелюкова. Каменная фигура скифа-воина. КСИМК, вып. XLVIII, 1952, рис. 39; Н. Г. Елагина. Скифские антропоморфные стрелы Николаевского музея. СА, 1959, № 2, рис. 8.

⁴ А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. Материальная культура Средней Азии и Казахстана (в печати).

⁵ М. А. Дэвлет. Большая Боярская писаница. СА, 1965, № 3, стр. 133.

⁶ А. А. Спицын. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР, т. I, М., 1893, табл. XII, 22; А. В. Збруев. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. IX, 7, табл. XIX, 20.

⁷ В. Граков. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV, Helsinki, 1929, p. 176, 177, fig. II; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, рис. 95; Он же. Савроматы. М., 1964, рис. 37, 1 ж.

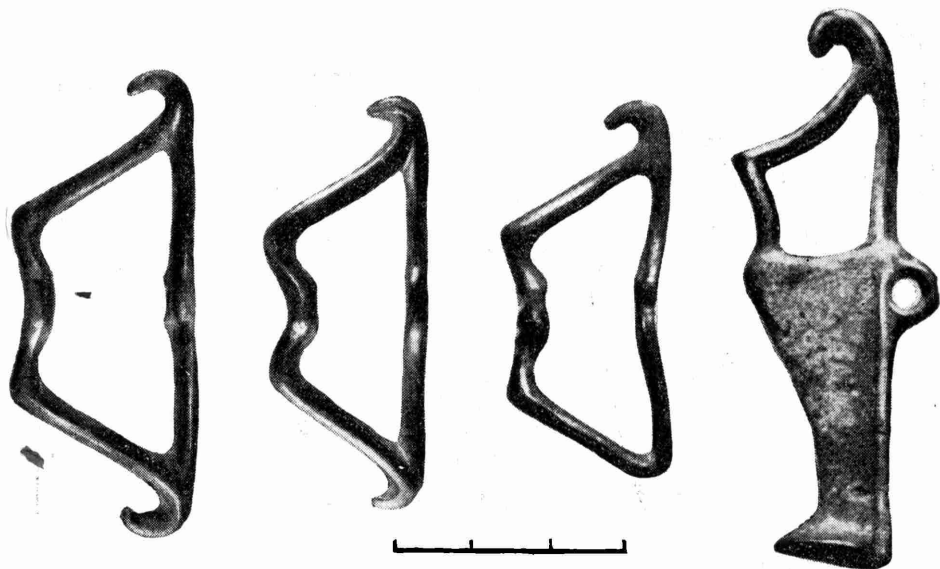

Рис. 21. Бронзовые бляшки в форме лука.

1 — Государственный Эрмитаж; 2 — Красноярский краевой краеведческий музей; 3 — Минусинский музей; 4 — бронзовая подвеска в форме лука в горите. Минусинский музей

ции того же времени из местности Степановка близ Томска⁸. Таким образом, возможная дата для публикуемых бляшек IV—III вв. до н. э.

Миниатюрный бронзовый лук в специальном футляре, горите, сходный с подвеской, найденной в с. Омары ТАССР⁹, по-видимому, относится к тому же времени. Бронзовое votивное изображение лука в горите длиной 4,2 см, шириной 2,5 см обнаружено также в погребении прохоровского времени на Нижней Волге¹⁰. Тагарская бронзовая подвеска воспроизводит лук в горите, который имеет форму половины лука. Форма горита обуславливается формой сложного лука, поэтому не только у народов древности — персов, мидийцев, скифов, ананьинцев, населения Тувы скифского времени, — но и в недавнем прошлом у народов Сибири¹¹ гориты были довольно близки по форме. Особенностью тагарского горита является остроугольный выступ в нижней части, соответствующий загнутому вперед, в сторону спинки, концу лука, в отличие от скифских (рис. 22), а также горитов царской стражи на Персепольских рельефах¹², которые имели плавные, часто овальные очертания нижней части. Выяснению способов ношения горита помогают наскальные рисунки. Тагарцы подвешивали налучье к поясу (рис. 23), по-видимому, слева, как и другие народы древности.

Для чего же создавались миниатюрные изображения лука? Ответ на этот вопрос кроется, как мне представляется, в этнографических свидетельствах. По гипотезе Д. К. Зеленина, простейшие орудия примитивного человеческого общества, служившие орудиями труда или орудиями нападения и одновременно употреблявшиеся для целей обороны, в представлениях первобытного человека получили с течением времени функцию оберегов или амулетов. Этим орудиям стали приписывать магическую способность охранять

⁸ Степановская коллекция. Хранится в Томском обл. краевед. музее. Инв. № 1493.

⁹ А. М. Tallgren. Miniatürbogenfutterale aus Ostrussland. Отдел. оттиск, стр. 225;

А. В. Збруев. Указ. соч., табл. XIX, 19.

¹⁰ Верхнее Погромное, курган № 6, погребение 8; В. П. Шолов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1957 г. Архив ИА, р—1, № 1563, стр. 24.

¹¹ «Народы Сибири». М.—Л., 1956, стр. 227.

¹² E. F. Schmidt. Persepolis. Chicago, 1953.

Рис. 22. Изображение горита на золотой бляшке из Журавки

человека от врагов, отвращать и отпугивать злых духов¹³. В сибирской этнографической литературе засвидетельствованы многочисленные случаи использования лука и стрел в качестве магических культовых орудий. Так, до появления шаманского бубна у алтайцев орудием культового действия были лук и стрела. Камланье с луком производили все северные алтайцы до самого последнего времени¹⁴. Среди шорских рисунков имеются изображения шамана, держащего в одной руке бубен, а в другой лук со стрелами¹⁵. Подвески в виде лука в XIX в. сохранились в costume алтайских шаманов¹⁶. Лук являлся также атрибутом бурятских шаманов¹⁷. Древние предшественники хакасов также использовали лук в качестве орудия культового действия, о чем свидетельствуют наскальные изображения шаманов со сложными луками (рис. 24). В представлении некоторых сибирских народов изображения луков служили оберегами. На грудь гиялки надевали наподобие христианского креста маленький лучок со стрелой¹⁸. Изображения луков на старинных хакасских деревянных ящичках имеют, по-видимому, такое же охранительное значение¹⁹. У тюркоязычных народов Сибири небольшие изображения лука и стрелы были связаны с культом

¹³ Д. К. Зеленин. Магическая функция примитивных орудий. «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук». Л., 1931, № 6, стр. 713—714.

¹⁴ Л. П. Потапов. Лук и стрела в шаманстве алтайцев. СЭ, 1934, № 3, стр. 71—73.

¹⁵ С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.—Л., 1954, стр. 668, рис. 108, 1.

¹⁶ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сб. МАЭ, т. IV, вып. 2 Л., 1924.

¹⁷ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 729.

¹⁸ Б. Адлер. Луки и стрелы Северной Азии. РАЖ, 1903, № 3—4, стр. 28.

¹⁹ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 585.

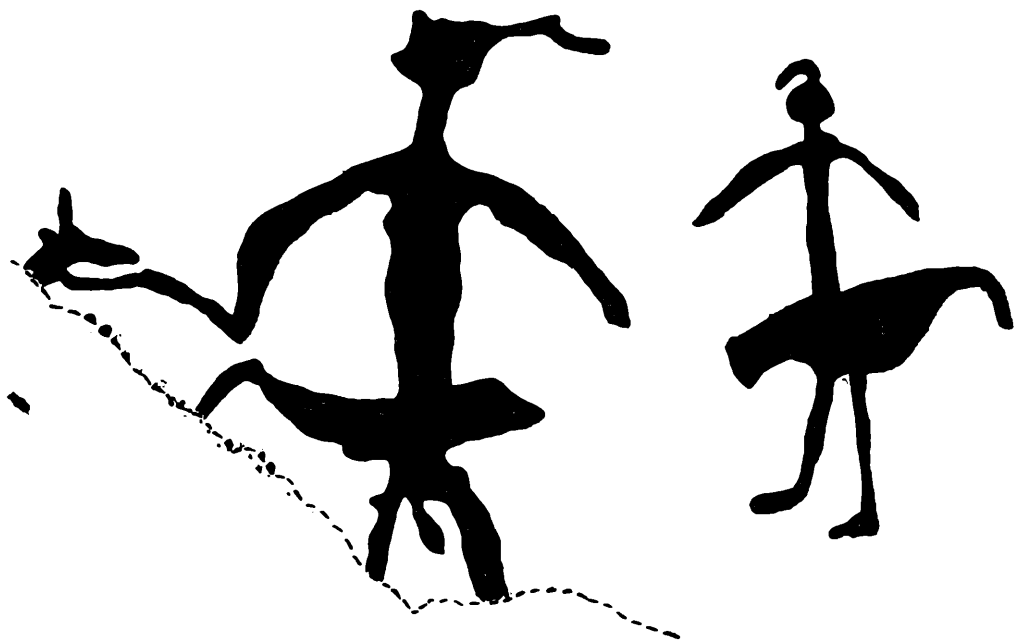

Рис. 23. Изображение горитов на наскальном рисунке.
(Куинская писаница)

Рис. 24. Изображение камлания с луком на наскальном рисунке.
(Оглахтинская писаница)

Умай — женского духа — охранителя детей. Особенно распространенным было представление о том, что Умай стреляет из лука в злого духа, который приближается к ребенку. У бурятов на колыбелях вырезались изображения лука с наложенной на него стрелой, как бы готовой к полету. Алтайцы подвешивали железные лучки к колыбелям²⁰ — гиляки вешали лук или его модель над люлькой, чтобы отгонять злых духов²¹. Хакасы еще в XIX в. модели лука и стрел заворачивали в тряпочку и клали в колыбель новорожденного мальчика²².

Итак, публикуемые бляшки не только позволяют судить о тагарском луке и горите, но и в какой-то мере проливают свет на идеологические представления древнего общества.

---

²⁰ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 732.

²¹ Б. Адлер. Указ. соч., стр. 189.

²² Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. Описание этнографических коллекций Минусинского музея, стр. 54.

Х. И. КРИС

ТАВРСКИЕ КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ У ГАСПРЫ

Наши представления о таврах, памятники которых давно привлекали внимание исследователей, заметно обогатились в последнее время благодаря более детальному изучению поселений так называемой кизил-кобинской культуры, иногда отождествляемой с понятием «Таврская культура». Керамический материал ряда поселений кизил-кобинской культуры (Уч-Баш, Инкерманское, Ашлама-Дере, Симферопольское, Красногорское, Белогорское, у пещеры Кизил-Коба и др.), а также наличие кремневого инвентаря на одних и исчезновение его на других в связи с появлением железа позволяют наметить два этапа в истории развития кизил-кобинской культуры¹, ставить вопросы о ее происхождении, развитии и взаимосвязях с соседними племенами и античными городами. Одним из узловых и пока еще мало разработанных вопросов является вопрос о тех изменениях, которые претерпевает кизил-кобинская культура на втором этапе своего развития в конце VII или на рубеже VII—VI вв. до н. э. С этим временем связано появление многочисленных таврских мегалитов. Изучение этих памятников, их архитектуры, погребального обряда и сопровождающего инвентаря должно сыграть определенную роль в решении вопросов об этническом родстве носителей кизил-кобинской культуры обоих этапов ее развития.

Археологические работы, проводившиеся в Крыму в послевоенные годы по обследованию и раскопкам каменных ящиков, а также накопленный прежде материал позволяют вновь обратиться к этой категории памятников, оставленных историческими таврами.

Большое количество групп каменных ящиков расположено на Южном берегу Крыма между Алуштой и Балаклавой. Они привлекли внимание многих путешественников и исследователей, оставивших нам не только описание этих памятников. Некоторые группы подверглись и археологическому изучению, однако плохая сохранность самих памятников из-за неоднократных ограблений в древности и кладоискательских раскопок, а также почти полное отсутствие документации и вещевого материала затрудняют их изучение. Так, из шести групп каменных ящиков, расположенных вблизи Ялты, мы не располагаем ни одним сколько-нибудь полным вещевым комплектом, их нет ни в Орианде, ни в Ай-Тодоре, ни в районе Симеиза. Исключение в этом отношении представляют каменные ящики Гаспры. Некоторые исследователи называют в этом районе несколько групп каменных ящиков; отсутствие планов затрудняет выяснение этого вопроса. Возможно это была многочисленная группа, состоявшая из нескольких гряд, подобно тому, как это наблюдается на вершине горы Кошка и в других местах горного Крыма.

¹ Х. И. Крис. К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры. СА, 1961, № 4.

В самом деле, в Орианде и в Ай-Тодоре, которые расположены в 1,5—2 км от Гаспры, имеются значительные группы каменных ящиков. В Байдарской долине, столь богатой таврскими мегалитами, это — обычный интервал между группами каменных ящиков, что дает некоторые основания рассматривать гаспринские ящики как единый комплекс.

В 1950 г. в районе Гаспры была обследована группа каменных ящиков, расположенных влево от шоссе «на скалистом мысу» (по описанию А. С. Уварова), раскопано пять каменных ящиков², два ящика зачищены в 1964 г.

Эти исследованные в последние годы каменные ящики на Гаспре идентичны раскопанным А. С. Уваровым не только по размерам, но и деталям конструкции. И те и другие «сложены в земле из четырех плит, представляют собой почти форму куба, в плане имеют слегка удлинненную прямоугольную форму и расположены очень близко один от другого». Описывая три дольмена в имении Мордвинова (в 0,5 км от Ялты), А. С. Уваров отмечает их большие размеры, побелку на внутренней поверхности плит и пазы в боковых стенах для крепления и отличает их от каменного ящика, подобного гаспринским, найденного здесь же³. Действительно, ни в одном из расчищенных нами ящиков Гаспры не было ни пазов для крепления поперечных плит, ни следов побелки. Ящики, виденные А. С. Уваровым, отличались лишь наличием плит покрытия, которые находились на самой поверхности земли или в уровень с нею; в настоящее время ни на одном ящике не сохранилось плиты покрытия. Может быть поэтому так беден их инвентарь. Каменные ящики у Гаспры, как и остальные известные на побережье, относятся к первой группе, выделенной Н. И. Репниковым, — к группе каменных ящиков без ограждений вокруг. Ни один из исследователей не отмечает на побережье ящиков с оградой или под курганной насыпью, близкое же их расположение друг к другу исключает возможность такого предположения.

Таким образом, исследование каменных ящиков у Гаспры при почти полном отсутствии материалов раскопок других групп на побережье приобретает особый интерес для характеристики памятников всего этого района.

Каменные ящики у Гаспры ориентированы в значительном большинстве в направлении запад-восток по длинной оси с небольшими отклонениями. Изучение погребального обряда по материалам гаспринских каменных ящиков, как и большинства крымских дольменов, затруднено из-за плохой сохранности памятников в результате неоднократного использования гробниц таврами и кладонисательских раскопок. Из семи исследованных нами каменных ящиков остатки захоронений найдены лишь в пяти, а в трех случаях остатки костяков найдены в юго-западном углу ящика (ящики № 2, 5, 6), в одном случае в юго-западном и в юго-восточном углах (ящик № 4) и в одном случае — в западном и восточном углах.

В зачищенных в 1964 г. ящиках № 6 и № 7 остатки костяков были совсем незначительны, однако зубы, найденные в них, дают представление о количестве погребенных. Так, в ящике № 6 были остатки двух погребенных женщин в возрасте 20 и 30 лет, третье погребение принадлежит ребенку 10—12 лет (может быть, девочке), четвертый погребенный — мужчина лет 20; возможно, было и пятое погребение (мужчины или женщины). В ящике № 7 было погребено не менее трех человек: двое мужчин и одна женщина в возрасте между 25—35 годами, от четвертого костяка — несколько неопределенных обломков зубов, один из них обгоревший.

Этот же материал позволяет говорить о принадлежности погребенных к

² В 1950 г. работы проводились под руководством автора в составе Горного отряда Тавро-скифской экспедиции, возглавляемой П. Н. Шульцем; в 1964 г. зачистка двух ящиков проведена Ялтинским краеведческим музеем под руководством автора.

³ «Каталог собрания древностей А. С. Уварова». вып. 1—3. М., 1887, стр. 33—35.

европеоидной расе с южно-средиземноморским уклоном⁴. Количество погребенных в каждом ящике при малых размерах гробниц указывает на их многократное использование, состав же погребенных (мужские, женские и детские захоронения) позволяет видеть в них семейные гробницы, видимо, отражающие определенную форму семейно-родовых отношений, связанную с патриархальной семьей⁵.

В некоторых каменных ящиках найдены были остатки человеческих костей со следами действия огня (1875 г. — № 4; 1950 — № 2, 4; 1964 г. — № 7). Можно ли в этом усматривать обряд трупосожжения? Многократность использования гробниц и фрагментарность костей затрудняют выяснение этого вопроса. Однако наличие обломков обожженных человеческих костей, в том числе и зуба, безусловно указывает на существование обряда трупосожжения, которое, вероятно, совершалось на стороне, так как в заполнении ящиков мы не находим следов погребального костра. Вероятнее всего, этот обряд здесь связан с обрядом очищения огнем, который иногда заменяется очищением белым веществом (близ Ялты, на земле Мордвинова и в Аутке).

Сплошная подстилка, отделяющая покойника от земли, не наблюдалась в группе ящиков у Гаспры, здесь найдены в основании ящиков отдельные гальки (1875 г. — № 5 и 6; 1964 г. — № 6), под головой погребенного — кусок дерева (1875 г. — № 5), куски обожженной глины. Кости жертвенных животных встречаются редко: челюсть и ребро овцы (1875 г. — № 3), клык кабана (1875 г. — № 6).

Особого внимания заслуживает ящик № 2 (1950 г.), где найдены были мелкие комочки охры между обломками человеческих костей. Следы охры, напоминающие брызги, наблюдались на внутренней поверхности восточной стенки ящика; на внутренней поверхности южной стенки в центре темное пятно и на нем очень незначительные следы охры — точки и штрихи. Четких изображений проследить не удалось, может быть, потому, что ящик был сильно потревожен в недавнее время, почти все его заполнение состояло из современного мусора. Нахождение комочков охры в ящиках № 2 и 4

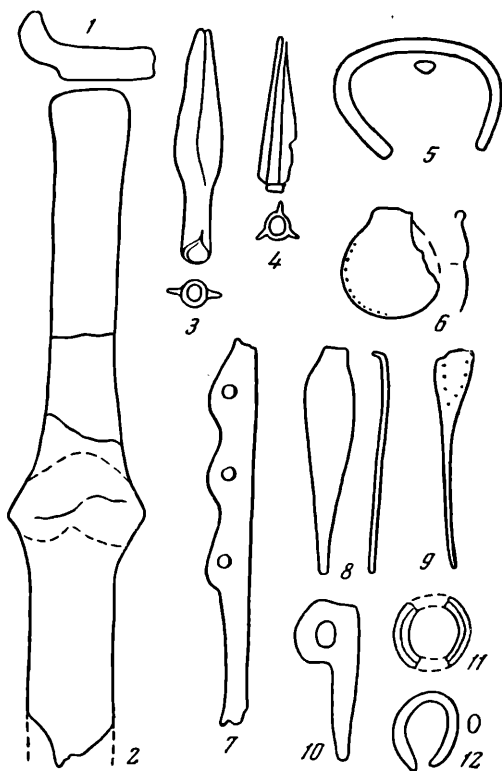

Рис. 25. Гаспра. Вещи из каменных ящиков

1, 2 — обломки меча; 3, 4 — наконечники стрелы; 5 — браслет; 6 — бляшка с орнаментом; 7 — обломок псаляя; 8, 9 — булавки; 10 — обломок удила; 11 — обломки кольца; 12 — серьга (1—3, 7, 10 — железо; 4—6, 8, 9, 12 — бронза; 11 — кость)

⁴ Антропологический материал определен научным сотрудником Института этнографии АН СССР А. А. Зубовым.

⁵ Этот материал не дает оснований видеть в каменных ящиках гробницы вождей. См. С. Ф. Стржеleckий. Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа. (Автореф. канд. дисс.). М., 1954, стр. 10.

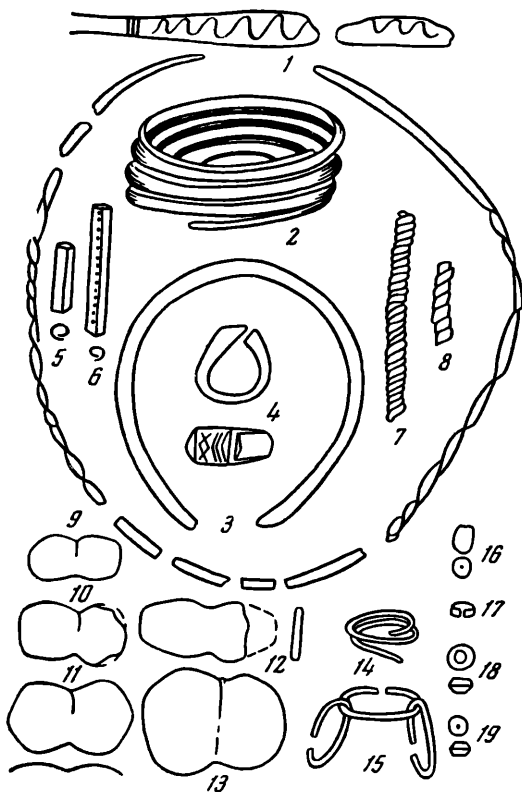

Рис. 26. Гаспра. Вещи из каменных ящиков
 1 — гривна; 2 — браслет; 3 — височное кольцо; 4 — перстень; 5—8 — пронизи; 9, 13 — восьмеркообразные бляшки; 14 — спиральное колечко; 15 — обломки цепочки; 16—19 — бусы (16, 18, 19 — стекло, остальное — бронза)

стия меча, которое можно восстановить лишь в порядке предположения. Представляется наиболее вероятной почковидная форма перекрестия которая согласуется с почти параллельными краями клинка. Среди находок из ящика, где найден обломок меча, было два обломка железных предметов, которые, возможно, являются остатками антенного навершия (рис. 25, 1). Эта реконструированная форма находит аналогию в ящике № 1 из группы каменных ящиков в урочище Мал-Муз⁶ и датируется по аналогиям со скифскими мечами с антенным навершием и почковидным перекрестием второй половиной VI — началом V в. до н. э.⁷ К этому же времени относятся и два наконечника стрел. Из предметов конского убора в каменных ящиках Гаспры найден обломок железного трехдырчатого псаля (рис. 25, 7), аналогичного псалю из кургана № 12 у с. Волковцы, датируемому VI в. до н. э.⁸, и обломки железных удил (рис. 25, 10).

Наиболее частыми находками в каменных ящиках являются украшения. К ним относятся детали головного и шейного убора. Самые многочисленные находки — восьмеркообразные бронзовые пластинки (рис. 26, 9—13) обычно упоминаются под названием панцирных или поясных бляшек. Едва ли это определение может быть принято: они слишком тонки для панциря: известные в ананьинской культуре трехчленные бронзовые бляшки, наши-

(1950 г.), вероятно, также указывает на обряд очищения огнем, в котором роль огня выполняет охра, иначе трудно объяснить нахождение охры в погребениях, которым не свойственна посыпка покойника охрой.

Сравнительная бедность инвентаря ящиков Гаспры, вероятно, является результатом кладовискательских раскопок. Среди находок: предметы вооружения, конского убора, украшения; керамика почти отсутствует, если не считать мелких, почти неопределимых, обломков, которые находились вместе с остатками костяков в основании ящика. В ящике № 7 (1964) найден невыразительный обломок стенки амфоры.

Предметы вооружения представлены обломком железного меча или кинжала (рис. 25, 2), железным втульчатым листовидным наконечником стрелы (рис. 25, 3) и бронзовым трехлопастным наконечником стрелы с короткой втулкой (рис. 25, 4).

По плохо сохранившемуся обломку железного меча трудно реконструировать его форму. Между рукоятью и лезвием имеется расширение — остаток перекрестия

⁶ Фонды ГИМ. Колл. № 45 716.

⁷ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д. 1—4, М., 1964, стр. 54.

⁸ В. А. Ильинская. Скифська вузда VI ст. до н. е. «Археологія», т. XIII, Київ, 1961, стр. 44, рис. 6, 4.

вавшиеся на пояс, значительно массивнее и имеют ушко для крепления. Набор восьмеркообразных бляшек разного размера в кладе украшений из Субботовского городища А. И. Тереножкин определил как деталь украшения одежды и головного убора. В дополнение к этому следует отметить, что на Кавказе Антонович находил их постоянно у лобной и теменной костей и надбровных дуг⁹, что вполне соответствует их назначению как деталей головного убора. Найденные в Субботовском кладе восьмеркообразные бляшки распространены в Среднем Поднепровье в чернолесское время, они несколько отличаются от крымских, в частности гаспринских, более сложной формой, более упрощенная форма их известна в скифское время¹⁰. Одна из гаспринских бляшек совсем плоская и более массивна (рис. 26, 12). Вероятно, это заготовка для обычной с выпуклыми щитками бляшки, которая была, может быть, привезена как полуфабрикат. Если верно это предположение, любопытно, что при отсутствии местной сырьевой базы таврам известны были приемы обработки металла. Широкое распространение восьмеркообразных бляшек на западе до Молдавии и Среднего Поднестровья, на Днепровском правобережье, в Крыму и на Кавказе не снимает вопроса об изначальном центре их распространения. Вероятно, с головным убором связаны височные кольца¹¹ из бронзового жгута с овальным, полукруглым или подтреугольным сечением (рис. 26, 3) и небольшие массивные бронзовые серьги (рис. 25, 12).

К украшениям головного убора или шейным, вероятно, можно отнести многочисленные бронзовые пронизи из спирально свернутой тонкой проволоки (рис. 26, 7, 8) или плоской пластины, цилиндрические, свернутые из тонкой бронзовой пластины, иногда украшенные точечным чеканным орнаментом (рис. 26, 5, 6). К шейным украшениям относятся бронзовая гривна из квадратного в сечении перевитого жгута с уплощенными концами, орнаментированными прочерченной волнистой линией, заканчивающейся вертикальной тройной полосой (рис. 26, 1). В состав ожерелья, кроме просверленных раковин каури, входили бронзовые бусы-пронизи, боченкообразные и бипирамидальные стеклянные бусы (рис. 26, 16—19). Бронзовый браслет в виде пружины из круглой в сечении проволоки (ящик № 6—76) обычен для предскифского времени на правобережье¹².

К предметам украшения относятся также перстень трехвитковый из тонкой бронзовой проволоки (рис. 26, 14) и массивный бронзовый перстень с орнаментом из прочерченных пересекающихся линий (рис. 26, 4). Для украшения костюма служили бронзовые булавки с веслообразной головкой (рис. 25, 8, 9), круглые бляхи из тонкой листовой бронзы с точечным чеканным орнаментом по краю (рис. 25, 6).

Ограниченное количество находок в каменных ящиках у Гаспры, как показывает состав сохранившегося инвентаря, говорит не о его бедности, а о сильной потревоженности памятника, относящегося к концу VI—V в. до н. э. Этот комплекс по своим архитектурным особенностям (ящики без ограждений) и деталям обряда (очищение огнем или белым веществом) идентичен другим комплексам Южнобережной группы крымских мегалитов. Состав погребенных указывает на семейный характер гробниц и позволяет относить погребенных к европеоидной расе с южносредиземноморским уклоном. Предметы вооружения, конской сбруи и украшения находят аналогии в скифских погребальных комплексах VI — начала V в. до н. э. и в других районах Северного Причерноморья, находившихся в этот период под сильным воздействием скифской культуры.

⁹ «Каталог собрания древностей А. С. Уварова», вып. I—III. М., 1887, стр. 59, № 465.

¹⁰ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 173, 174, рис. 106.

¹¹ Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 147, рис. 28, 37.

¹² А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 153, рис. 105, 8; 106, 6; 113, 3.

А. И. ПУЗИКОВА

НОВЫЕ КУРГАНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1961 г. разведками Воронежской лесостепной экспедиции был обнаружен и обследован курганный могильник у хут. Городище на восточной окраине с. Дуровка, на высоком косогоре правого берега р. Камышенки. Он расположен на расстоянии около 3 км к северо-западу от городища, которое по амфорным обломкам датируется V—III вв. до н. э. В группе насчитывается около 30 насыпей различного диаметра, высотой от 0,25 до 2,5 м. Курганы вытянуты цепочкой в направлении СЗЗ—ЮВВ. Лепная керамика, собранная на распаханых курганах, синхронна материалу городища. В 1964 г. начаты раскопки могильника. Исследовано пять курганов, расположенных в его восточной части.

В четырех раскопанных курганах (1, 2, 4, 5) на глубине 0,50—1,50 м от поверхности был обнаружен выкид из могильных ям, располагавшийся кольцами вокруг могил. Ширина колец различна: от 2,30 до 5,75 м; толщина слоя материковой глины от 0,35 до 0,55 м.

В кургане 2 выкид окаймлял пятно могильной ямы непосредственно у ее краев, в некоторых местах спускаясь прямо в могилу.

В курганах 1 и 5 в южной части насыпей в кольцах выкида были обнаружены разрывы шириной 2,75—3 м — входы в могильные ямы.

В кургане 3 из-за малой высоты кургана и мелкой могильной ямы выкид был незначительным.

Во всех курганах находилось по одной могильной яме, расположенной в центре кургана. Форма могил — подпрямоугольная и трапециевидная с округленными углами; глубина 0,75—1,60 м; ориентировка — северо-восток — юго-запад в курганах 1—4; северо-запад — юго-восток в кургане 5.

Могильные ямы в курганах 3 и 4 не были облицованы деревом, здесь сохранились следы одного (курган 3) и двух (курган 4) опорных столбов от перекрытия.

В курганах 1, 2 и 5 в могильных ямах было по девяти опорных столбов для перекрытия и деревянная облицовка стен тонкими досками (толщина 0,05 м).

В некоторых ямах от столбов диаметром 0,25—0,45 м, глубиной 0,40—0,80 м сохранились крупные куски бревен дуба.

В курганах 1 и 2 деревянные камеры, помещенные в ямы, вырытые в материковом суглинке, были меньше этих ям по своим размерам, поэтому между стенками ямы и деревянной камерой получились зазоры шириной от 0,20 до 0,60 м, заполненные светлым мешаным грунтом.

Помещение деревянных камер на некотором расстоянии от стен могилы в Воронежских курганных группах встречено впервые. Обычным для могильных ям было устройство, подобное которому найдено в кургане 5, дерево облицовки плотно примыкало к стенкам могилы, а столбы размещались в самых углах в середине бортов.

В двух курганах (1 и 5) были обнаружены входы в могильные ямы, примыкавшие к юго-западному борту могил и ориентированные в этом же направлении.

В кургане 1 длина входа равнялась 5,50 м, ширина — 0,80—2,20 м; по мере приближения к могильной яме ширина входа увеличивалась. Дно входа, покрытое древесной подстилкой, полого спускалось в направлении центра могилы, постепенно сливаясь с дном могильной ямы (рис. 28).

В кургане 5 вход был короче и уже: длина 3,20—3,25 м; ширина — 1,40—1,80 м. Дно входа, также покрытое древесным тленом от подстилки, было очень неровным и располагалось выше дна могильной ямы на 0,40—0,50 м.

Деревянные перекрытия над могилами сохранились очень плохо, за исключением кургана 1. Обычно о их наличии свидетельствовали столбовые ямки в могилах и остатки дерева, обнаруженные при снятии насыпей курганов. Дерево в насыпях прослеживалось либо в виде отдельных остатков бревен (в курганах 1, 2 и 4), либо в виде древесного тлена, перемешанного с грунтом насыпи. В кургане 4 при выборке заполнения могильной ямы в ее восточной части были обнаружены бревна перекрытия, обвалившиеся внутрь могилы. Бревна лежали в направлении северо-запад — юго-восток параллельно меньшим сторонам могилы. Видимо, перекрытие над могилой этого кургана имело вид плоского накатника. Лучше, чем во всех остальных курганах раскопанных ранее могильников («Частых курганах», Мастюгино, «Русская Тростянка»), устройство перекрытия удалось проследить в кургане 1. Перекрытие имело вид шатра. Дерево его выходило за пределы могилы на расстояние до 3 м в окружности, перекрывая часть кольца выкида. Бревна лучами сходились над центром могильной ямы, опираясь на центральный опорный столб. Ямка от столба с крупными кусками дерева была обнаружена в месте соединения бревен после снятия перекрытия. Часть входа у борта могилы (на расстоянии до 2 м) также была покрыта деревом. Длина бревен 2,5—4 м; ширина 0,20—0,40 м.

Вследствие обвала перекрытия дерево располагалось наклонно по направлению к центру могилы. Дерево очень хорошо сохранилось в юго-восточной и восточной частях могилы; в северо-восточной и юго-западных частях могилы от перекрытия и облицовки остались только отдельные его куски; в северо-западном углу оно было совершенно уничтожено грабительским лазом.

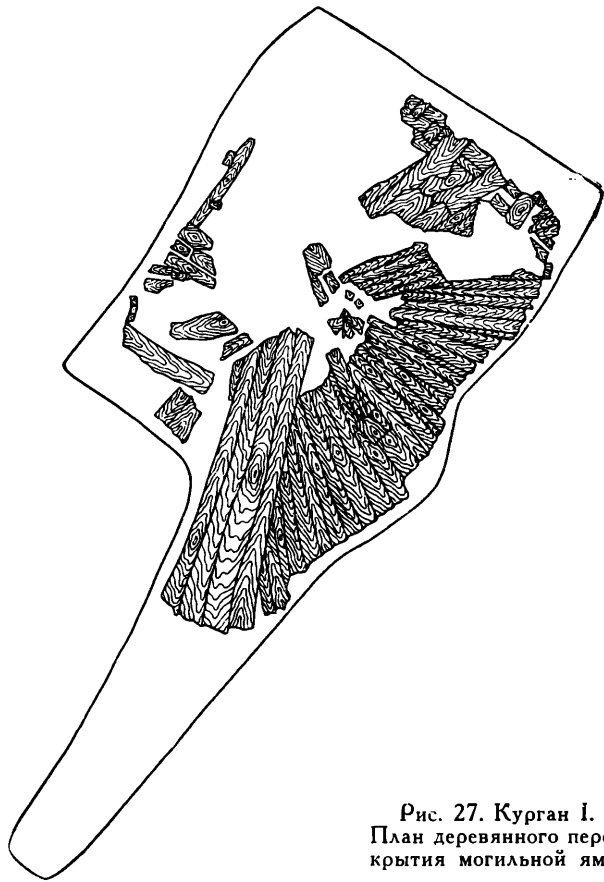

Рис. 27. Курган 1.
План деревянного перекрытия могильной ямы

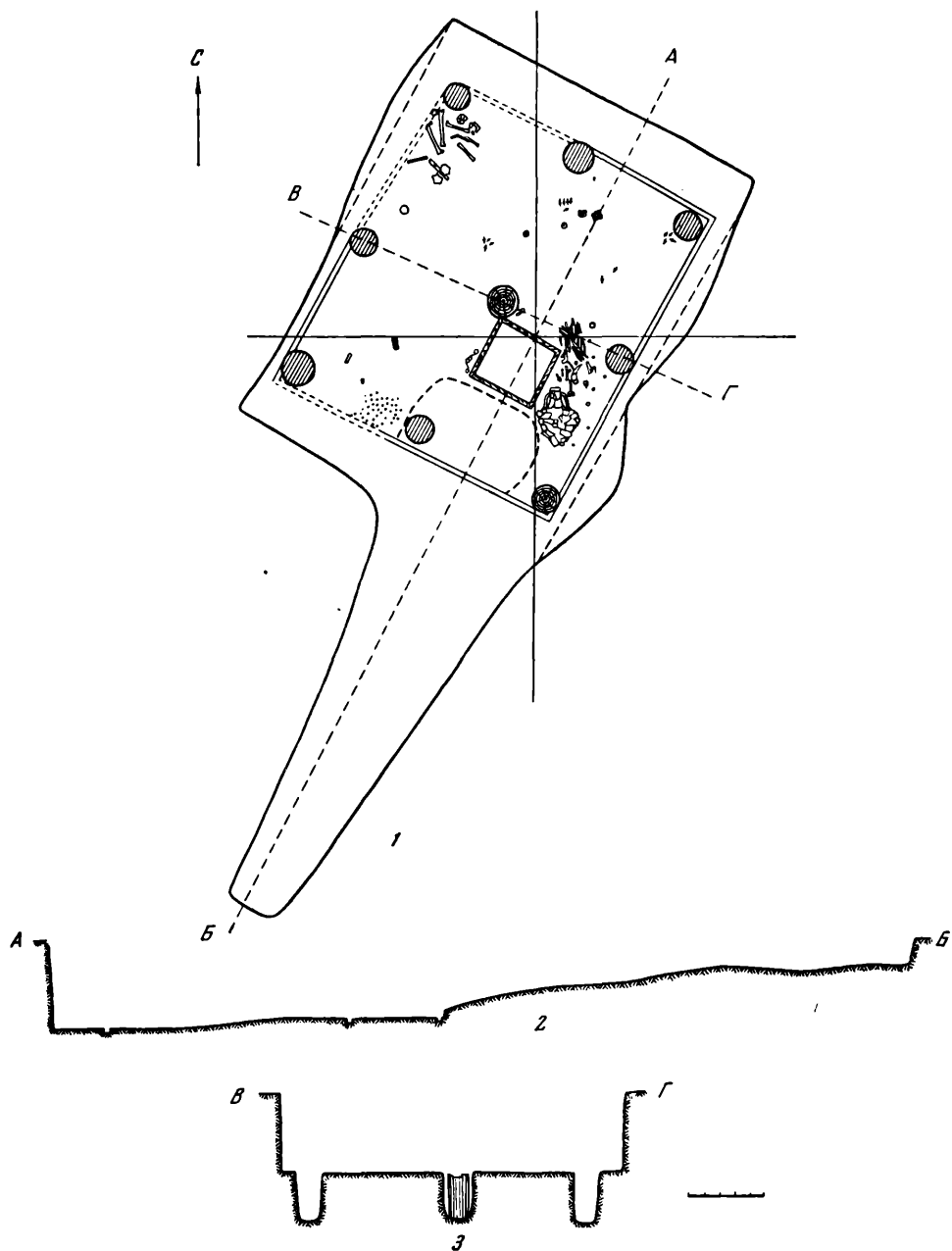

Рис. 28. Курган 1.

1 — план могильной ямы на уровне материка; 2 — разрез по АБ; 3 — разрез по ВГ

Рис. 29. Золотые вещи из курганов 1 и 4

1 — перстень-печатка со скарабеем; 1а — вид скарабея снизу; 1б — вид скарабея сбоку; 2 — бляшка с оленим; 3 — бляшка-розетка; 4 — бляшка с изображением человека верхом на грифоне, терзающем оленя; 5 — бляшка-бантик; 6 — амфоровидная привеска; 7 — выпуклая бляшка розетка; 8 — розетка с лучами в виде завихрения; 9 — бляшка с прорезным четырехлепестковым цветком; 10—11 — многовитковые спиральные кольца; 12 — бляшка в виде пальметки; 13 — бляшка в виде цветка; 14 — бляшка-трилистник; 15 — бляшка из 4 розеток, соединенных в триничок; 16 — бляшка в виде двух голов кабана; 17 — бляшка с изображением львов и пантер; 1, 1а, 1б, 10, 11, 15 — из кургана 4; остальные из кургана № 1 (1, 1а, 1б и 16 увелич. в 2 раза; остальные — в натур. велич.)

Все курганы ограблены. Остатки костяка *in situ* были обнаружены только в могиле кургана 2.

Погребение было совершено в восточной половине могилы, на специальном деревянном помосте, от которого сохранились две опорные плашки в головах и ногах погребенного, врытые в дно могилы на расстоянии 1,30—1,38 м одна от другой¹. От костяка сохранились только берцовые кости обеих ног, по положению которых можно судить о том, что погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. В кургане 1 погребение было парным: кости обоих скелетов, мужского и женского (в возрасте 35—45 лет)², потревоженные скелетами, лежали в северном углу могильной ямы (рис. 28). В курганах 3 и 4 в результате ограбления кости погребенных находились в заполнении грабительских лазов.

В кургане 5 погребение было совершено по обряду трупосожжения. Деревянное перекрытие кургана и облицовка стен могилы были сожжены. Перекрытие прослеживалось в виде узкой полоски угля в профиле кургана, а от облицовки на стенах могилы сохранился налет угля и прокаленные докрасна участки грунта. В курганах 2 и 4 на дне могильных ям были обнаружены кострища, а в кургане 2 — пятно меловой подсыпки. Первые явления, видимо, остатками обряда трупосожжения; назначение мелового пятна не ясно.

Курганы 3 и 5 ограблены полностью; в кургане 5 от инвентаря сохранились только четыре ворворки (три бронзовых и одна железная); курганы 1 и 4, несмотря на ограбление, дали богатый и интересный материал³.

В кургане 1 значительная часть инвентаря была беспорядочно разбросана в северо-западной части могильной ямы. Там были обнаружены: куски и отдельные чешуйки железного панциря, четыре бронзовых наконечника стрел, около 300 трехлопастных и 34 плоских железных, более 200 золотых бляшек различных форм и размеров. В том же рушеном слое грабительского перекопа была найдена золотая круглая бляха с изображением человеческой фигуры верхом на грифоне, терзающем оленя (рис. 29, 4). Около центральной столбовой ямки были обнаружены железные конские удила и бронзовый налобник. Все остальные вещи сохранились, видимо, *in situ*. В юго-восточном углу лежала большая амфора, раздавленная обрушившимся перекрытием и серебряный ритон, украшенный двумя полосками гравировки и головкой барана на узком конце (рис. 30). Вокруг амфоры и ритона были найдены принадлежности конской сбруи: железный налобник, два железных кольца, три массивные полусферические бронзовые бляшки с петлей на обороте (две из них имели рубчатую поверхность), 12 железных ворворок, железная пряжка. К северу от амфоры находились кости лошади, свиньи, среди которых лежали, как обычно, два железных ножа с горбатой спинкой и костяными рукоятками. Кости барана, находившиеся там же, были окрашены в сине-зеленый цвет окислами меди от котла, унесенного грабителями. Вероятно, для котла в могиле был сооружен специальный «стол» почти квадратной формы, размером 0,86 × 0,90 м; окартуренный деревянными брусками (шириной 0,05—0,06 м). В южной части могилы было обнаружено более 400 мелких золотых полусферических бляшек с петелькой на обороте.

¹ Подобное устройство погребения было отмечено в кургане 13 могильника у с. Русская Тростянка (см. А. И. Пузиков а. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 24).

² Определение Т. С. Кондукторовой.

³ Грабительские лазы проходили, как правило, в северной или западной частях насыпей. В том случае, когда погребение находилось в восточной половине могилы и грабители в поисках его проходили всю могильную яму, курган оказывался совершенно ограбленным (курганы 2, 3, 5). Если же погребение было совершено в западной части могилы, то грабители, довольствуясь ограблением костяка, не затрагивали восточной части, где инвентарь сохранился (курганы 1 и 4).

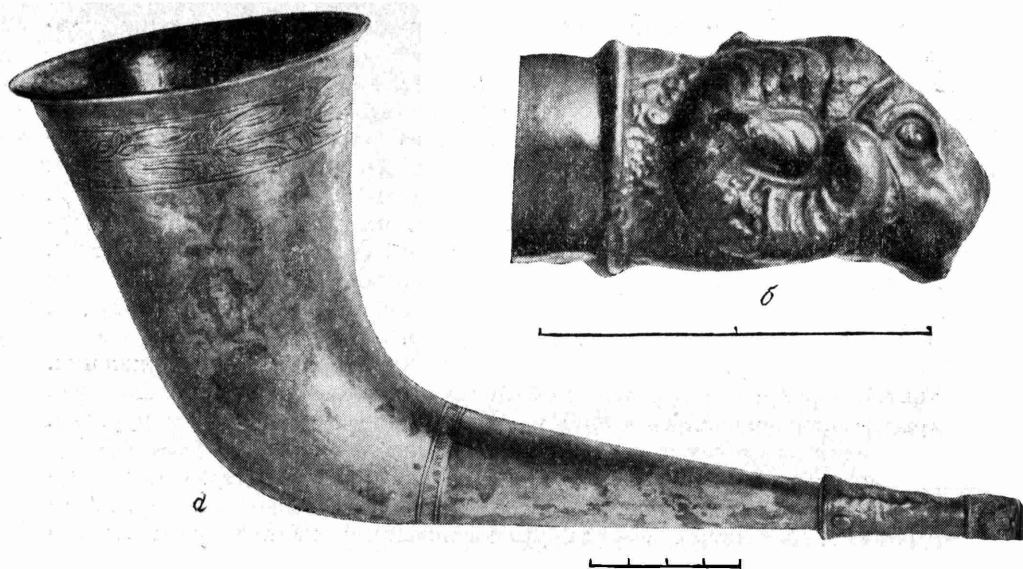

Рис. 30. Серебряный ритон из кургана 1 (а) и протома ритона в виде головки барана (б) (увелич).

В кургане 4, все находки, сохранившиеся *in situ*, лежали также в восточной части могилы. Почти в центре могильной ямы, немного ближе к юго-восточному углу, находилась прямоугольная возвышенная площадка высотой до 0,08 м, вырубленная в материке и ооконтуренная деревом, врытым в дно могилы на 0,05 м. Размеры площадки — 0,90 × 0,98 м, сверху она была покрыта слоем дерева⁴. В центре этого возвышения стояли: большой бронзовый котел на рюмковидной ножке с двумя вертикальными ручками, украшенный зигзагообразной полосой и волютами на тулове, и бронзовый котел подобной формы, но меньших размеров и без орнамента (рис. 32). В западном углу этого стола лежали ребра животного и железный нож с костяной рукояткой. В северо-восточном углу могилы под слоем дерева обвалившегося перекрытия была обнаружена раздавленная амфора, золотая обкладка какого-то деревянного предмета, два наконечника дротиков и листовидный наконечник копья. Втулки рюмковидной формы от древков дротиков и копья находились в юго-восточном углу могилы.

Все вещи, обнаруженные в западной части могилы, были найдены в перекопанном грунте грабительского хода и сохранились потому, что были выброшены грабителями или обронены ими: 49 плоских железных наконечников стрел, четыре золотые бляшки в виде четырех соединенных розеток, золотая бляшка в виде двух вытянутых головок кабана, два золотых спиральных многовитковых кольца из массивной проволоки (в семь и девять витков), золотой перстень-печатка с пастовым скарабеем (на обратной стороне скарабея изображен иероглиф в виде зайца), два железных крюка и железный предмет, по форме напоминающий черпачок с витой обломанной ручкой и своеобразным ковшиком в виде четырехлепесткового цветка.

Дата кургана 1 определяется амфорой⁵ (конец V — начало IV в. до н. э.).

Три бронзовых наконечника стрел (рис. 31, 6—8) однотипны, различны они только по размерам; у двух наконечников (рис. 31, 4, 5) грани опущены

⁴ Сооружение подобно обнаруженному в кургане № 1, но здесь оно возвышалось над дном.

⁵ Определение И. Б. Зеест.

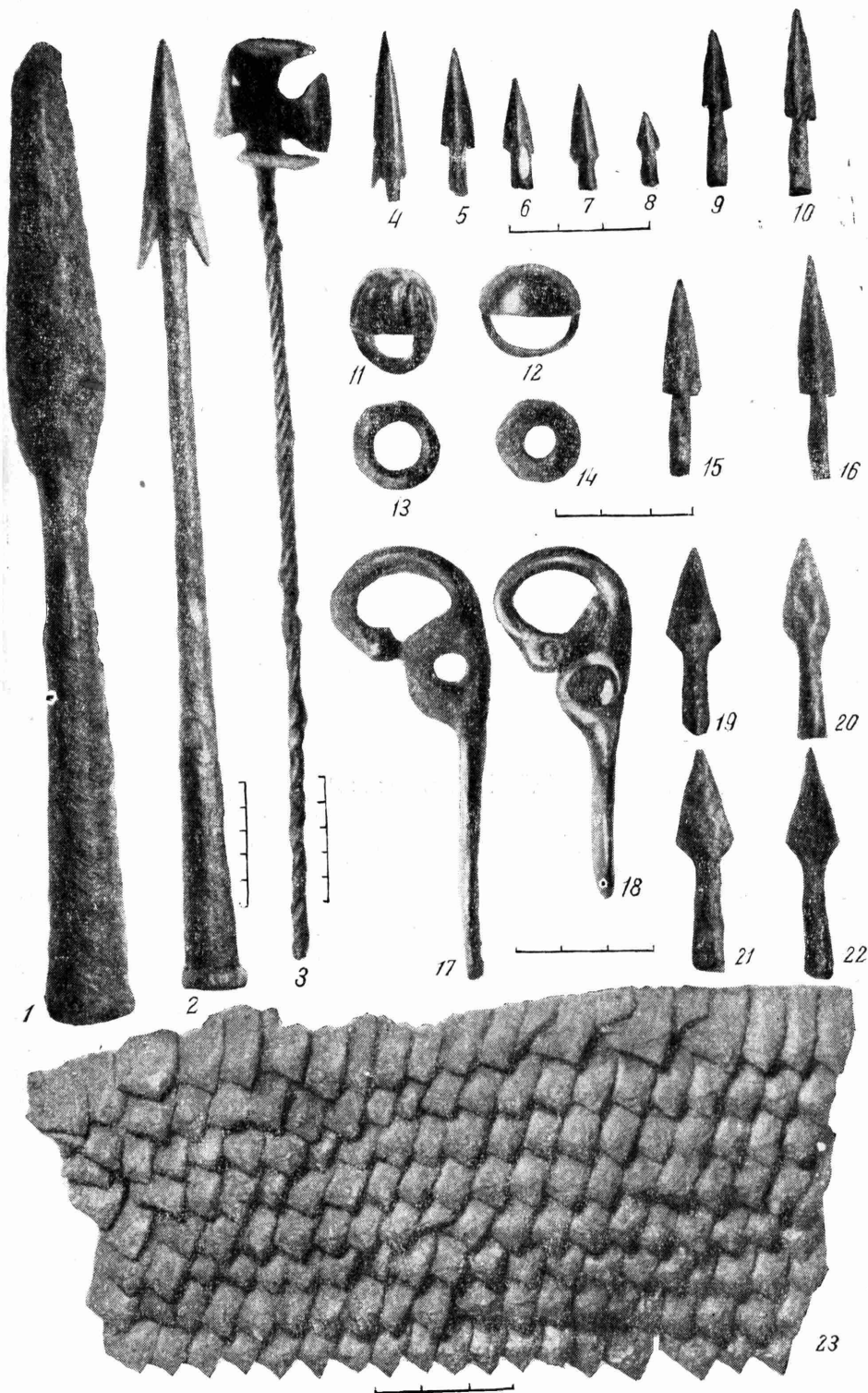

Рис. 31. Находки из курганов скифского времени в Белгородской области

1 — железный наконечник копья; 2 — железный наконечник дротика; 3 — железный предмет неизвестного назначения; 4—8 — бронзовые наконечники стрел; 9—10, 15—16 — железные трехлопастные наконечники стрел; 11—12 — бронзовые бляшки от конского убора; 13—14 — железные ворворки от конской уздечки; 17 — железный конский налобник; 18 — бронзовый конский налобник; 19—22 — железные плоские наконечники стрел; 23 — фрагмент железного чешуйчатого панциря (реконструкция) (1, 2, 3, 19—22 — из кургана № 4; 4—18, 23 — из кургана 1)

Рис. 32. Бронзовые котлы из кургана 4

вниз. Такие типы наконечников встречаются в комплексах середины V — начала IV в., а также в IV—III вв. до н. э.⁶

Железные трехлопастные наконечники стрел (рис. 31, 9, 10, 15, 16), обнаруженные в могильной яме кургана, бытуют в комплексах Среднего и Нижнего Дона и Кубани начиная с V в. до н. э.⁷

Плоские железные наконечники стрел с пером почти треугольной формы и длинной втулкой характерны только для Воронежских курганных групп: «Частых», Мاستюгинских курганов и для могильника у с. Русская Тростянка⁸. В других местах они встречаются единично⁹. Употребление этих более архаичных стрел при подавляющем большинстве трехлопастных А. И. Мелюкова объясняет большей легкостью их изготовления по сравнению с трехлопастными.

От железного чешуйчатого панциря сохранились небольшие куски и множество отдельных чешуек, которые представлены четырьмя видами. Основную массу составляют пластинки, имеющие острый треугольный нижний конец (рис. 31, 23). Гораздо меньше пластинок с округленным нижним концом. Третий вид составляют длинные массивные пластинки, четвертый — тонкие длинные изогнутые пластинки. Вероятно, третий вид пластинок служил окаймлением подола панциря, а тонкие изогнутые пластинки четвертого вида обрамляли ворот. Панцири, состоящие из чешуек с остроугольным нижним концом, не могут датироваться ранее конца V в. до н. э., а основное их распространение относится к IV—III вв. до н. э.¹⁰

Два железных ножа с горбатой спинкой и обломками костяных черенков обычны в погребениях степи и лесостепи. По наблюдениям Е. Ф. Покров-

⁶ P. R a u. Die Graber der frühen Eisenzeit in Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, Taf. VI, H, J, L; Taf. X, D.

⁷ А. И. М е л ю к о в а. Вооружение скифов. САИ, вып. Д 1—4, М., 1964, стр. 25.

⁸ Там же, табл. 10, С—Ф.

⁹ Там же, стр. 29.

¹⁰ Там же, стр. 73.

ской, появление подобных ножей в лесостепи относится ко времени не раньше второй половины V в. до н. э., а значительное распространение падает на IV—III вв. до н. э.¹¹

О наличии в погребении до ограбления копья или дротика (может быть, не одного) свидетельствует железный вток древка, обычной для Воронежских курганов рюмковидной формы. От конской сбруи сохранились удила с дополнительными кольцами на внешних концах, три бронзовых полусферических бляшки с рубчатой и гладкой поверхностью (рис. 31, 11—12) и массивной дужкой на обороте, бронзовая коническая ворворка, 12 железных ворворок такой же формы (рис. 31, 13—14), два железных кольца диаметром 3 см; все эти предметы являются обычной принадлежностью конских уздечных наборов и имеют многочисленные аналогии в комплексах V—III вв. до н. э.¹²

Два конских налобника свидетельствуют, видимо, о том, что с погребением был положен не один уздечный набор. Бронзовый налобник с изображением птичьей головы на длинной изогнутой шее (рис. 31, 18) имеет точную аналогию в материале кургана 1 группы «Частых курганов»¹³, а железные налобники со щитками различных форм (рис. 31, 17) часто встречаются в Мاستюгинских курганах и в группе курганов у с. Русская Тростянка¹⁴. Круглая железная пряжка из массивного железного прута с обломанной иглой является, видимо, принадлежностью пояса¹⁵. Золотых нашивных бляшек разных форм и размеров в кургане было обнаружено свыше 600. Более 400 из них представляют собой мелкие полусферические бляшки диаметром меньше 0,5 см и немного больше с петелькой на обратной стороне. Большая часть их была обнаружена в южной части могилы, на участке площадью 2 × 1,5 см. На всей этой площади на материковом грунте прослеживались какие-то органические остатки ярко розового и лилового цветов. Такими же остатками была заполнена обратная сторона многих бляшек. Вероятно, лиловый и розовый тлен представлял собой остатки полога или покрывала, на который были нашиты эти бляшки¹⁶. Здесь же найдены бляшки в виде трилистника или «пчелки» (54 экз.) (рис. 29, 14), три бляшки в виде цветка (рис. 29, 13), бляшка в виде пальметки (рис. 29, 12) и 32 бляшки в форме круглых розеток с прорезными четырехлепестковыми цветами (рис. 29, 9), аналогичные бляшкам центрального погребения Александропольского кургана¹⁷. Часто встречаются бляшки в форме бантика (рис. 29, 5) (30 экз.)¹⁸; удлинненные бляшки в виде голов кабана (рис. 29, 16)¹⁹;

¹¹ Е. Ф. Покровська. Курганы IV ст. до н. э. біля Холодного Яру поблизу М. Сміли. «Археологія», т. X, 1957, стр. 67.

¹² С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем, СА, VIII, 1946, Курган № 1, стр. 17; Курган № 7, стр. 31, 5; Курган № 11, стр. 41, в; Н. И. Веселовский. Расследование кургана Солоха. ОАК за 1913—1915 г. Пг., 1918, стр. 127, рис. 205, 206; стр. 128, рис. 207; стр. 133, рис. 216.

¹³ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 19, рис. 61.

¹⁴ А. И. Пузикова. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка. КСИА, вып. 102, стр. 30, рис. 10, 19, 20.

¹⁵ См. С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 16, рис. 3; стр. 41, рис. 29.

¹⁶ Аналогии этим бляшкам многочисленны: Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 50, рис. 55, 1—2; стр. 56, рис. 61, 6; В. И. и Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II. Киев, 1899, т. XXVIII, рис. 446; вып. III, табл. VIII, рис. 458; А. А. Спицын. Серогозские курганы. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 172, табл. XIV. ДГС. Атлас, вып. I. СПб, 1866, табл. IX, рис. 24; 25; С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 21, рис. 7, 2; стр. 35, рис. 23, 3.

¹⁷ ДГС. Атлас, вып. I, табл. IX, рис. 15, 22, 8.

¹⁸ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 43, рис. 33, 5; ДГС. Атлас, вып. I, табл. IX, 28; А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910, рис. 5, 6.

¹⁹ Н. Е. Макаренко. Указ. соч., рис. 55, 3; ДГС. Атлас, вып. I, табл. X, рис. 36, 35; С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 35, рис. 23, 4; стр. 44, рис. 34; А. И. Тереножкин. Скифский курган в г. Мелитополе. КСИА, вып. 5. Киев, 1956, стр. 26, рис. 3, 8; Деев курган. ИАК, вып. 19, табл. XIII, рис. 26, 27.

выпуклые розетки с рубчатым бордюром вокруг (22 экз.) (рис. 29, 7)²⁰; розетки с лучами в виде завихрения (6 экз.) (рис. 29, 8)²¹; гладкие амфоровидные привески, служившие украшением диадем, венчиков, серег (рис. 29, 6; 4 экз.)²²; серебряные и золотые биконические бусы (2 серебряных и 15 золотых)²³; розетки более крупных размеров диаметром до 4 см (рис. 29, 3; 2 экз.): варианты розеток отличаются количеством лепестков и оформлением сердцевин²⁴. На двух четырехугольных бляшках изображен лежащий олень с подогнутыми ногами, вытянутой вперед головой и прямыми ветвистыми рогами без завитков. Изображение оленя на этих бляшках, несмотря на широкое распространение этого сюжета в скифском зверином стиле²⁵, является наиболее реалистическим и находит точные аналогии в бляшках из Александропольского кургана²⁶.

Ажурные бляшки, изображающие львов и пантер (рис. 29, 17; 10 целых и 16 половинок, представляющих того или другого зверя), в позах и манере изображения животных имеют тоже много общего с бляшками Александропольского кургана²⁷, но наиболее точную аналогию находят в бляшках северной катакомбы кургана из Мелитополя²⁸.

И, наконец, интереснейшими находками из кургана 1 являются золотая бляха и серебряный ритон. На бляхе (рис. 29, 4) диаметром 7,5 см изображен человек, который сидит на грифоне, терзающем оленя. Волосы у человека длинные, спадающие на плечи, как и на всех изображениях скифов. На шее — два витка гривны; правая рука поднята, видимо, для удара; левая — скрыта за гривой грифона. Из-под крыла грифона спускается правая обнаженная нога. Сам грифон поднялся на задние ноги, опустив передние на оленя, упавшего на колени (вероятно, самку оленя, так как рога представлены всего двумя отростками, а на животе прослеживаются соски). Задние ноги грифона гораздо мощнее передних. Хвост изображен в виде зигзага с кисточкой на конце, пасть разинута. За ушами возвышается валутообразный отросток, изображающий то ли рог грифона, то ли жезл всадника. Сцена заключена в круг, окаймленный рубчатым бордюром в виде двух поперечных и одной продольной выпуклых ячеек. Изображение довольно грубое и явно варварского изготовления, хотя в нем и встречаются элементы влияния греческого искусства (всадник изображен обнаженным). Изображение на бляшке близко к изображению на навершии из кургана «Слоновская Близнаца», которое Б. Н. Граков считает возможным трактовать, как отражение скифского героического эпоса²⁹.

Серебряный ритон (рис. 30, а, б) греческой работы орнаментирован двумя полосками гравировки: лавровым венком по широкому краю и узкой полоской полуов в месте соединения двух частей тулова. Узкий конец ритона — протома — изготовлена в виде головки барана и присоединена к тулову

²⁰ Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 50, рис. 55, 6; А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 95, рис. 5, 5; В. И. и Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II. Киев, 1899, табл. XXIV, рис. 409.

²¹ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 43, рис. 33, 4; Случайные находки и приобретения из хищнических раскопок Мастюгинских курганов. ОАК, 1905, стр. 96, рис. 119, 4.

²² Н. Е. Макаренко. Указ. соч., рис. 55, 5; Там же, табл. I. А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 95, рис. 5, 3. ДГС. Атлас, вып. I, табл. XI, рис. 5. Александропольский курган. Чертомлыцкий курган. ДГС. Атлас, вып. II, табл. XXIX, рис. 2; табл. XI, рис. 1. Деев курган, табл. XIII, рис. 4.

²³ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 16; стр. 43, рис. 32, 5. Александропольский курган. ДГС. Атлас, вып. I, табл. X, рис. 5, 11, 13.

²⁴ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 26, рис. 3, 7; ДГС. Атлас, вып. I, табл. VII, 12; табл. IX, 3, 4; вып. II, табл. XXVI, 7.

²⁵ Н. Л. Членова. Скифский олень. МИА, № 115, 1962, табл. II, III.

²⁶ ДГС. Атлас, вып. I, табл. VIII, 23.

²⁷ Там же, рис. 6, 8, 13.

²⁸ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 26, рис. 3, 10.

²⁹ Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 13, 14, рис. 2.

при помощи грубых заклепок. По форме тулова ритон близок Мастюгинскому³⁰, Мордвиновскому³¹ и Кульобскому³²; по орнаментике и оформлению узкого конца — ритонам из кургана 4 из группы «Семь братьев»³³ и Карагодеуашх³⁴. Б. Свобода, занимавшийся вопросами возникновения, использования и распространения ритона, отмечал, что, возникнув в Передней Азии в качестве ритуального сосуда, ритон быстро распространился в соседние области. В южнорусские степи он проник через Грецию, где он использовался несколько иначе, чем у скифов. Греки пили содержимое через узкое отверстие, не поднося к губам, а вливали тонкою струей, держа на некотором расстоянии от рта³⁵. У скифских ритонов в большинстве случаев внизу отверстий нет, поэтому из них должны были пить через широкий край. На примере ритона из кургана 1 можно проследить, как мне кажется, его двойное использование. Вначале им пользовались как собственно ритоном, т. е. пили через узкое отверстие. Впоследствии, когда на узком конце появились зазубрины и выщерблины (что обнаружилось в процессе реставрации) при помощи заклепок была присоединена протома в виде головки барана с глухим концом из серебра более тонкого, хрупкого и худшего по качеству, после чего ритон должны были использовать как рог, т. е. пить из него через широкое устье.

Итак, многие вещи из погребения первого кургана: бронзовые наконечники стрел, уздечный конский набор, остатки железного панциря, железная пряжка, ножи с костяными рукоятками могут относиться как к V, так и к IV—III вв. до н. э.

В наборе золотых нашивных штампованных бляшек и в орнаментике ритона обращает внимание сходство с комплексами степных погребений: Александропольского. Мелитопольского, Карагодеуашхского курганов, датируемых IV в. до н. э. Очевидно, основным критерием при определении даты кургана будет служить амфора средиземноморского центра (рис. 33, 1), которая относится к концу V — началу IV вв. до н. э.³⁶ Если учесть, что амфора вследствие своей хрупкости не может долго сохраняться, то весь комплекс кургана 1 можно датировать началом IV в. до н. э.

Комплекс кургана 4 более скромнее и обычен за исключением нескольких вещей. Дата его, так же как кургана 1, определяется боспорской или херсонесской амфорой, относящейся к первой половине IV в. до н. э. (рис. 33, 2). 49 плоских наконечников стрел (рис. 31, 19—22), листовидное копье с хорошо выраженной продольной гранью на пере (рис. 31, 1); два наконечника дротиков жаловидной формы с рюмковидными втоками (рис. 31, 2); две железные ворворки; два железных крюка, подобные обнаруженным в Мастюгинских курганах 10/17 и 11/16 неизвестного назначения³⁷; золотые бляшки в виде двух голов кабана (рис. 29, 16) и четырех розеток, соединенных в тройнички (рис. 29, 15), золотая обкладка деревянного предмета представляют собой довольно частые находки в Воронежских курганных группах, на датировке и своеобразии которых останавливались многие

³⁰ П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3, стр. 164, рис. 11.

³¹ Ритон хранится в Эрмитаже. Упоминание о находке ритона в 1-м Мордвиновском кургане см.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 422—423; Н. Е. Макаренко. Первый Мордвиновский курган. «Гермес». Научно-популярный вестник античного мира. Пг., 1916, № 12, стр. 272.

³² ДБК. Атлас, табл. XXXVI, рис. 5.

³³ B. Svoboda. Zur Geschichte des Rhytons. Neue Denkmäler Antiker Toreutik. Praha. 1956, Taf. VI, C.

³⁴ МАР, № 13. СПб., 1894, стр. 145, рис. 19; табл. VI; рис. 1.

³⁵ B. Svoboda. Указ. соч., Seit. 87; Abb. 27; В. К. Мальберг. Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх. МАР, 1894, стр. 139—140.

³⁶ Определение амфоры произведено И. Б. Зеест.

³⁷ П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда Скифской Лесостепной экспедиции за 1960 г. Архив ИА АН СССР, № 2119а, табл. XIII, 1; табл. XVI, 2.

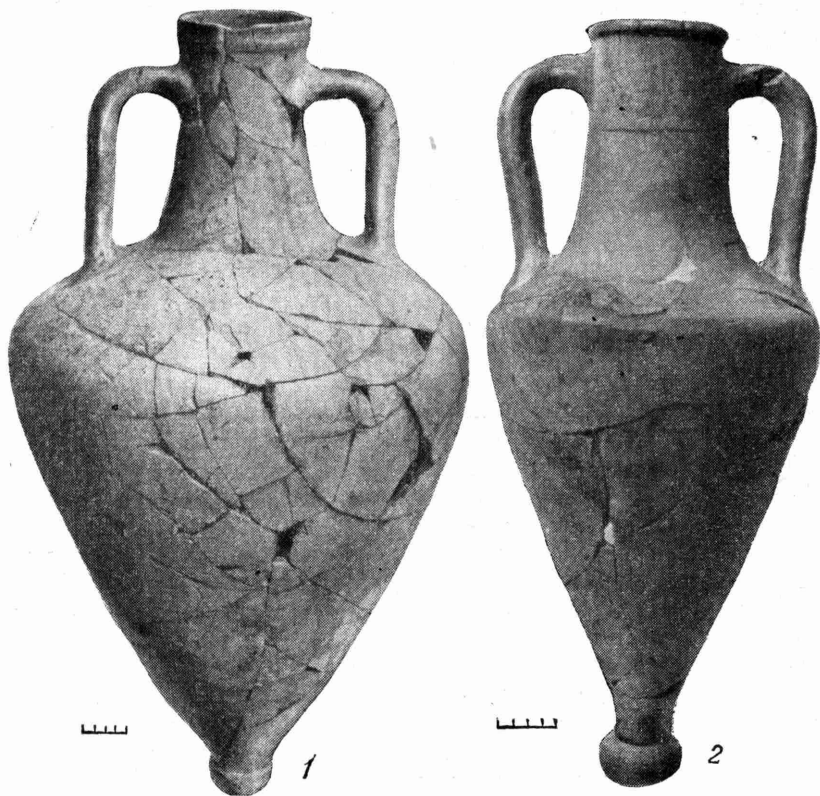

Рис. 33. Амфора из кургана (1) и амфора из кургана 4 (2)

авторы³⁸. К предметам, представляющим большой интерес, относится прежде всего большой котел. Котлов в кургане обнаружено два, оба они сильно деформированы. У меньшего котла (рис. 32, 1) бокаловидное тулово и полая массивная ножка. Ручки его украшены тремя шишечками, орнамента на тулове нет. Большой котел имеет широкое чашевидное тулово, снабженное двумя вертикальными ручками с тремя выступающими шишечками. Верх котла орнаментирован треугольным орнаментом, ограниченным внизу горизонтальным валиком. Продолжением ручек на тулове служат волутообразные завитки, загнутые наружу. Полая ножка котла сохранилась не полностью: часть ее была вдавлена в дно и раскрошилась при извлечении из могилы (рис. 32, 2). По форме тулова и ручек котлы принадлежат к обычному так называемому скифскому типу котлов, встреченных при раскопках многих курганов³⁹.

Своеобразие орнаментики большого котла составляют завитки в виде валюток под вертикальными ручками на тулове, обнаруженные на котлах из

³⁸ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования в 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, стр. 47—76; С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 9—50; П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3, стр. 152—165; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д 1—4, стр. 25, 44.

³⁹ Н. И. Веселовский. Расследование кургана Солоха.— ОАК, за 1913—1915 гг., стр. 123, 124, рис. 196—198; А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II. СПб., 1887—1904 гг., стр. 163, рис. 19, т. III, стр. 84, рис. 30; В. П. Шилов. Отчеты о работе Южнодонской экспедиции за 1959—1960 гг. Архив ИА АН СССР, № 2156а, табл. XII, 1; табл. XXI, 1; № 1975а, табл. XII, 1; ДБК. Атлас, табл. XIV; А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса, стр. 112, рис. 17.

«Частых курганов»⁴⁰. Треугольный орнамент под венчиком сближает котел из 4-го кургана с. Дуровки с котлом из с. Мазурки, который А. Ф. Шоков и К. Ф. Смирнов, основываясь на сходстве орнамента котла с орнаментацией позднесрубной керамики, датируют VI в. до н. э.⁴¹

Наиболее необычной находкой является находка перстня-печати с египетским скарабеем и изображением иероглифа в виде зайца (рис. 29, 1 — а, б). Б. Б. Пиотровский, смотревший перстень, утверждает, что по времени он может быть старше V в. до н. э. Интересно отметить, что в более позднее, римское время находки египетских вещей случались и в более северных областях⁴², но для времени раннего эллинизма, это, видимо, единственная для области Среднего Дона и наиболее северная находка вообще.

Два спиральных золотых кольца (рис. 29, 10, 11) из толстой золотой проволоки необычны своей массивностью и количеством витков (7 и 9 витков). Золотые кольца с одним — тремя витками встречаются довольно часто, но такие многovitковые встречены впервые. И, наконец, железный предмет неизвестного назначения, напоминающий по форме прямоугольный черпачок, размером 4,2 × 4,8 см, состоящий из четырех вертикальных несомкнутых лепестков и витой обломанной ручки; длина сохранившейся части — 33 см (рис. 31, 3).

Найти хоть сколько-нибудь убедительные аналогии этому предмету и объяснить его назначение мне не удалось.

Итак, при сравнении погребальных сооружений и инвентаря вновь обнаруженного могильника с группами ранее исследовавшимися на территории Среднего Дона, становится ясно, что курганы у с. Дуровки представляют собой еще один памятник типа «Частых» и Мастюгинских курганов, обнаруживая в то же время черты различия и самобытности: появление в могильниках обряда трупосожжения по мере удаления к югу, наличие кострищ в могильных ямах (курганы 2 и 4), пятно меловой подсыпки (курган 1); устройство специальных столбов-помостов для котлов и напутственной пищи в курганах 1 и 4 и т. д.

Несмотря на огромный ущерб, нанесенный кладоискателями, обращает на себя внимание богатство и разнообразие инвентаря, позволившего полнее характеризовать культуру племен этой территории и установить наличие связей с отдаленными областями античного мира. Особенно ценна возможность одновременного изучения не только погребального, но и бытового материала, так как идентичность и синхронность городища у хут. Городище и данного могильника не вызывает сомнения.

---

⁴⁰ В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа. СА, IX, 1947, стр. 19, рис. 8; П. Д. Либеров. Альбом к отчету Воронежской археологической экспедиции в 1954 г. Архив ИА АН СССР, № 1024, табл. XXIV.

⁴¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 129; табл. 70А, 5. Автор причисляет мазурский котел к савроматским древностям, устанавливая его сходство с котлом из Соболевского кургана (см. «Савроматы», стр. 129 и табл. 14, 8). На мой взгляд, мазурский котел гораздо больше сходства обнаруживает с вышеуказанными котлами из «Частых курганов», а тем более с котлом кургана 4 с. Дуровки, у которого треугольный орнамент совпадает с орнаментом мазурского котла, а Г-образные усики под ручками с течением времени приобрели более совершенную форму валют. Исходя из этого, можно согласиться с датировкой котла, но вызывает сомнение его культурная принадлежность.

⁴² Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 26.

Д. Б. ШЕЛОВ

НИЖНЕ-ДОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1962—1963 гг.

В 1962—1963 гг. Нижне-Донская археологическая экспедиция продолжала исследование памятников скифо-сарматского времени в низовьях Дона¹. Кроме продолжения раскопок Танаиса (Недвиговское городище), в эти годы были предприняты исследования других городищ первых веков н. э. в этом районе — Нижне-Гниловского и Подазовского.

В Танаисе основные работы были сосредоточены на раскопе VI (начальник Д. В. Деопик), где исследовались прежде всего постройки «дополеоновского» Танаиса III—I вв. до н. э. Возникшее ранее, в первый год раскопок, представление об оборонительном характере некоторых открытых здесь сооружений не подтвердилось при дальнейшем исследовании. Все постройки принадлежали жилым и хозяйственным комплексам. Они неоднократно перестраивались и ремонтировались, насчитывается не менее семи строительных периодов на протяжении отрезка времен около 250 лет. К ранним строительным периодам (конец III — первая половина II вв. до н. э.) относится открытая здесь большая каменная вымостка, общей площадью не менее 150—200 кв. м. По-видимому, здесь была небольшая площадь или большой мощный двор. Эта вымостка была связана с жилыми помещениями III и II вв., открытыми ранее. На вымощенной площади находился колодец глубиной 2,14 м. Стенки колодца облицованы горизонтально положенными каменными плитами, горловина его, лежащая в плоскости вымостки и имеющая квадратную форму размером 0,40 × 0,40 м, перекрыта плоской плитой. В вымостке прослежен каменный водосток.

К ранним строительным периодам относятся также помещение MM и, видимо, связанные с ним хозяйственные ямы. От наземного помещения MM почти ничего не сохранилось, но довольно хорошо уцелели стены подвальной части постройки, врезанной в материковую глину и облицованной камнем. Такие выложенные камнем подвалы очень характерны для танаисских построек II—III вв. н. э., для эллинистического времени такая постройка зафиксирована впервые.

Выше этих остатков лежат более поздние развалины домов второй половины II и I в. до н. э., значительная часть которых была открыта ранее. Наибольший интерес представляет раскопанный в северной части участка небольшой жилой комплекс, состоявший из нескольких помещений. Лучше

¹ Работы проводились при участии Азовского краеведческого музея, который полностью финансировал исследование Подазовского городища. Состав экспедиции 1962 г.: начальник Д. Б. Шелов, начальники отрядов И. С. Каменецкий, Л. М. Казакова, научные сотрудники: А. И. Болтунова, Е. Г. Кастанаян, Д. В. Деопик, С. Н. Братченко, Х. И. Крис. Состав экспедиции 1963 г.: начальник Д. Б. Шелов, начальники отрядов И. С. Каменецкий, А. И. Болтунова, Д. В. Деопик, научные сотрудники: Т. М. Арсеньева, Л. М. Казакова, Е. М. Алексеева, Н. М. Казакова.

других сохранилось небольшое помещение *ЛЛ* размерами около $4,5 \times 2,5$ м. Стены помещения изнутри были аккуратно обмазаны глиной, пол помещения — глинобитный, в центре его хорошо сохранился прямоугольный очаг. Дверь вела из этой комнаты на небольшой мощеный дворик. К описанному помещению примыкают два других — *РР* и *НН*. Помещение *РР* имело, видимо, такие же размеры, как и помещение *ЛЛ*, но оно сильно разрушено; помещение *НН* вскрыто раскопками только в незначительной своей части. Весь этот комплекс принадлежал к последнему строительному периоду раннего Танаиса, т. е. к I в. до н. э. В конце этого столетия все постройки здесь были разрушены, и участок превратился в район мусорных свалок.

В то же время была разрушена и разобрана и оборонительная стена, защищавшая с севера западную часть города. Эта стена исследовалась в 1959—1961 гг. на раскопе IX (начальник А. И. Болтунова). В 1962 и 1963 гг. было вскрыто продолжение этой оборонительной стены к востоку на протяжении еще 12 м и открыты остатки построек, примыкавших к стене с внутренней стороны. Наиболее ранние из них возникли, видимо, одновременно с оборонительной стеной еще в III в. до н. э., но от них сохранились только незначительные остатки стен и глинобитных полов. Гораздо лучше дошли до нас постройки II—I вв. до н. э., в частности жилое помещение *В* с глинобитным полом и очагом в углу. В этом, соседнем с оборонительной стеной помещении, найдено 12 каменных ядер. Постройки погибли одновременно с оборонительной стеной на рубеже н. э., вероятно, во время карательного похода Полемона против Танаиса. Но в отличие от других участков западного района города, превратившихся в обширные мусорные свалки, этот участок застраивался и позднее. Здесь обнаружены остатки стен, полов и очагов I в. н. э., а поверх них — фундаменты двух более поздних помещений *В₁* и *Б₁*, датируемых концом II и первой половиной III в. н. э. Эти поздние кладки лежат на остатках более ранних построек и на остатках разобранной оборонительной стены эллинистического времени. По-видимому, они являлись фундаментами каких-то легких построек, может быть, камышовых, обмазанных глиной; характерны скругленные углы этих фундаментов. Окончательная гибель всех построек и запустение этого района датируются серединой III в. н. э. и связаны с разгромом всего города неприятелем.

В 1962 г. были проведены работы на небольшом новом раскопе XIII (начальник Е. Г. Кастанаян), самом западном раскопе Танаиса. Раскоп был заложен для исследования западного участка оборонительной стены III—I вв. до н. э., северный отрезок которой несколько лет раскапывался на участке IX. Действительно, остатки этой стены, тянувшейся здесь с севера на юг, были открыты на протяжении 20 м. Стена имела здесь толщину 2,75 см; она была облицована и с внешней, и с внутренней стороны крупными камнями, грубо сколотыми и слегка подтесанными с лицевой стороны. Поверх стены, сохранившейся в виде одного ряда камней облицовки, лежал слой мусорной свалки преимущественно первых веков н. э. Керамический материал из свалки указывает на то, что стена была разрушена не позднее конца I в. до н. э., а присутствие среди каменного завала, образовавшегося вокруг основания стены, каменных ядер, позволяет предполагать, что и это разрушение было связано с военными действиями Полемона.

Восточная часть раскопа VI захватила не только кварталы западного дополемоновского района города, но и участок западной оборонительной линии Танаиса первых веков н. э. Здесь раскопками открыт западный фас массивной оборонительной башни, сооруженной в конце II или в III в. н. э. Эта башня была центральной во всей западной линии обороны первых веков н. э. Даже открытый раскопами наружный панцирь западной стены башни дает представление об ее мощности: ее протяженность по фронту составляла около 12 м. Она была сложена из огромных необработанных известняковых глыб, как и башня меньших размеров, открытая ранее на раскопе IV. Клад-

ки вновь открытой башни сохранились только в незначительной части, на высоту 1—2 ряда камня; стены башни давно разобраны и на поверхности городища обозначены теперь канавами добытчиков камня.

На этом же участке исследован оборонительный ров, сооруженный во-круг Танаиса не позднее начала II в. н. э. Раскопки опровергли высказывавшееся ранее предположение о том, что участок рва с западной стороны городища проходил по естественной балке, существовавшей здесь еще в допелемоновское время. Видимо, сама балка, ограничивающая ныне с запада основной четырехугольник городища, образовалась в результате затекания рва и размывания прилегающих к нему глинистых скатов. Раскопками выяснена форма рва. Верхняя часть его была вырыта в грунте, а нижняя на глубину 3,5—4 м вырублена в скале. Ров имел 6—6,5 м ширины по дну и около 13 м ширины по верхнему краю. Общая глубина его — 7—8 м. Восточный внутренний скат рва имеет крутизну около 70°, западный — около 50°. Ров, по-видимому, был заполнен водой и регулярно очищался от наносов.

На участке некрополя Танаиса к северо-западу от городища расчищено случайно обнаруженное и совершенно разрушенное погребение № 182, вероятно, I в. н. э.

В 1963 г. велись раскопки на участке некрополя к востоку от городища, на раскопе III (начальник Т. М. Арсеньева), где были открыты 24 погребения, в большинстве своем сильно разрушенные. Те из погребений, которые могут быть датированы инвентарем, относятся к II в. до н. э.—IV в. н. э. При погребениях и вне их найдено значительное число антропоморфных надгробных стел, характерных для танаисского грунтового некрополя. Наиболее интересными являются погребения № 195 и 198. Первое из них датировано III в. н. э. В могиле обнаружены: два перстня, серебряный и бронзовый, со стеклянными вставками, арбалетовидная железная фибула, бронзовое зеркало с центральной петелькой, железные ножницы, железное шило (рис. 34), двуручный краснолаковый сосуд, сероглиняная тарелка, обломки стеклянного сосуда и пастовые бусы (рис. 35). В погребении прослежены остатки камки и меловая подсыпка. Второе погребение — парное, взрослого и ребенка; инвентарь — серолощенный кувшин, бронзовая фибула, стеклянные бусы и бронзовый перстень — датирует эту могилу I в. н. э.

Кроме погребений в некрополе, три захоронения были открыты в 1962 и 1963 гг. на городище, в культурном слое на раскопах VI и IX. Они принадлежат, видимо, уже раннесредневековому времени, когда поселение на месте Танаиса не существовало.

На Нижне-Гниловском городище в 1962—1963 гг. велись раскопки слоев первых веков н. э. (начальник И. С. Каменецкий). Работы проводились на краю обрыва, обращенного к Мертвому Донцу, на площади около 150 кв. м. Культурный слой первых веков н. э. на этом участке достигает 6,5—7 м толщины и состоит из многочисленных прослоек золистого характера с остатками жилищного глинобитного строительства; открыты остатки нескольких разновременных жилищ I—II вв. н. э. От жилищ сохраняются глинобитные полы, неоднократно подмазывавшиеся глиной и постепенно повышавшиеся. Границы полов обозначены неглубокими канавками, в которых прослеживаются остатки вертикально стоящего камыша: стенки этих жилищ были сплетены из камыша и обмазаны глиной. К сожалению, ни одно из жилищ не открыто раскопками полностью, но насколько позволяют судить раскопанные остатки их, жилища имели четырехугольную в плане форму со скругленными углами и достигали в длину 5—6 м. Внутри некоторых жилищ находились большие печи. Открытие и реконструкция этих печей представляют большой интерес. Печи имеют круглую форму до 2 м или немного более в диаметре. Основа печи под полом состоит из кольцевой выкладки из сырцового кирпича, внутри которой чередуются слои глины и обломков керамики или мелкого камня. Под печи про-

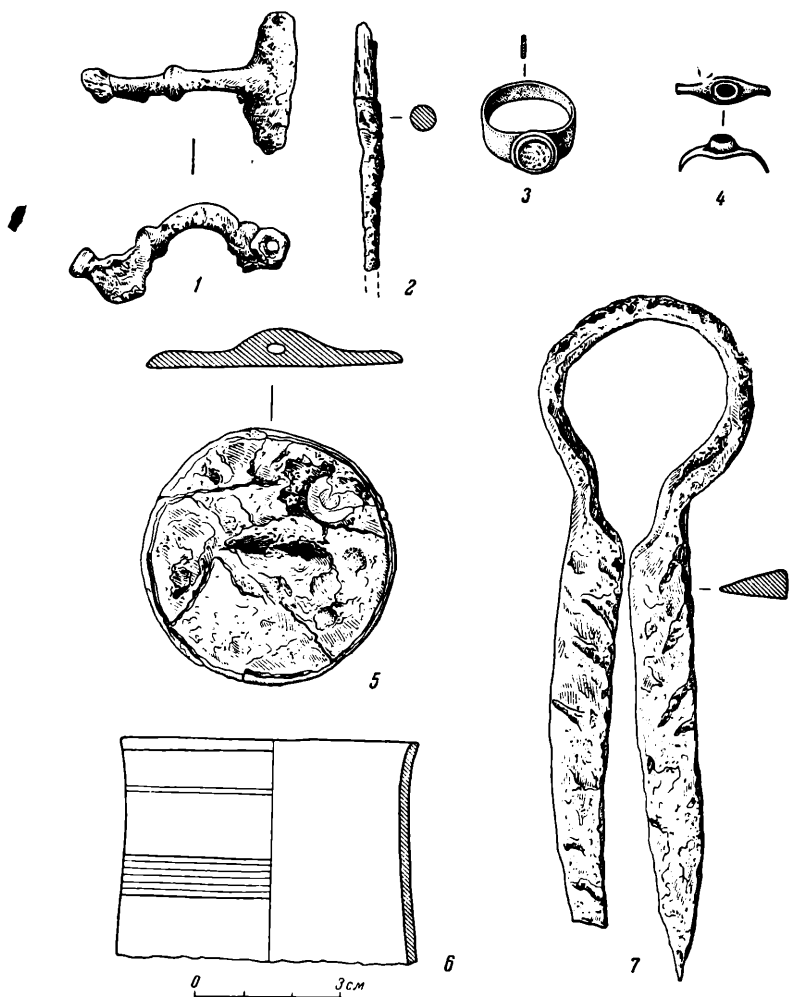
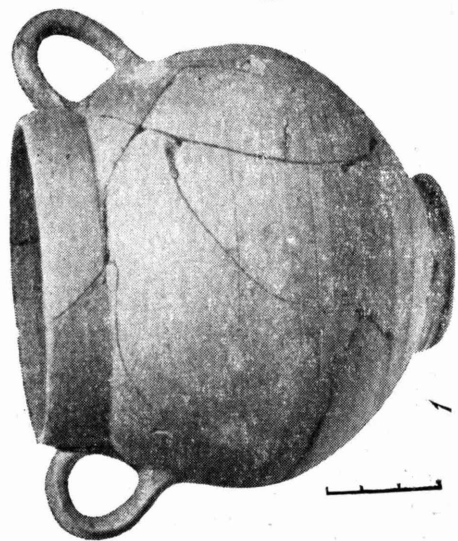

Рис. 34. Танаис. Инвентарь погребения № 195

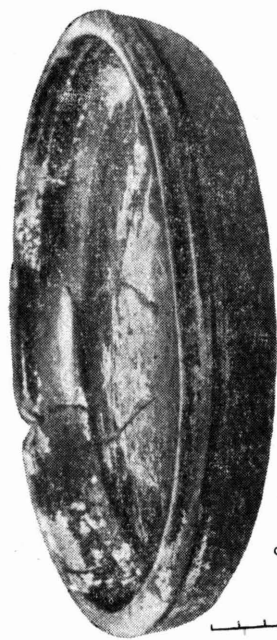
мазан глиной и обожжен. Эта подмазка повторялась неоднократно, в результате чего под постепенно повышался, а рабочая камера печи уменьшалась. Камера эта образована подом и сооруженным под ним куполом с отверстием для выхода дыма вверху. Купол сложен из сырцовых кирпичей (конструкция «ложного свода») и обмазан изнутри и снаружи глиной. Топка находилась сбоку от основания пода. Такие печи применялись, видимо, для выпечки лепешек или хлебов.

Кроме печей, при раскопках открыты остатки простых очагов и хозяйственных ям. В верхнем слое вскрыты пять погребений, в одном из них оказался инвентарь: бронзовые ворворка, пластинка, железный ромбовидный наконечник стрелы и кресало. Эти вещи датируют погребение XI—XII вв. Вероятно, и другие погребения относятся к тому же времени.

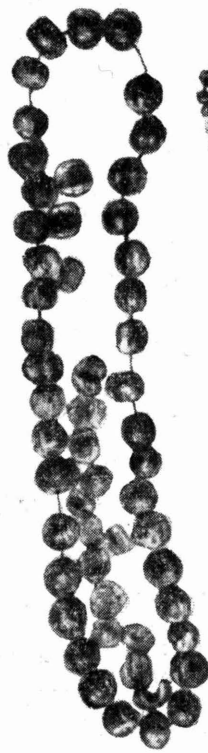
Значительные раскопки Подазовского городища были проведены в 1962—1963 гг. впервые (начальники Л. М. Казакова и И. С. Каменецкий). Работы велись главным образом на южной оконечности сохранившейся восточной части городища, в других местах были только заложены разведочные шурфы и произведены зачистки обнажений. На исследуемом участке вскрыто около 250 м площади. Культурный слой, достигающий здесь 5 м

1

2

3

Рис. 35. Танаис.
Инвентарь погребения № 195

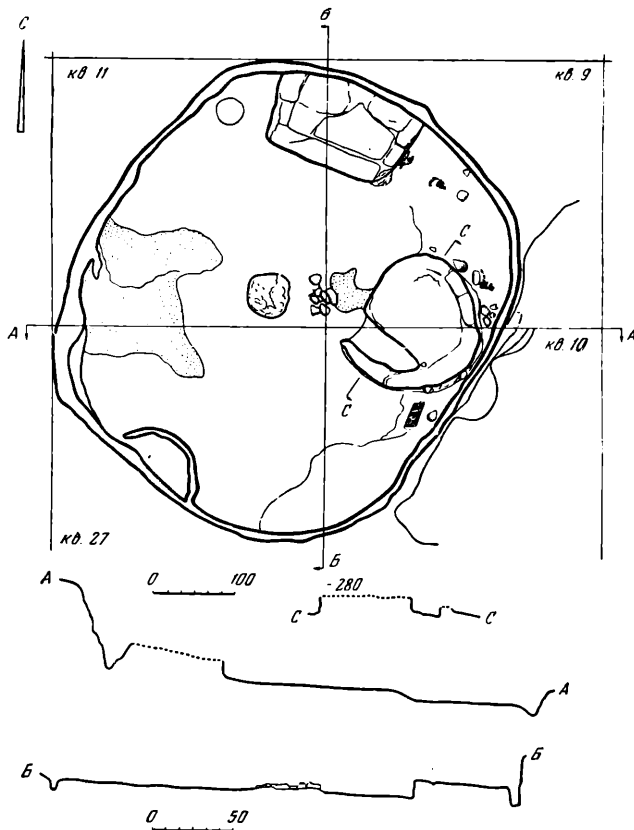

Рис. 36. Подзавское городище. План жилища

толщины, имеет ту же структуру, что и на Нижне-Гниловском, и на других нижнедонских городищах и относится к одной эпохе — к I в. до н. э.— II в. н. э. Только в верхнем горизонте открыты пять гораздо более поздних погребений; при одном из костяков найдено пять просверленных татарских бронзовых монет второй половины XIV в.

В культурном слое Подзавского городища сохранилось множество остатков жилищ того же типа, что и жилища Нижне-Гниловского городища (рис. 36). За два года раскопок здесь открыты остатки не менее 12 жилищ, стены которых были сделаны из камыша, обмазанного глиной, а крыши из соломы или камыша. Эти жилища прослежены по прослойкам от сгоревших крыш, канавкам от основания стен и кускам обмазки. Они имели круглую, овальную или четырехугольную форму, в последнем случае со скругленными углами, и достигали иногда в длину 8 м при ширине 5—6 м. Внутри домов находились обычно одна-две лежанки, приподнятые над уровнем глинобитного пола на 30—40 см. Входное отверстие часто было отгорожено от основного пространства помещения дополнительной внутренней стенкой, создавшей при входе нечто вроде тамбура. В каждом доме находились один-два очага, конструктивной основой которых была глиняная плита круглой или прямоугольной формы с приподнятыми бортиками. В некоторых домах видялись небольшие сводчатые печи. Раскопки показали, что эти дома стояли очень тесно, на расстоянии 1—2 м, а иногда даже всего нескольких десятков сантиметров друг от друга. Они часто разрушались, видимо, пожарами, и вновь восстанавливались на прежнем месте.

Найденный при раскопках материал представлен главным образом фрагментами керамики. Целые сосуды встречаются лишь изредка, это миниатюрные лепные сосудики, лепные чаши на ножках. Среди лепной керамики, кроме этих форм, часто встречаются горшки с вертикальным или отогнутым венчиком или совсем без венчика, с насечками или вдавлениями по краю. Иногда попадаются обломки больших лепных корчаг и лепные светильники. Сравнительно малочисленная группа серолощенной круговой керамики представлена обломками мисок, блюд, кувшинов. Самым распространенным видом керамики являются амфоры. Преобладают фрагменты амфор светлоглиняных с профилированными ручками разных типов I—III вв. н. э., обломки светлоглиняных амфор с двуствольными ручками I в. до н. э.— I в. н. э. встречаются в небольшом числе в нижних слоях. Красноглиняные боспорские амфоры представлены несколькими типами. Число обломков краснолаковой керамики невелико — это главным образом фрагменты мисок и чашечек. Из других находок наиболее распространенными являются пирамидальные глиняные грузила и пряслица различных форм и размеров. Часто встречаются плоские каменные рыболовные грузила из ракушечника. Найдены также несколько точильных брусков, куски зернотерок, бронзовые фибулы, обломки бронзовых зеркал.

Л. В. АРТИШЕВСКАЯ

СЕВЕРНОЕ ДОЛБАТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ
ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди лесных культур средней полосы до сих пор меньше других изучены памятники юхновской культуры. Это объясняется разведывательным характером работ, проводившихся на юхновских городищах, большинство из которых представляет собой многослойные и сложные в стратиграфическом отношении памятники. Северное Долбатовское городище — один из немногих памятников, где мощный культурный слой юхновского времени не нарушен позднейшими напластованиями и имеет четкую стратиграфию. Оно расположено на левом берегу небольшой речки Бойни, притоке Судости, у дер. Долбатово Погарского района Брянской области. Примерно в 170 м к югу по течению находится второе городище юхновского времени — Южное Долбатовское¹.

Северное Долбатовское, как и другие юхновские городища, расположено на берегу реки, обрывистым мысом обращено к пойме, с севера и юга ограничено оврагами, с напольной стороны ограждено валом полукруглой формы, сейчас сильно оплывшим.

В середине его хорошо прослеживается въезд. Площадка городища имеет форму округлого треугольника, размером от мыса до вала — 60 м, в поперечнике (в наиболее широкой напольной части) — 50 м. Поверхность его в течение многих лет распахивается и поэтому верхний горизонт культурного слоя сильно потревожен распахкой. Как и на других подобных памятниках, культурный слой мощностью около 2 м интенсивно насыщен находками и в некоторых местах состоит из множества углистых и золистых прослоек. Раскоп размером 6 × 8 кв. м, заложен почти в центре городища², здесь представлялось вероятным выяснить характер углистых и золистых прослоек, которые принято связывать с многократными пожарами легких наземных жилых построек. При последовательной расчистке площади раскопа выяснилось, что, начиная с глубины 30 см от поверхности, всю восточную часть раскопа занимает большое золистое пятно неопределенных очертаний, которое при дальнейшей расчистке (на глубине 50 см) приобрело более четкую форму неправильного прямоугольника со скругленными углами, вытянутого с севера на юг. Размеры — 6 × 4 м, а на глубине 70 см еще более рельефно выступили границы «кострища», обозначающиеся золистой прослойкой. Внутри этих границ «кострище» состоит из почти концентрических прослоек угля, золы, обожженной глины с пятном перекаленного песка

¹ Раскопки Трубчевского музея под руководством В. А. Падина. Оба памятника исследовались и раньше как местными краеведами, так и отдельными экспедициями. Описания этих городищ с приложением схематических планов даны В. П. Левенком по архиву в его отчете о разведках 1947 г. Архив ИА АН СССР $\frac{P-1}{\text{№ } 103}$.

² Работы проводились в 1956 г. деснинским отрядом Славянской экспедиции, возглавляемой П. Н. Третьяковым.

Рис. 37. Северное Долбатовское городище. Сосуды из раскопок

в центре. Подобную же форму «кострище» сохраняет и на глубине 1,10 м, но без внешней золистой прослойки. На глубине 1,30 м «кострище» имеет особенно четкие очертания, резко ограничено внешней углистой прослойкой. Вся восточная половина раскопа, начиная с 3-го штыка, кроме описанных выше золистых и углистых прослоек, заполнена культурным слоем из перекаленной земли с отдельными включениями углей, золы, обожженной глины, вплоть до глубины 1,70—1,80 м, т. е. до предматерикового слоя. В западной части раскопа встречаются только отдельные, незначительные включения золистых или углистых прослоек очажного характера. Расположение углистых и золистых прослоек в восточной части раскопа позволяет предполагать следы очажного сооружения на одном и том же месте с момента заселения городища и до конца его существования, где постоянно поддерживался огонь. Сооружение это возникло почти одновременно с заселением городища. Все ямы или следы от них концентрируются только в западной части раскопа, за пределами которой расположены всего две ямы, конструктивно связанные с очажным сооружением (на кв. 3 и 4).

Многослойные напластования очажного сооружения, подобные которому были и на других юхновских памятниках, вряд ли можно связывать с неоднократными пожарами легких наземных жилых построек. Этому противоречит большая мощность угольных и золистых напластований. Культурный слой в раскопанной части Северного Долбатовского городища содержит много находок. Среди них преобладает керамика. Кроме многочисленных обломков было найдено пять целых сосудов. Фрагменты керамики заполняют культурный слой, часто встречаясь целыми скоплениями как на площади очажного сооружения, так и в восточной части раскопа. В зоне большого кострища часто встречаются шлакированные и перекаленные черепки. В верхних горизонтах культурного слоя керамика (как фрагменты, так и целые небольшие сосуды), типичная для юхновских городищ, — тонкостенная, с хорошо сглаженной поверхностью, из плотной глины с примесью песка или мелкой дресвы, зерна, которые благодаря хорошей сглаженности не выступают на поверхности, орнаментированной обычно в верхней части (по шейке сосуда и обреза венчика) ямочными вдавлениями различных форм; реже встречаются сосуды неорнаментированные. Преобладающей формой

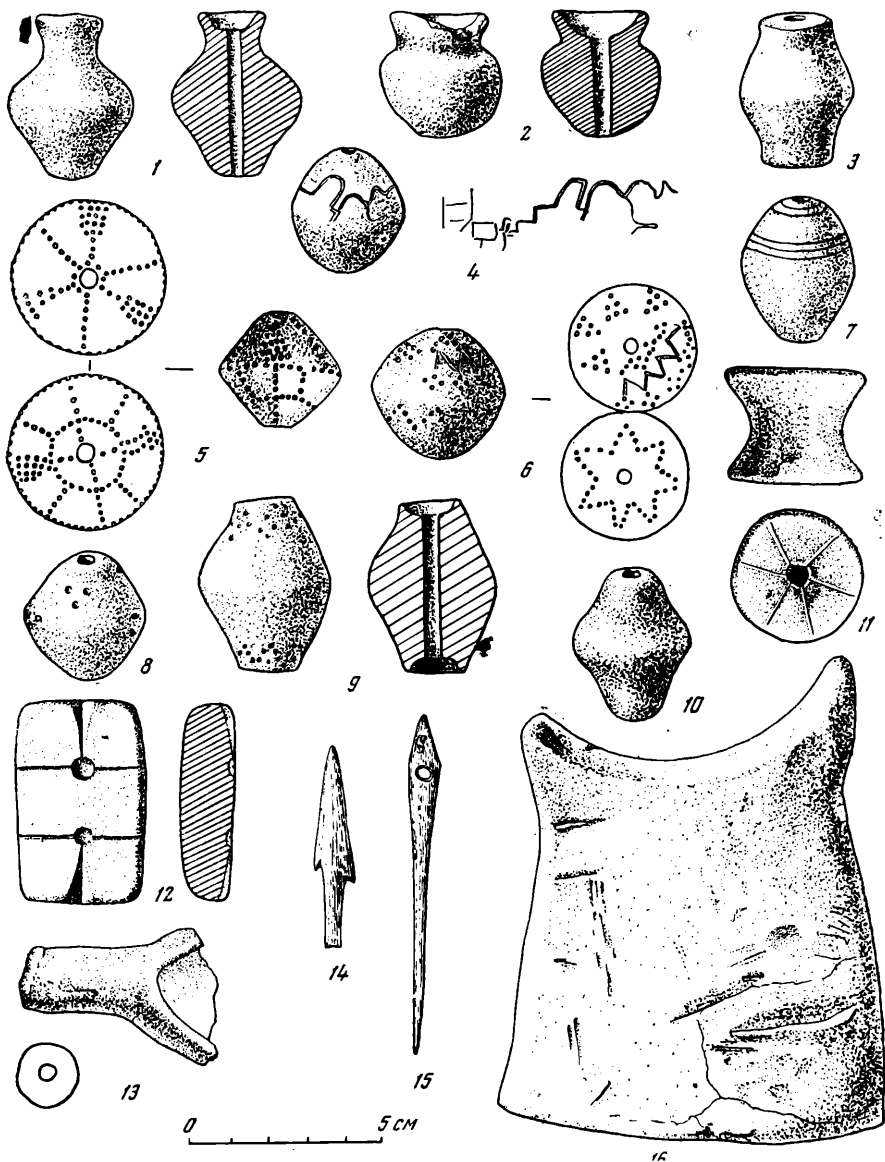

Рис. 38. Северное Долбатовское городище. Находки из раскопок

1—10 — прислица; 11 — катушка; 12 — литейная формочка; 13 — обломок льячки; 14 — наконечник стрелы; 15 — игла; 16 — «рогатый кирпич» (1—11, 13, 16 — глина, 12 — камень, 14, 15 — кость)

являются сосуды несколько вытянутых пропорций, с туловом, расширяющимся в верхней трети, широким горлом и относительно узким дном (рис. 37, 1), встречены и баночные формы. Находки такой керамики идут вплоть до глубины 1,70 м, т. е. до предматерикового слоя, который четко выделяется стратиграфически своей густой черной окраской (благодаря сильной гумированности).

Мощность предматерикового слоя — 20—30 см. Посуда в нем носит иной характер. Здесь встречаются черепки темной, плохо промешанной глины с примесью довольно крупных зерен кварцита, с бугристой, плохо сглаженной темной поверхностью, резко отличаются от описанной выше керамики. Судить о формах этой посуды трудно, так как она немногочисленна; найден один целый небольшой сосуд с узким горлом, по диаметру

почти равному днису, тулово с выпуклыми боками (рис. 37, 2). Сосуды подобных форм до сих пор не встречены ни на одном из юхновских городищ. Среди поделок из глины — 18 пряслиц (рис. 38, 1—10). Два из них в форме сосудиков (рис. 38, 1, 2). Подобные формы встречаются на городищах как юхновской культуры, так и других культур этого времени лесной полосы и чаще всего формы, напоминающие крынку (рис. 38, 1), например с Пушкаревского городища на Десне. Преобладающими на городищах Десны являются пряслица четко выраженной биконической формы (рис. 38, 5), но в представленном комплексе мы не находим такого единообразия. Часть пряслиц украшена точечным орнаментом, а на одном из них (рис. 38, 4) прочерчен рисунок. Все пряслица с городища имеют очень узкий канал в центре, что говорит об употреблении веретена наиболее архаичной формы в виде прямой тонкой палочки. Кроме пряслиц найдены две глиняные катушки (рис. 38, 11), у обеих основание орнаментировано прямыми линиями — лучами, расходящимися от центрального отверстия. Кроме пряслиц и катушек из глиняных поделок найдены бусины, несколько глиняных «лепешек», в большом количестве грузила и их обломки и «рогатые кирпичи». Последних найдено более 40. Рогатые кирпичи обычно находят в очагах или около них, один из целых «рогатых кирпичей» (рис. 38, 16) был найден в юго-восточном углу очажного сооружения. В большом кострище была найдена литейная формочка из камня (рис. 38, 12), а рядом — льячка (рис. 38, 13), в северо-восточной части раскопа — один целый и два обломка тиглей. Находки всех этих предметов литейного производства на очень небольшой площади раскопа позволяют предположить производственное назначение очажного сооружения.

Сравнительно мало на городище находок из кости — найдено всего три костяных проколки, заготовка костяного гарпуна, костяной кочедыг, игла (рис. 38, 15) и костяной наконечник плоской двушипной стрелы (рис. 38, 14). Интересно, что большинство костяных вещей найдено в нижних горизонтах городища, а костяная стрела — на глубине 1,90 м в основании культурного слоя.

Весь комплекс находок юхновского времени в целом позволяет датировать городище серединой I тыс. до н. э. Присутствие в основании культурного слоя керамики неюхновского типа говорит о том, что в бассейне Судости носители юхновской культуры не были первыми основателями известных там городищ.

Значительная насыщенность культурного слоя Северного Долбатовского городища находками и отсутствие на нем поздних напластований должны привлечь внимание исследователей к этому интересному памятнику пока еще мало исследованной юхновской культуры.

А. Ф. ДУБЫНИН, И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

РАСКОПКИ ЩЕРБИНСКОГО ГОРОДИЩА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1963 г.

Щербинское городище является одним из наиболее ранних памятников дьякова типа. Оно расположено близ г. Подольска Московской области при впадении в р. Пахру ее правого притока р. Конапелки. Как показали раскопки 1961 г., это памятник с хорошей стратиграфией, представляющий значительный интерес для изучения раннего железного века Волго-Окского междуречья¹.

Нижние слои городища могут быть сопоставлены по характеру находок и оборонительных сооружений с материалами Старшего Каширского городища, раскопанного лишь частично, но до настоящего времени служившего эталоном для изучения раннего этапа дьяковской культуры². Верхние слои Щербинского городища соответствуют по времени полностью раскопанному Троицкому городищу на р. Москве близ г. Можайска³. Щербинское городище возникло в первой половине I тыс. до н. э., жизнь на нем продолжалась, по-видимому, и в начале второй половины I тыс. н. э. Большой хронологический диапазон памятника, раскопки всей площади городища, открывают перспективы для изучения важнейших вопросов дьяковской культуры.

Площадка Щербинского городища занимает 1500 кв. м, после раскопок 1963 г. раскопано 1180 кв. м, что составляет около 80% всей площадки городища⁴. В 1963 г. было продолжено изучение остатков оборонительных сооружений и построек городища различных строительных периодов. Открыты производственные комплексы по обработке железа и цветного металла, клады железных колец. Большой интерес представляют орудия земледелия и найденные при раскопках зерна культурных растений⁵. Культурный слой городища неоднороден. В центральной части площадки он представлен темно-серой супесью средней мощностью около 0,40 м. Это верхний слой городища, содержащий находки позднедьяковского времени. Он прослежен по всей площади городища, но по краям у склона имеет большую мощность. В центре площадки поздний слой лежит непосредственно на материке и лишь на отдельных местах под ним прослеживаются участки более древнего слоя. Такая стратиграфия — результат больших перестроек в позд-

¹ И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, № 1, стр. 165—177.

² В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934.

³ А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, № 1, стр. 178—198.

⁴ Раскопки проводились Московской экспедицией ИА АН СССР под руководством А. Ф. Дубынина. В составе отряда работали Э. Я. Николаева, И. Г. Розенфельдт, Р. Л. Розенфельдт, К. А. Смирнов, Л. С. Хомутова. Раскопки велись силами школьников-кружковцев Московского Дворца пионеров, а также учащихся школ № 107 и 513 г. Москвы.

⁵ Обнаружены семена льна (по определению А. В. Кирьянова).

недьяковское время, при которых жителями городища был счищен с более возвышенной части площадки древний слой. По краям площадки городища мощность культурного слоя превышает 3 м, на материке прослеживается древнейший слой.

В нижнем культурном слое в юго-западной и северо-западной частях городища прослежены остатки оборонительных сооружений в виде частоколов, ограждавших в разное время (в начальный период жизни) площадку поселения. Наиболее полно укрепления выявлены на южном краю городища. Обнаружены четыре последовательно сменявшие друг друга линии укреплений. Наиболее ранняя представляла собой вырытую в материке канаву (ширина — 0,20—0,25 м, глубина — 0,40—0,45 м), в светлой супеси заполнения которой четко выделялись темные пятна столбовых ям частокола. Диаметр столбов — 0,15—0,20 м. На погонный метр частокола приходилось около шести столбов. Остатки этого частокола были перекрыты выбросом из канавы от более позднего частокола, за которым обнаружены еще две последовательно сменявшихся линии укреплений. По стратиграфическим данным, самой поздней оказалась канава, расположенная ближе к площадке городища. В двух наиболее поздних канавах, заполненных темным культурным слоем, столбы не прослежены. Со стороны площадки частоколы подсыпались песком, который образовывал насыпь. Строительство новых оборонительных линий позади старых, функционирующих, говорит, по-видимому, о беспокойном периоде в жизни этого поселения уже в начальное время его существования. Оборонительные частоколы окружали площадку городища со всех сторон, и при возведении каждой новой линии сокращалась территория жилой площади. Именно это и вынудило обитателей городища провести грандиозные для того времени работы по ее расширению. На материке обнаружено большое количество столбовых ям от разновременных сооружений. Несомненно, часть из них связана с первоначальным периодом жизни на городище и свидетельствует о наземном характере построек. Выделение комплекса находок нижнего слоя также осложнено отсутствием древнейших наслоений на площадке и смешанным характером материала, обнаруженного на уровне оборонительных сооружений. Лишь отдельные находки могут быть связаны с непотревоженным ранним слоем, большинство же попало сюда при разновременных подсыпках и перестройках.

К нижнему слою могут быть отнесены костяные наконечники стрел, некоторые типы гарпунов, охотничьи манки, булавки, проколки, острия и др. (рис. 39, 1—4, 7—10, 13). Однако четкое стратиграфическое положение ряда костяных изделий в верхнем слое (проколки, рукояти и др.) свидетельствует о длительном применении костяных изделий (рис. 39, 5—6, 11—12). Керамика нижнего слоя, как и в раскопках прошлых лет, представлена обломками грубой посуды гладкостенной, сетчатой и штрихованной; часто встречается орнамент из отпечатков крупного гребенчатого штампа.

Верхний культурный слой отражает период жизни городища после перепланировки его площадки и ее расширения. Мощные напластования по краям городища образовались не только за счет сброса культурного слоя с центральной части площадки, но и за счет земли и песка, принесенных сюда древними обитателями со склонов останца и с берега р. Пахры⁶. Так была увеличена основная площадь поселения. Несомненно, по краю его, так же как и в раннее время, стояли частоколы, но врытые в темный грунт, не были прослежены раскопками. Поздняя система укреплений связана с двойным валом, насыпанным у склона городища и, по-видимому, стоявшим на нем частоколом. С этого времени основная оборонительная линия проходила не по кромке площадки поселка, а по основанию останца. Площадка

⁶ Об этом свидетельствует состав горных и речных пород подсыпок, в частности наличие раковин *Uplu* в речном песке. Культурный слой, счищенный с площадки, перемешан с материковым песком.

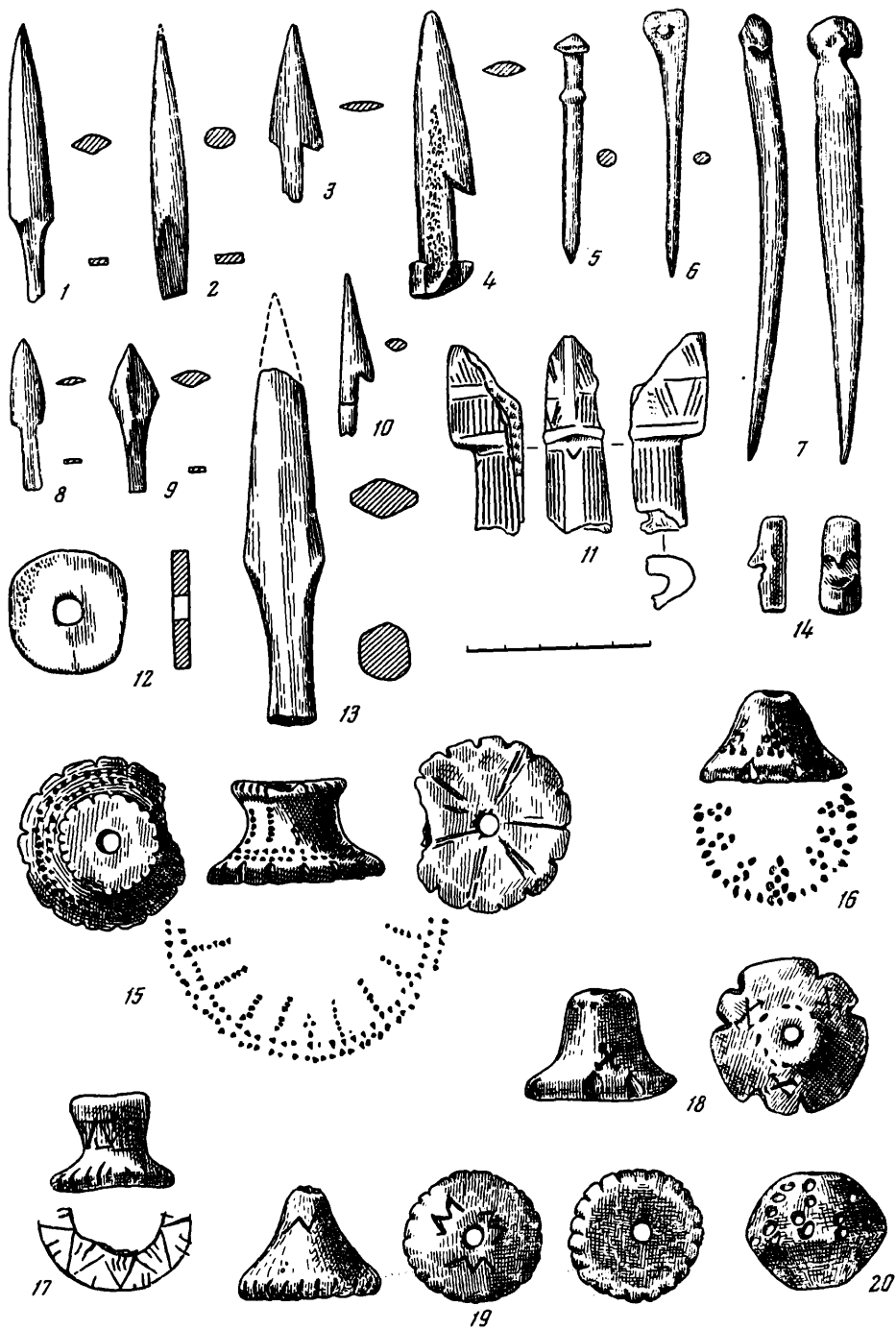

Рис. 39. Костяные (1—13) и глиняные (14—20) изделия Щербинского городища

городища сохранила следы разновременных сооружений жилого и производственного характера. По характеру многочисленных хозяйственных и столбовых ям, канавок от стен сооружений можно говорить о том, что постройки в основном были наземными. Среди сооружений можно выделить комплекс многокамерного длинного дома⁷ и остатки столбовых построек⁸. На всей раскопанной площади выявляется кольцевая планировка сооружений; соответственно ей расположены хозяйственные и очажные ямы, развалы каменных очагов, наиболее мощная часть культурного слоя, интенсивно насыщенного находками и органическими остатками (кости животных и рыб, рыба чешуя и т. п.). Центральная часть площадки была, по-видимому, застроена меньше. В очажных и хозяйственных ямах верхнего слоя сохранились раздавленные сосуды, рогатые кирпичи, железные и бронзовые предметы, стеклянные и пастовые бусы. Детальное изучение этих комплексов важно не только для датировки керамики и отдельных предметов, но и для уточнения поздней даты Щербинского городища.

Большой интерес представляет открытие производственных комплексов по обработке металлов.

Остатки меднолитейного производства прослежены в южной части площадки городища. В черном слое с позднедьяковской керамикой обнаружена площадка из кусков глины, частично шлакированной, частично плохо прокаленной, с большим количеством в ней растительных примесей. Размеры ее $1,30 \times 1,40$ м, толщина $0,03-0,04$ м. По-видимому, эта часть какого-то глинобитного сооружения, найденного в переотложенном состоянии, о чем свидетельствует его положение в культурном слое (эти остатки лежали шлакированной поверхностью вниз). Возможно, эти куски пещины относились к сооружению, связанному с меднолитейным делом; с юга обнаружена большая яма с отходами литейного производства. Границы ямы расплывчатые, размеры $3 \times 1,5$ м. Глубина $1,30$, дно чашевидное. Она была заполнена культурным слоем черного цвета с большим количеством угля и прослойками золы. В яме найдено более 40 различных предметов, среди которых много обломков бронзовых украшений, сильно окисленных или испорченных от пребывания в огне. Здесь же были шлакированные куски пещины, обломки рогатых кирпичей, кусочки и капли меди и обломки глиняных льячек крупных размеров, многие из которых сильно шлакированы содержат остатки металла. Все льячки массивны с глубоким чашевидным черпаком и четырехгранной в сечении сплошной ручкой. В глине, из которой изготовлены льячки, как и в кусках пещины, большое количество выгоревших растительных примесей. По краям ямы, заполненной отходами литейного производства, обнаружены скопления керамики, обломки рогатых кирпичей, а также большое количество находок, подобные которым были в ее заполнении. Глиняные и каменные литейные формы, характер и разнообразие бронзовых изделий, выполненных в технике сложного литья, свидетельствуют о высоком развитии литейного дела.

Из бронзы изготовлялись преимущественно украшения (рис. 40, 1—28). Многочисленны нашивные бляхи и бляшки, умбоновидные подвески, известные по Троицкому городищу⁹ и поздним слоям ряда дьяковских городищ, разнообразные подвески (в том числе с умбоновидным щитком) с колокольчатыми (гладкими и прорезными) и пластинчатыми привесками, декоративные пряжки с привесками, браслеты, перстни, пластинчатые украшения. Интересны предметы из поясного набора: пряжки, обоймы, поясные привески и накладки. Разнообразные колечки, спиральи и пронизки частично употреблялись как соединительные звенья в сложных украшениях. В орна-

⁷ Следы подобного дома в виде канавок прослежены в 1961 г. (И. Г. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 171).

⁸ В южной части площадки они видны и на плане 1961 г. (см. СА, 1964, № 1, рис. 2, стр. 161).

⁹ А. Ф. Дубынин. Указ. соч., стр. 191, рис. 11, 5—7.

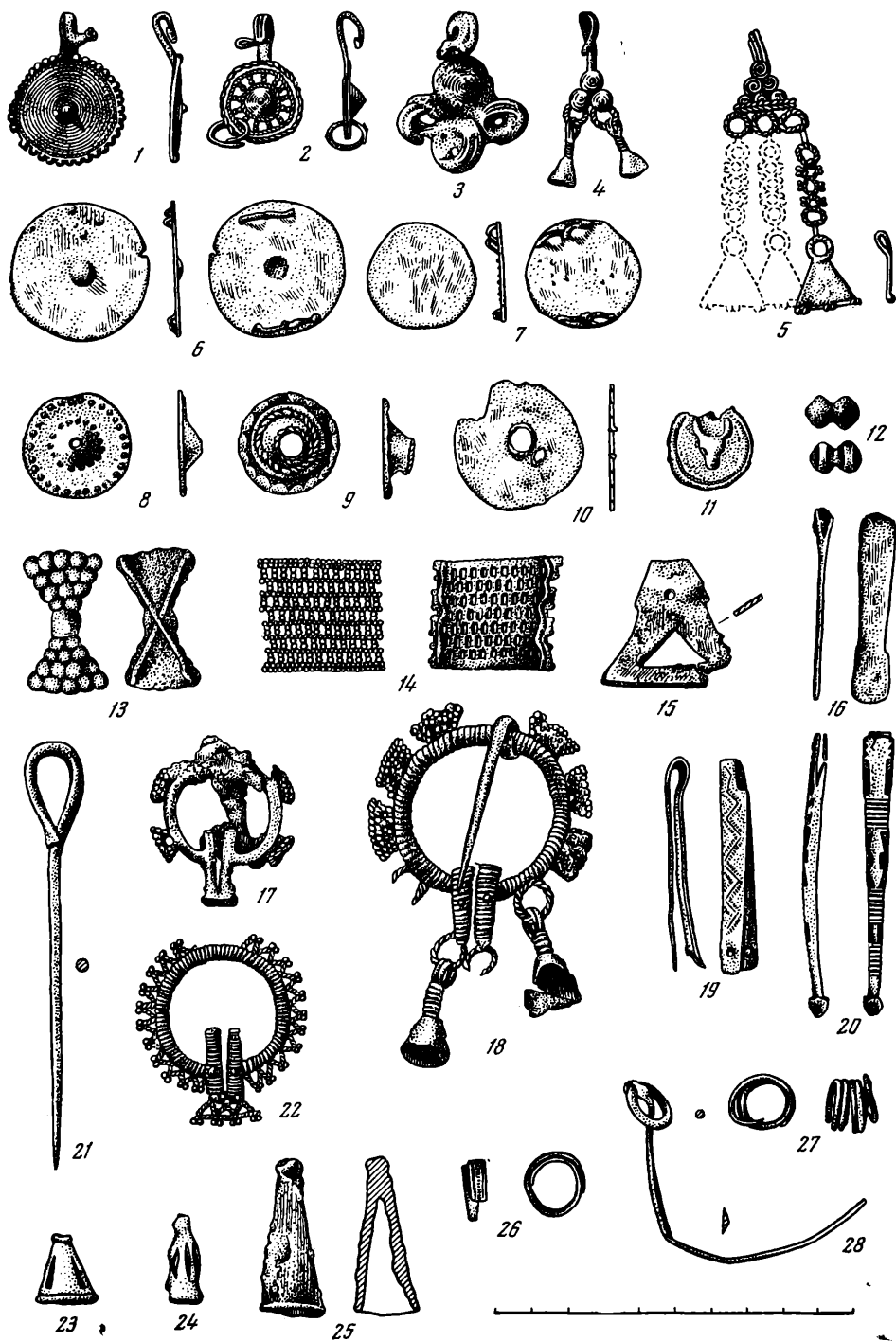

Рис. 40. Бронзовые изделия Щербинского городища (1—28)

ментации украшений наряду с чеканкой широко распространена техника ложной зерни, оформлявшей не только края отдельных предметов; известны и целиком зерненные изделия.

Особый интерес представляет монетовидная подвеска с изображением головы быка (рис. 40, 11). Она найдена в толще ненарушенного культурного слоя, что не позволяет рассматривать ее как случайную. Распространение аналогичных подвесок в радимических курганах¹⁰ заставляет с большой осторожностью отнести к определению верхней даты Щербинского городища.

Второй производственный комплекс связан с обработкой железа. Он обнаружен в западной части площадки в 15 м к северу от ямы с отходами бронзолитейного производства. На поверхности материка (здесь позднедьяковский слой лежит на материке) обнаружены остатки сильно разрушенного глинобитного сооружения, по-видимому, горна. Он размещался на специально расчищенной и углубленной площадке (до 0,30 м в северо-восточной части), что было необходимо, так как поверхность материка в этом месте имеет сильный уклон к юго-западу.

В западine прослежены следы столбовых ям, однако относятся они к горну или к другому сооружению — сказать трудно. От горна сохранилась растрескавшаяся керамическая площадка с сильно шлакированной поверхностью размером около 1 кв. м. Рядом в большом количестве найдены крицы, кузнечные шлаки и камни со следами сильного воздействия огня. Наиболее значительное скопление шлаков и криц (около 50 обломков) найдено в 2—3 м к юго-западу от развала горна, ближе к склону городища; все это связано с большим производственным комплексом по обработке железа. Трудно допустить, что выплавка металла из руды производилась на территории поселка. Вероятно, доминцы располагались за его пределами, и крицы принесены сюда для кузнечной обработки. Здесь же найдены и готовые железные изделия; небольшие по размерам кузнечные клещи, коса-горбуша и втулка найдены вместе и, по-видимому, представляют собой своеобразный производственный клад (рис. 41, 1, 9). Клещи и косы-горбуши до настоящего времени были неизвестны на памятниках дьякова типа; по-видимому, отсутствие целых экземпляров кос затрудняло их определение. Не исключено, что обломок косы-горбуши найден и на Березняковском городище и опубликован П. Н. Третьяковым как часть клинка меча или тесака¹¹. По форме и размерам коса-горбуша со Щербинского городища очень близка найденной на Новотроицком городище¹².

К востоку от развала горна были найдены три скопления — клады железных колец, аккуратно сложенные. В одном из них было 13 колец, в двух других — по шесть. Кольца незамкнутые с заходящими заостренными концами диаметром 10—12 см, свернутые в полтора — два с половиной витка. Подобные кольца в виде единичных находок встречались на дьяковских памятниках, но клады колец известны пока только на Щербинском и Троицком городищах¹³. Среди железных изделий найдены разнообразные хозяйственные предметы: серпы (рис. 41, 2, 3, 4, 6), ножи, шилья, крюки и др. Интересна находка обломка массивной железной остроги. Из железа изготовлялись также предметы вооружения и конского снаряжения: наконечники стрел, копий (рис. 41, 5, 10), удила, псалии (рис. 41, 12—13); найдены также бронзовые пряжки с железными язычками и железные пряжки (рис. 41, 11), поясные привески, браслеты (рис. 41, 7—8). Основную массу находок в культурном слое составляет керамика: гладкостенные сосуды, многие из

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Радимичы. Праць сэкцыі археалёгіі, т. III. Менск, 1932.

¹¹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 63, 66.

¹² И. И. Лапушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 322, табл. LXXXVIII.

¹³ А. Ф. Дубынин. Указ. соч., стр. 186.

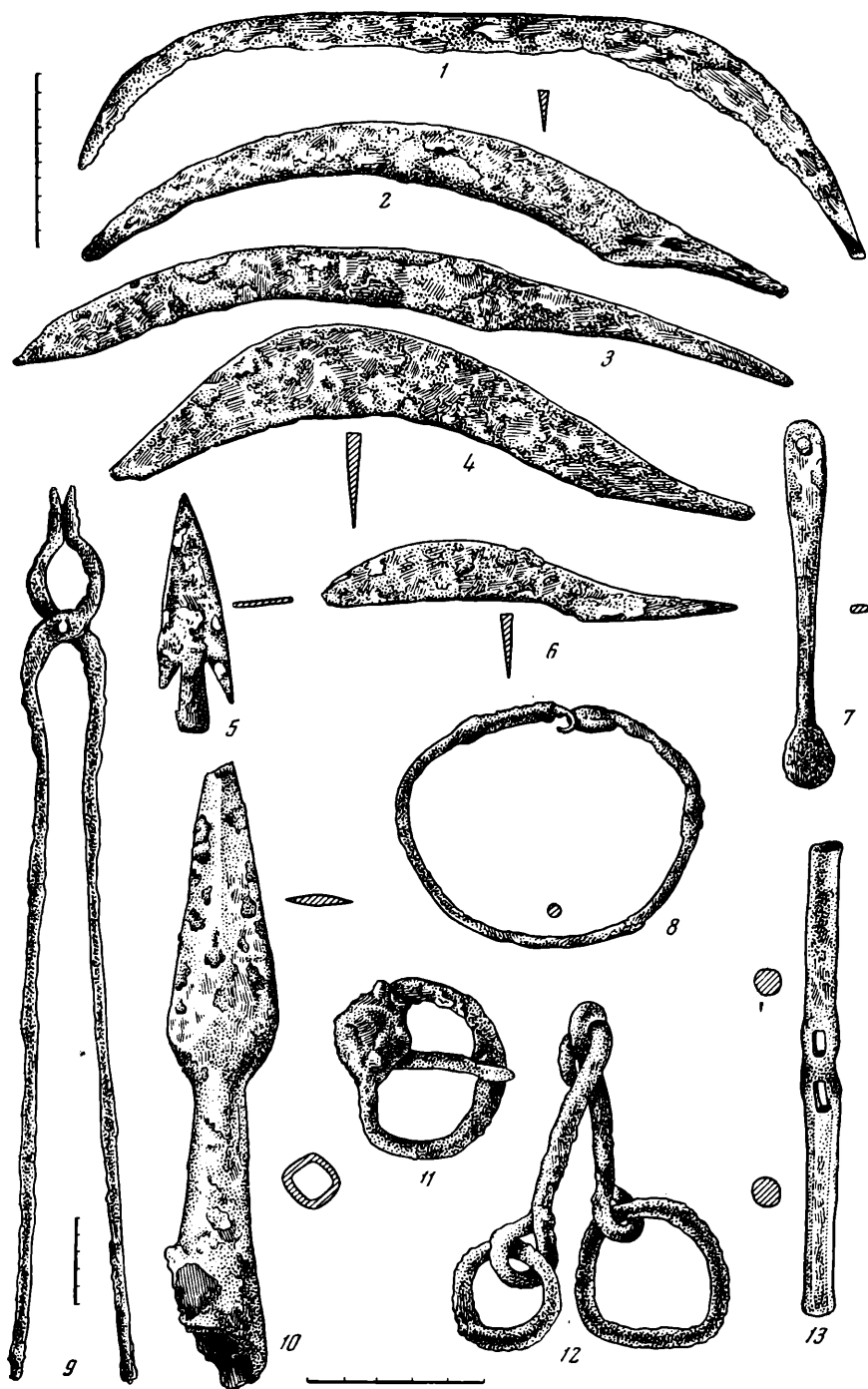

Рис. 41. Железные изделия Щербинского городища (1—13)

которых орнаментированы в верхней части тулова зашипами, штампами, перевитой на палочке веревочкой и другими приемами. Орнаменты разнообразны по композициям узоров. По составу теста и обработке поверхности сосуды делятся на грубые и более тонкие, в том числе и лощеные сосуды. Из глины изготавливались также разнообразные миниатюрные сосудики, погремушки, таблички с точечным орнаментом, «рогатые кирпичи», литейные формы, лячки, пряслица, бусы, шарики, грузики дьякова типа и другие предметы. Грузики разнообразны по формам и орнаментации (рис. 39, 15—19). На некоторых имеются знаки в виде крестов. Следует отметить, что, как и в 1961 г., грузики дьякова типа найдены только в верхнем культурном слое и не характерны для первоначального периода жизни на Щербинском городище. Глиняные бусы представлены разными по величине и формам экземплярами, часть из них орнаментирована (рис. 39, 20). Кроме бус местного производства, были распространены привозные стеклянные (синие, зеленые, позолоченные и красные) бусы. Некоторые типы привозных бус, как и часть приведенных выше находок (например, глиняные биконические пряслица), имеют аналогии не только в памятниках середины I тыс. н. э., но и второй его половины.

Жизнь на Щербинском городище, по-видимому, замерла постепенно, возможно, что население перешло на более удобные места. Во всяком случае материалы раскопок не дают оснований думать о внезапной гибели поселения.

Состав находок позволяет судить о различных занятиях и хозяйственной деятельности населения. Ведущее место в хозяйстве, судя по обилию остеологического материала, принадлежало скотоводству. По определению В. И. Цалкина среди домашних животных были свинья, лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, собака¹⁴. Большую роль, особенно на первых этапах жизни, играли охота и рыболовство. Среди костей диких животных определены бобр, куница, лось, медведь, лисица, заяц, северный олень, кабан, рысь, барсук, выдра, белка. Исходя из размеров рыболовческого инвентаря, можно говорить о ловле крупных рыб, что также подтверждается величиной чешуи и костных остатков рыб. Наличие железных серпов и семян льна свидетельствует о зачатках земледелия, с одной стороны, и о прядении — с другой, а разнообразные типы пряслиц и отпечатки тканей на посуде еще шире иллюстрируют эту сторону хозяйства.

Прядение, производство посуды и глиняных изделий, обработка кости, камня и дерева носили домашний характер. Судя по местонахождению лячек и литейных форм, ювелирные изделия производились первоначально в отдельных семьях тем же домашним способом. Сложное и огнеопасное кузнечное дело, связанное с установкой горна, обычно выносится за пределы или на край поселения, что имело место и на Щербинском городище. Как видно из раскопок 1963 г., в позднее время жизни на городище обработка железа локализована в одном районе, на западном краю площадки. По-видимому, перед нами общественные сооружения по обработке не только железа, но и цветного металла, в пользу чего говорит большая яма с массовыми отходами литейного производства.

Завершение раскопок Щербинского городища поставит его в один ряд с Троицким и Березняковским городищами — пока еще немногочисленными полностью раскопанными памятниками дьякова типа.

¹⁴ Порядок перечисления пород дан пропорционально количеству определенных особей.

Ю. В. КУХАРЕНКО

ИЗ РАЗВЕДОК В ПОЛЕСЬЕ

I. МОГИЛЬНИК ПОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В г. ПИНСКЕ

В 1963 г. в г. Пинске Брестской области открыт могильник поморской культуры. Могильник находится на северо-восточной окраине города и расположен на небольшой возвышенности левого берега р. Пины. Площадь могильника в настоящее время занята огородами, жилыми и хозяйственными постройками. Весной 1963 г. В. П. Пасовец во время рытья ямы на своем огороде, на глубине немногим более одного метра случайно разрушил погребение с трупосожжением. По его словам, на дне выкопанной им ямы оказался небольшой глиняный кувшин, наполненный обломками пережженных костей. Около кувшина находились фрагменты еще какого-то глиняного сосуда, или сосудов, среди которых как-будто были обломки миски. Фрагментированные сосуды Пасовец выбросил, а кувшин передал в Пинский краеведческий музей. Кувшин лепной, слегка деформирован, с небольшим плоским ушком (рис. 42). Наружная поверхность кувшина тщательно выглажена, коричневато-серого цвета.

При обследовании места находки вблизи ямы найден обломок венчика лепного сосуда с так называемой хрупчатой поверхностью. По-видимому, это фрагмент небольшого клеша. Рядом с ямой вскрыта площадь в 20 кв. м. На этом участке, начиная от поверхности и вплоть до материка, находящегося на глубине 1,20 м, залегает мощный культурный слой. В нижнем горизонте культурного слоя найдено два обломка глиняных лепных сосудов с хрупчатой поверхностью. На одном из них имеется небольшой рельефный валик, покрытый пальцевыми вдавлениями. Оба эти обломка, как и упомянутый ранее обломок сосуда, найденный в остатках выброса из ямы, характерны для керамики из памятников поморской культуры. К этой же культуре относится и описанный выше кувшин-урна, а следовательно, и погребение, разрушенное В. Л. Пасовцем. Средневековое поселение,

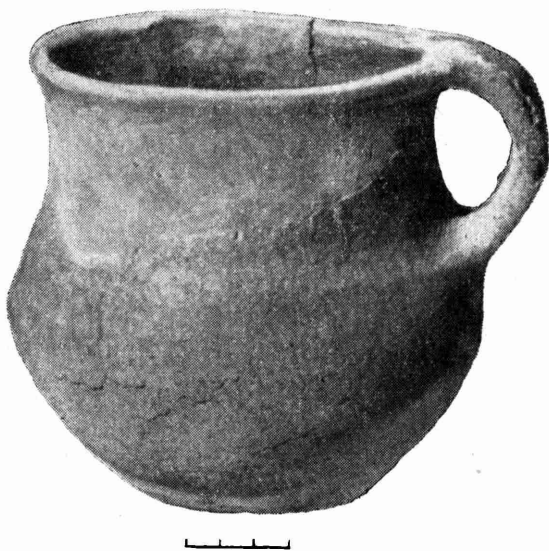

Рис. 42. Пинск. Глиняный сосуд из погребения

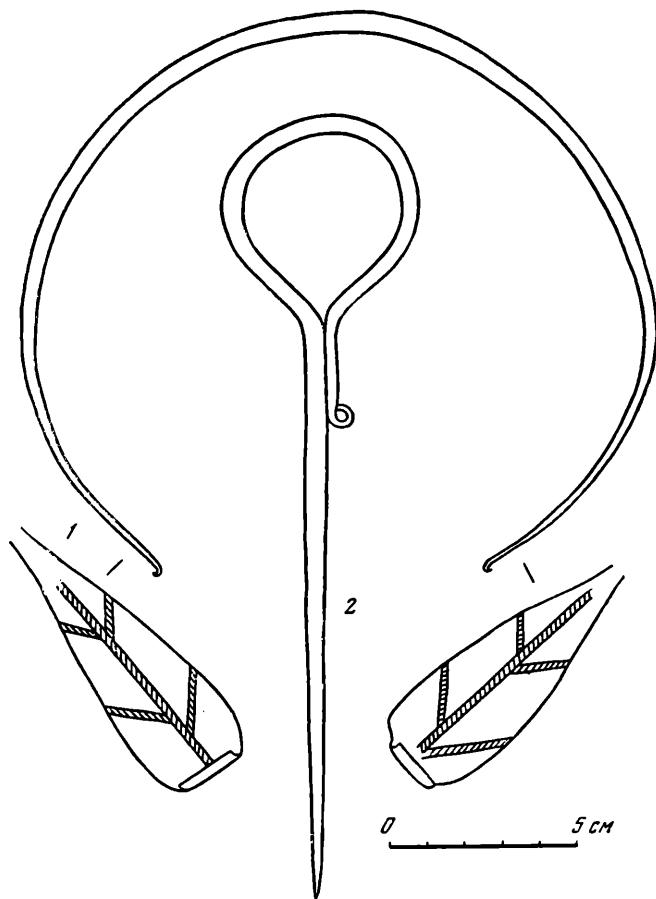

Рис. 43. С. Деревянное. Бронзовые вещи из погребения

таким образом, расположено на месте могильника поморской культуры. Не приходится поэтому сомневаться, что многие погребения на могильнике разрушены еще в древности. Сохранились, по-видимому, лишь самые глубоководные из них, одно из которых и было обнаружено. На участке, вскрытом нами, погребений, к сожалению, не оказалось.

Могильник в Пинске, как и остальные могильники поморской культуры Полесья, относится к последнему, завершающему периоду развития этой культуры. Он может быть датирован временем III—II вв. до н. э. Для нас этот могильник представляет особый интерес, поскольку в Полесье он является наиболее удаленным к востоку памятником поморской культуры и вместе с подобным же могильником, открытым в последние годы около Лепесовки в верховьях Горыни¹, позволяет по-новому определить восточную границу распространения памятников интересующей нас культуры. Граница эта, начиная от Беловежской пуши, идет к юго-востоку на Пинск примерно по р. Ясельде, затем поворачивает к югу и проходит вдоль Горыни до ее верховьев, а оттуда идет к западу в верховья Днестра. Таким образом, она почти в деталях совпадает с восточной границей распространения памятников лужицкой культуры, известных на этой территории в предшествующее время.

¹ М. А. Тиханова. Разведка в районе верхнего течения реки Горыни, КСИА, вып. 87, 1962, стр. 47.

II. МОГИЛЬНИК ВЫСОЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В с. ДЕРЕВЯННОЕ

В с. Деревянное Клеванского района Ровенской области, недалеко от известного могильника III—IV вв. н. э.², имеется еще один древний могильник, относящийся, по-видимому, к высоцкой культуре. Расположен этот могильник примерно в 1,5 км к востоку от предыдущего, на территории хозяйственного двора местного колхоза. Открыт случайно еще в 1950 г. крестьянами И. Юрчиничем и Т. Шевчуком. Во время постройки тока и склада для хранения зерна на глубине около 0,60 м ими был обнаружен человеческий скелет, лежавший, по их словам, в вытянутом положении головой к северу. Около черепа скелета находился небольшой глиняный горшочек. Последний уничтожен, скелет же снова закопан в землю. В настоящее время на этом месте стоит склад, площадка около которого забетонирована под ток.

Через 10 лет, осенью 1960 г., примерно в 150 м к северу от погребения, открытого И. Юрчиничем и Т. Шевчуком, во время постройки телятника обнаружено еще два погребения с труположением. В каждом из них, по рассказам крестьян, находилось по одному скелету. Говорят также, что кроме полных скелетов были якобы и отдельные черепа. Сведения об этом, впрочем, противоречивы. Погребения располагались метрах в десяти друг от друга и залегали на глубине около 0,70 м от уровня современной поверхности. Покойники лежали на спине, головами к западу. В одном из погребений около черепа покойника обнаружены бронзовые гривна и булавка. Обе вещи забрал присутствовавший при этом учитель местной школы А. И. Забияка. В другом погребении никаких вещей не было.

В 1961 г. во время посещения с. Деревянное мною учитель А. И. Забияка передал мне найденные в погребении вещи и указал точное место их находки: северо-западный угол телятника. Тогда же, рядом с этим местом у самого угла телятника мною была вскрыта площадь размером в 76 кв. м, но, к сожалению, новых погребений на этой площади обнаружить не удалось.

Гривна и булавка были мною переданы в Ровенский областной краеведческий музей, где они хранятся и в настоящее время. Гривна сделана из бронзового стержня круглого в поперечном сечении (рис. 43, 1). Концы стержня расклепаны в пластинку, торцевые края которых загнуты наружу. Внешняя сторона концов пластинок орнаментирована нарезным «елочным» узором. Диаметр гривны около 17 см, толщина стержня — 0,5 см. Булавка также сделана из гладкого круглого в поперечном сечении бронзового стержня. Один конец стержня заострен, другой — загнут в кольцевидное ушко (рис. 43, 2). Длина булавки 21 см.

Судя по аналогиям этим вещам³, особенностям погребального обряда и месту нахождения могильника можно предполагать, что могильник относится к высоцкой культуре и датируется примерно VII—VI вв. до н. э.

² Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений. СА, 1958, № 4, стр. 219—222.

³ D. Durczewski. Skarby halsztaćkie z Wielkopolski. PA. XIII, 1961, str. 44; rys. 36, I; T. Sulimirski. Kultura Wysocka. Kraków, 1931, tabl. XXVI, I Булавка, подобная нашей, была найдена В. И. Канивцем в одном из погребений милоградской культуры около с. Корост Сарненского района Ровенской области.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ПОГРЕБЕНИЕ I—II вв. н. э. В с. МОГИЛЬНО
В ПОДОЛИИ

Южнее г. Умани в с. Могильно Гайворонского района Кировоградской области была сделана интересная находка. В 1961 г. при случайных обстоятельствах на глинище было обнаружено погребение. Местный уроженец Н. С. Гасюк рассказал, как была обнаружена находка, и передал для опубликования сопровождавший захоронение инвентарь. В 1962 г. место находки было осмотрено сотрудниками Среднеднепровской экспедиции ИА

АН СССР. Осмотр обрывов котлована возле места погребения и участка поля, принадлежащего к нему, находок не дал, за исключением обломка истлевшей человеческой косточки. Как показало обследование, ни над местом захоронения, ни в ближайшем окружении следов курганных насыпей не существовало.

Вскрытое погребение залегало на глубине около 1,5 м. Скелет лежал без гроба, головой на северо-запад, положение рук и ног не было зафиксировано. Судя по костям черепа, захоронение принадлежало молодой девушке лет 16—18¹. В головах ее стоял глиняный одноручный кувшин, а на шее были бусы из египетской пасты.

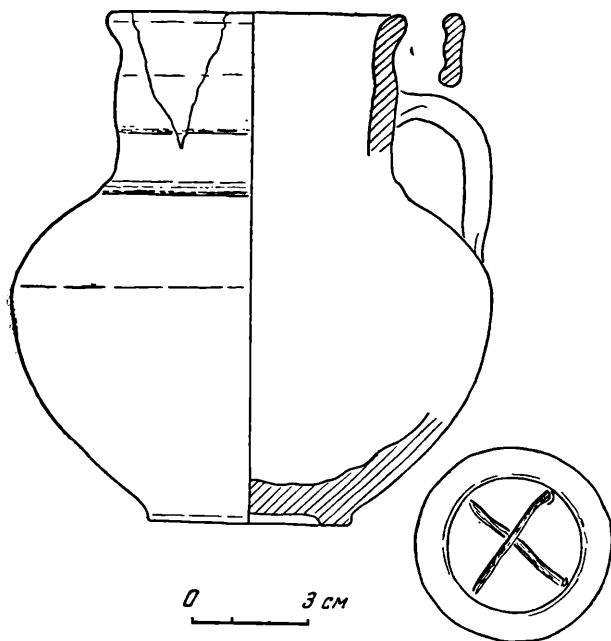

Рис. 44. Сероглиняный кувшин со знаком на дне из погребения в с. Могильно

Сосуд сделан на гончарном круге, серого цвета, в изломе чуть коричневатый. Глина отмученная, поверхность лощеная. Под слегка отогнутым венчиком имеется слабо выраженное утолщение в виде нерезкого валика, отделяющего горло от тулова. Дно на кольцевой ножке, на его нижней поверхности по сырой глине прочерчены две пересекающиеся линии, образу-

¹ По определению Т. С. Кондукторовой.

ющие знак креста (рис. 44). Много аналогий кувшину в керамике черняховских памятников. В 10—15 км от с. Могильно при исследовании черняховских захоронений в с. Данилова Балка было найдено погребение с сосудами. В их числе был сероглиняный кувшин, одноручный, с как бы рифленным горлом и довольно крутыми плечиками, во многом напоминавший находку в с. Могильно². Очень близки по форме описываемому сосуду двуручные кувшины, нередко встречающиеся в черняховских захоронениях, начиная от самого Черняхова и кончая памятниками Нижнего Поднепровья и более западных областей³. Не менее характерны для керамики культуры полей погребений и крестообразные знаки на дне. Нам известно пять различных вариантов таких знаков, выполненных врезанными линиями или с помощью лощения (Будешты, Лески, Неслухов, овчарня совхоза Приднепровского, сосуд из Поднепровья в Киевском Историческом музее⁴). Подобные знаки широко распространены на современной посуде и некоторых западных памятников, в частности в Иголоме⁵.

Низка бус из погребения в с. Могильно состояла из шести скарабеев и двух бусин из египетской пасты (рис. 45, 1—8). Три скарабея синеватого цвета с змееобразными знаками на нижней поверхности; один скарабей бирюзового цвета, тоже с змееобразным знаком; один — голубоватый, с изображением животного кошачьей породы, и один — зеленоватый, с змееобразным знаком. Бусины голубовато-зеленоватые, округлые, с продольным рифлением. Публикуя изделия из египетской пасты, обнаруженные во время раскопок 1956—1957 гг. в могильнике Неаполя скифского, мы уже приводили аналогии им, в том числе и с территории Украины, а также упоминали литературу по этому вопросу⁶. На Украине скарабеи и рифленные бусы из египетской пасты обычно находят в позднескифских или сарматских погре-

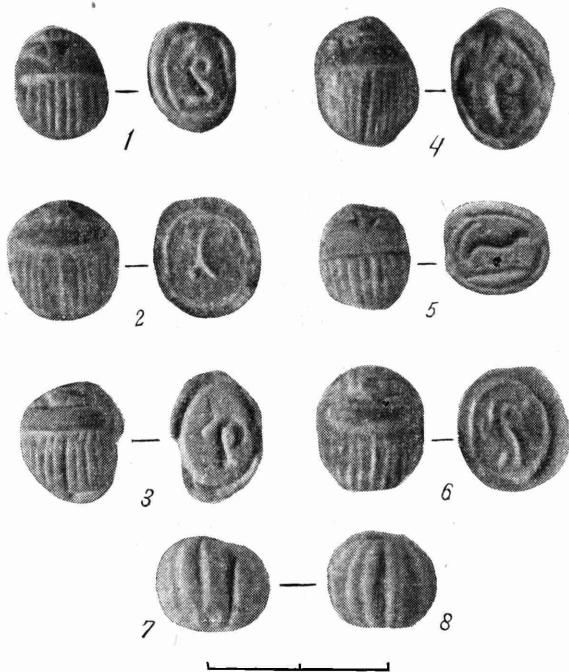

Рис. 45. Бусы из египетской пасты из погребения в с. Могильно

² Э. А. Симонович. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 65, рис. 19.

³ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 57, рис. 2, 4; А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА; № 82, 1960, стр. 188, табл. III, 11; Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 296, рис. 11, 18.

⁴ Э. А. Симонович. Орнаментация черняховской керамики. МИА, № 116, 1964, стр. 300, рис. 17.

⁵ L. Gajewski. Badania nad organizacją produkcji pracowni gancarskich z okresu gzymskiego w Иголоме. «Archeologia Polska», t. III, zes. I. Warszawa — Wrocław, 1959, str. 130, Rys. 7; str. 149, Tabl. XI.

⁶ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 20—27; Э. А. Симонович. Египетские вещи в могильнике Неаполя скифского. СА, 1961, № 1, стр. 270—273.

бениях I—II вв. н. э. Форма кувшина из погребения восходит к античной керамике, которая встречается иногда в скифских и позднесарматских захоронениях⁷, а северная ориентировка и одиночные погребения также известны в пределах распространения сарматских памятников, в особенности в районах Днепровской лесостепи⁸.

В то же время отсутствие кургана на месте находки, типичный для более ранних черняховских памятников с северной ориентировкой гончарный серолощенный кувшин не исключают принадлежность обнаруженного в с. Могильно захоронения к культуре полей погребений.

---

⁷ Є. Ф. Покровська. Розкопки коло с. Макиївки АП УРСР, т. II. Київ, 1949, стр. 132, табл. II и 5; М. І. Вязьмитіна, В. А. Іллінська, Є. Ф. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани Біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». АП УРСР; т. VIII. Київ, 1960, стр. 72, рис. 58, 7.

⁸ Є. В. Махно. Розкопки, пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яні АП УРСР, т. IX. Київ, 1960, стр. 37; М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.—I в. н. э. СА, 1961, № 1; стр. 107.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ГОНЧАРНАЯ МАСТЕРСКАЯ III—IV вв. н. э. В ЖУРАВКЕ

В Журавке ольшанской в 1963 г. впервые на поселении черняховской культуры была открыта мастерская гончара¹. Она интересна для выяснения технологии производства местной среднеднепровской керамики позднеримского времени. Раскопки восточной части древнего поселения дали находки двух гончарных печей и позволили предполагать здесь наличие своего рода гончарного «конца». Мастерская гончара была расположена к юго-западу от гончарной печи № 2 на расстоянии около 3 м. Культурный слой на исследованном участке достигал 0,50—0,60 м. В подстилающей материковой глине отчетливо были видны пятна углубленных в землю построек и ям. Между гончарной печью и постройкой было найдено скопление глины красноватого цвета, размерами 2 × 1 м. Неподалеку от южного угла топочного помещения перед гончарной печью № 2 были обнаружены нижние части двух больших сероглиняных гончарных сосудов, по-видимому, употреблявшихся при гончарном производстве. Может быть, в них хранился запас воды, необходимой при формовке сосудов и при замазывании свода печи перед обжигом.

Постройка имела неправильно прямоугольную форму (рис. 46, 47). Глубина в северной части — до 0,40 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, т. е. параллельно гончарной печи № 2 и принадлежащей ей постройке, где находилась топка. В восточном углу мастерской гончара был полукруглый выступ, обозначавший место входа. В западной части постройка расширялась. Здесь у развала глины на полу стоял сероглиняный гончарный большой горшок, украшенный по плечикам линейным орнаментом и заполненный красноватой глиной (рис. 48, 7). Размеры постройки 5,27 × 3,05 м — в восточной части и около 4,50 м — в западной. Стенки почти отвесные. Пол — материковый, утрамбованная глина. Особенно ровная площадка пола со следами обжига находилась посередине, возле южной стены. Размер 2,25 × 2,20 м. Форма ее неправильная. На этом месте, по-видимому, производилось подсушивание перед обжигом глиняных сосудов. Скопления гончарной глины были сосредоточены в четырех местах. Прежде всего скопление красноватого цвета глины было отмечено в пределах прямоугольной корытообразной ямы, расположенной в юго-восточном углу. Она была вырыта впритык к стенам постройки и имела размеры с севера на юг 1,90 м, с запада на восток — 1,20—1,25 м. Эту яму окружали следы маленьких отверстий, которые, по предположению А. А. Бобринского, могли быть следами прутьев корзины, окружавшей яму по бортам и увеличивающей ее емкость. Кроме описанного скопления глины, в юго-восточном углу отмечено скопление белой глины возле входа в постройку; у северной стенки по-

¹ См. предварительные сведения о результатах работ в Журавке ольшанской (КСИА, вып. № 94, 1963, стр. 80—83).

стройки, между ямками от столбов, лежали остатки запаса глины оранжевого цвета. Они занимали небольшую площадь, в диаметре около полуметра; самое большое, четвертое скопление гончарной глины занимало весь юго-западный угол. Глина лежала довольно ровным слоем и была

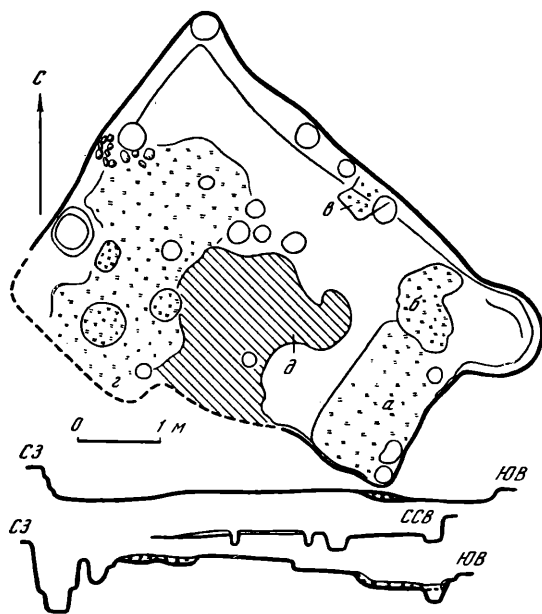

Рис. 46. Постройка № 27 — мастерская гончара в Журавке

План и разрез: а — скопление красноватого цвета глины в корытообразной яме; б — белая глина; в — оранжеватая глина; г — слой красноватой глины; д — ровная, слегка обожженная глиняная площадка

как бы растоптана. Под скоплением в юго-западном углу постройки находилась наполненная глиной яма цилиндрической формы, диаметр 0,62 м, в центре ее было прямоугольное углубление размерами 0,15 × 0,10 м. По заключению А. А. Бобринского, это углубление обозначает место подпятничка гончарного круга. Стенки и дно ямы были покрыты слоем такого же цвета красноватой глины, которая окружала ее и была растоптана на полу. По углам помещения, а также посередине стен и вдоль центральной продольной оси его были ямки от столбов, поддерживавших стену и кровлю. Их диаметр от 0,65 до 0,20 м, при глубине 0,88—0,24 м. В среднем же их диаметр — 0,40—0,20 м, а глубина около 0,30 м. Кроме них, некоторые ямы, видимо, связаны с внутренним устройством помещения (лавок и других сооружений, связанных с гончарным производством). Посередине северо-западной стенки, возле столбовой ямы, было отмечено скопление камней, побывавших в огне. Обожженная площадка-точёк посередине юго-западной стены, и это скопление камней указывает на то, что временами в помещении разводили огонь. Постоянно действующей печи не было, да она и не нужна, поскольку гончар-ремесленник работал в основном в летние месяцы.

Судя по находкам в заполнении гончарного горна и в пределах мастерской, здесь изготовляли и обжигали только посуду, сделанную на круге. Лепную посуду, по-видимому, формовали и обжигали в домашних условиях². Примерно $\frac{3}{4}$ обломков керамики из мастерской гончара принадле-

² В одной из журавских построек (№ 29) в боковой стенке почти рядом были выкопаны две печи, а на полу найдены кучка глины и обломки лепной керамики. Не исключено, что одна из печей служила для обжига лепных сосудов.

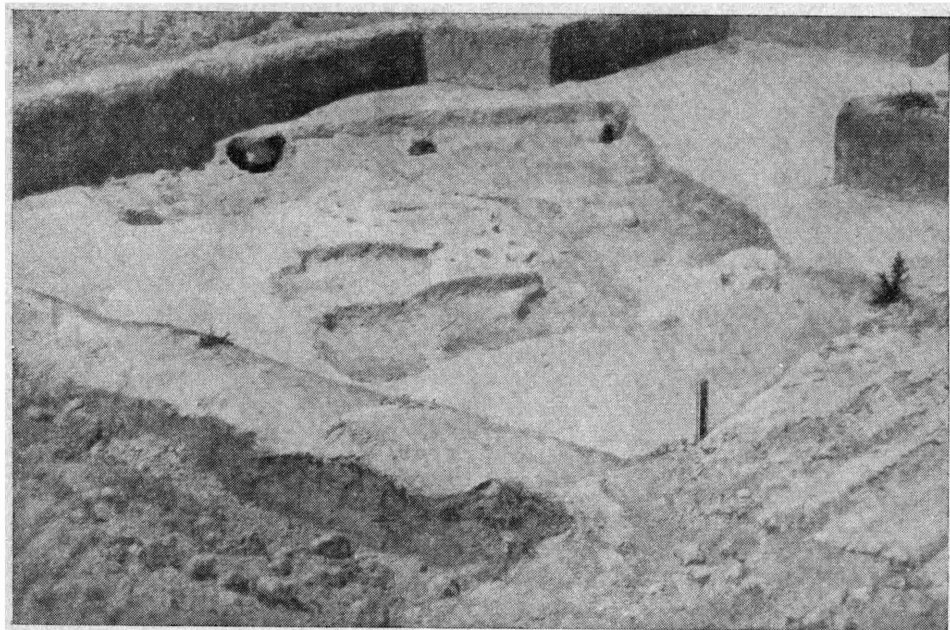

Рис. 47. Помещение № 27 — мастерская гончара (вид с юго-востока)

жали грубой гончарной посуде, т. е. горшкам для варки пищи. Лощеная столовая посуда была представлена мисками открытого и закрытого типов — тарелкообразной и биконической формы. В скоплениях глины были обнаружены обломки сформованных, но не подвергшихся еще обжигу сосудов из тонкой глины, имеющие коричневатый цвет и гладкую поверхность.

Особенно интересны в заполнении постройки находки орудий труда гончара. Так, в двух ямах, расположенных в юго-западной части помещения, были найдены камни-лощила коричневатого цвета прямоугольной и почти квадратной формы, со сточенными гранями и заполированными сторонами. С помощью этих камней покрывали лощением стенки подсушенных, но еще необожженных сосудов (рис. 48, 1, 2, 4, 5). Грубый камень серого цвета неправильно треугольной формы со следами сработанности на остром конце, вероятно, служил для растирания или дробления (рис. 48, 6). Обломок ребра животного со следами сработанности по грани (рис. 48, 8), по-видимому, употреблялся при формовке сосудов на гончарном круге³.

Время существования мастерской и относящейся к ней гончарной печи определяет весь комплекс находок черняховской керамики. Два фрагмента амфор найдены в верхних слоях помещения перед гончарной печью. Из верхних слоев помещения, связанного с гончарным горном, происходит бронзовая фибула подвязного типа с короткой пружиной и широкой спинкой, украшенной фасетками; она тоже относится к периоду расцвета черняховской культуры в III—IV вв. н. э. (рис. 48, 3). Обнаружение гончарных печей и мастерской в Журавке ольшанской помогает объяснить некоторую специфику керамического комплекса памятника и показывает большие масштабы местного ремесленного гончарного производства. Оно было расчитано, судя по величине горнов, не только на удовлетворение нужд жителей Журавского поселения. Сравнение же находок посуды с этого гончарного «конца» с массовым керамическим материалом из журавских

³ Подобная костяная «правилка» опубликована Л. Гаевским (см. «Archeologia Polski», t. III, z. 1. Warszawa — Wrocław, 1959, str. 111, rys. 2. d).

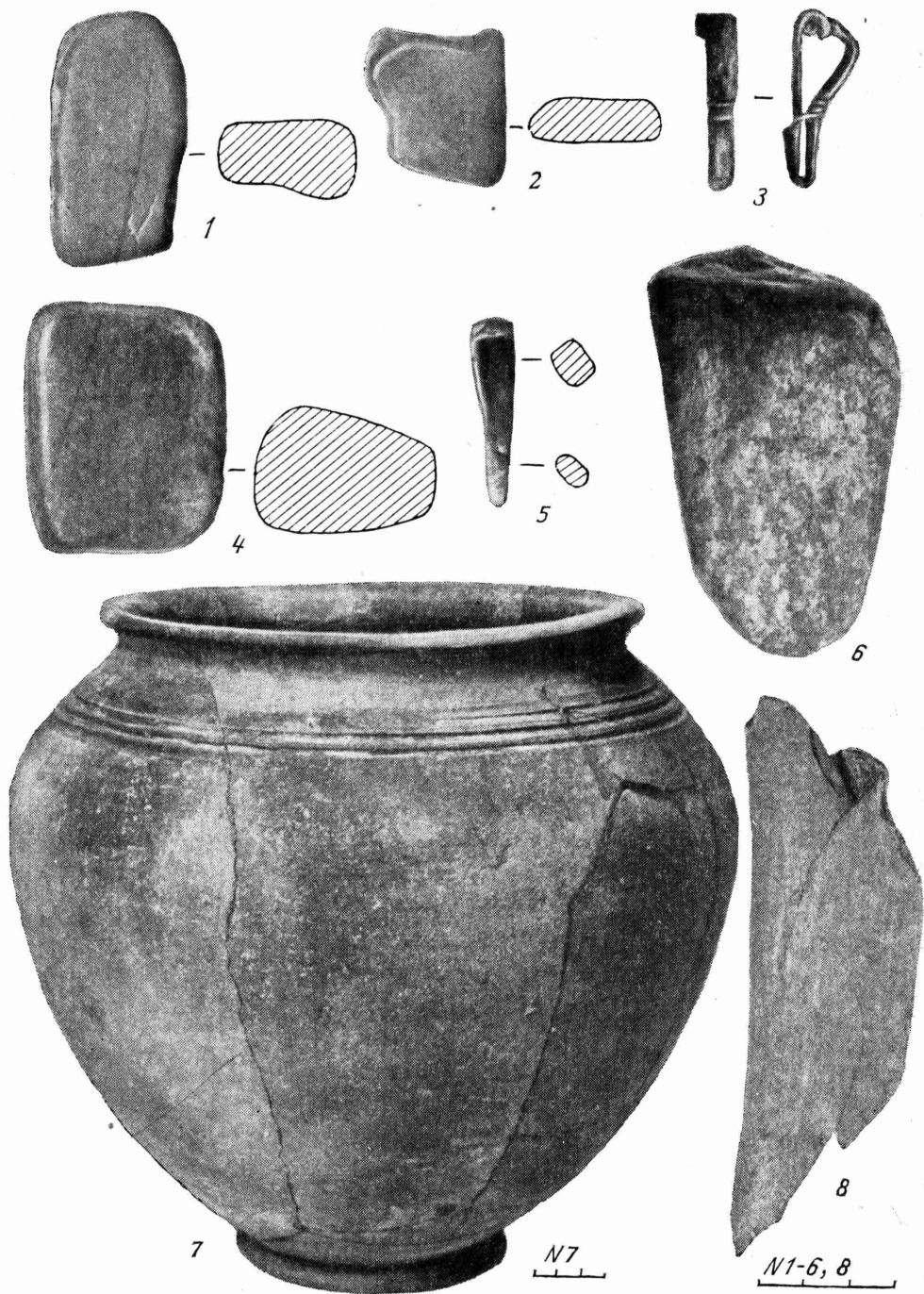

Рис. 48. Находки из мастерской гончара

1—2, 4—5 — камни для лощения посуды из ям в пределах гончарной мастерской; 3 — бронзовая фибула из заполнения помещения, где находилась топка гончарной печи; 6 — камень для дробления или растирания; 7 — сероглиняный гончарный сосуд, содержащий в заполнении красноватого цвета глину; 8 — ребро животного со следами сработанности

полуземлянок, культурного слоя и погребений, наверно, поможет отделить посуду, производившуюся на месте, от привозной, полученной в результате внутриплеменного обмена и торговли, помимо античного импорта, и установить радиус распространения продукции гончаров-ремесленников. Мастерская гончара является первой находкой подобного рода. Ее обнаружение проливает свет на местную технику и организацию производственного процесса в позднеримское время. Это представляет интерес и для социальной характеристики общества черняховского времени. Древний специалист-ремесленник имел мастерскую, не связанную с жильем, сравнительно больших размеров; она была расположена близ горна, где производился обжиг посуды. Эти факты, на наш взгляд, подтверждают мнение о далеко зашедшей специализации и выделении профессионалов-ремесленников из среды рядовых общинников.

Орудия труда гончара, разнообразные глины и даже обломки необожженных сосудов, позволяют в подробностях изучить технологические особенности производства керамики черняховской культуры. Изучение традиционных поселений в Журавке представляет большой интерес для проблемы происхождения черняховской культуры.

А. К. АБЕТЕКОВ

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА
В КУРГАНАХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ
В ДОЛИНЕ р. ЧУ¹

Древняя расписная керамика, выявленная исследователями в разных частях Средней Азии, вызывает большой научный интерес. За последние 30 лет памятникам с расписной керамикой у полукочевых и оседлоземледельческих племен Средней Азии в эпоху раннего железа посвящено несколько сообщений и статей². Предлагаемая статья посвящена находкам расписной керамики в долине р. Чу. По Северной Киргизии известно только два сообщения о расписной керамике эпохи ранних кочевников³.

В 1962—1963 гг. Чуйский археологический отряд⁴, продолжая изучение Чуйской долины, начатое еще в 1961 г., обнаружил в пяти могильниках семь курганов, давших небольшой, но выразительный материал по керамике с росписью.

Могильник Джиланач находится на левом берегу р. Джиланач (близ плотины Чумыш) в 6—8 км к северо-востоку от р. Чу. Курганы расположены на гребне небольшого адыра, на северном склоне невысоких гор, носящих название горы Джиланач. Здесь насчитывается около 15 хорошо заметных курганов, расположенных цепочкой с севера на юг. Высота курганов — 30—140 см, диаметр — 3—19 м. Большинство их сверху покрыто бессистемно расположенными камнями.

Курган 1 — каменно-земляной, сверху покрыт небольшим числом камней разных размеров. Его высота — 140 см, диаметр — 19 м. В центре прямоугольная могильная яма размерами 330 × 120 см, глубиной — 335 см. Ориентирована по линии запад-восток. Она до дна забутована камнями. В заполнении могилы на разной глубине найдены обломки венчика от сильно закопченного сосуда. В западной части ямы венчик от второго красноватого глиняного сосуда с росписью коричневато-красной краской в виде вертикального неширокого треугольника (рис. 49, 8); две золотые проволочные серьги с длинными пустотелыми конусовидными подвесками (рис. 50). В северо-западном углу ямы расположены в беспорядке кости взрослой женщины (судя по серьгам), а в восточной половине *in situ* кости обеих ног. Судя по ним, скелет лежал на спине головой на запад.

Могильник Арчалы расположен в 28 км к югу от г. Фрунзе, на правом берегу р. Арчалы около выхода ее из ущелья в долину Чу.

¹ Доклад, прочитанный 3 июня 1964 г. на заседании Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА.

² Б. А. Латынин. Эйлтанская расписная чаша. КСИИМК, вып. 80, 1960; Н. Г. Горбунов а. К вопросу о расписной керамике Ферганской долины. Сборник ГЭ, № 21. Л., 1961 и др.

³ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4), рис. 24; А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 107.

⁴ Археологическая экспедиция Института Истории АН Киргизской ССР.

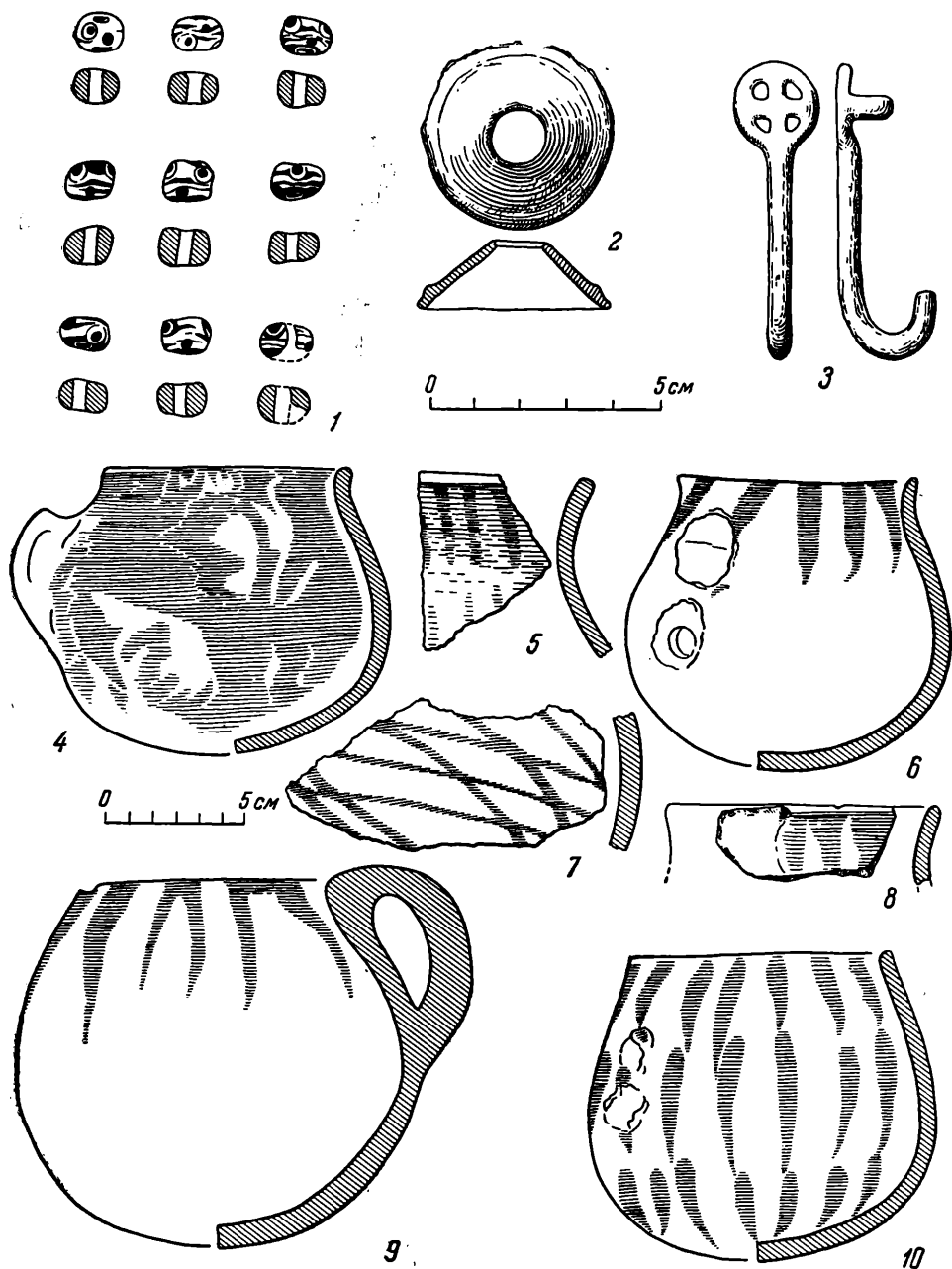

Рис. 49. Находки в могильниках с расписной керамикой III в. до н. э.— II в. н. э.
 1 — глазчатые бусы из могильника Арчалы; 2, 3 — «навершие» и бронзовый крючок из могильника Джарлу-Кайнда II; 4, 9 — сосуды из могильника Узун-Булак I; 5, 7 — фрагменты сосудов из могильника Джарлу-Кайнда II; 6 — сосуд из могильника Арчалы; 8 — фрагмент сосуда из могильника Джиланач; 10 — сосуд из могильника Узун-Булак

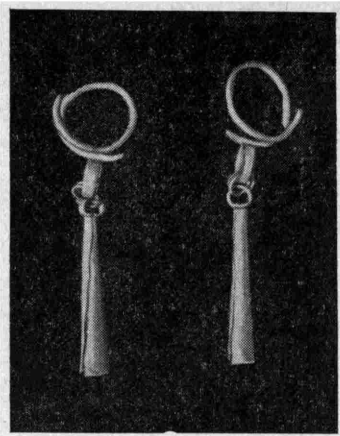

Рис. 50. Золотые серьги из кургана I могильника Джиланач

зу вертикальных полос. В анатомическом порядке сохранились часть таза, берцовые кости обеих ног и кости правой руки. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине головой на запад. В разных частях ямы девять глазчатых бус (рис. 49, 1).

Курган 14 имел земляную насыпь, покрытую камнями. Высота — 90 см, диаметр — 9 м. В центре могила размерами 200 × 60 см, глубиной 120 см. На глубине 90 см на небольшой ступеньке в северной стенке стояли два глиняных сосуда: чаша, а в ней крестец барана и обломок железного ножа, и круглодонный горшок со следами петлеобразной ручки на боку. Горшок расписан подобно предыдущему желтовато-красной краской (рис. 49, 6). На дне лежал костяк взрослого человека, вытянутый, на спине, головой на запад.

Могильник Узун-Булак расположен в 3 км к юго-востоку от речки Иссык-Ата у небольшого пересыхающего ручья Узун-Булак. На пологом склоне горы находится 30 земляных курганов с небольшим числом камней поверх насыпи. Раскопано восемь курганов. В кургане 6 обнаружена расписная посуда. Он имел каменно-земляную насыпь высотой 45 см, диаметр — 8 м. Под насыпью скопление камней по линии запад-восток. Под ними яма с подбоем размерами 220 × 50 см. В подбое лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине, головой на запад. Справа около черепа находился круглодонный глиняный сосуд со следами сломанной ручки, кости барана и обломок железного ножа. Сосуд расписан красновато-коричневой краской в виде каплевидных подтеков (рис. 49, 10).

Могильник Узун-Булак I расположен на 800 м южнее предыдущего могильника в долине ручья. Здесь находится около 50 курганов с каменно-земляными насыпями, расположенных в двух параллельных цепочках с севера на юг. В кургане 2 встречена расписная керамика. Насыпь кургана сложена из земли с камнями наверху (высота — 30 см, диаметр — 2 м). В могиле имелся подбой, где лежал костяк взрослого человека вытянуто на спине, головой на запад. У черепа находились два круглодонных сосуда с петлеобразной и в виде выступа ручкой, кости барана (крестец, позвонки) и обломки железного ножа. Оба сосуда расписаны красно-бурой краской в виде мазков и вертикальных линий (рис. 49, 4, 9).

Могильник Джарлу-Каинда II расположен в 5 км от входа в ущелье Джарлу-Каинда. Он состоит из шести каменно-земляных курганов. Раскопанный курган 5 имел высоту 50 см, диаметр — 8 м. В центре находилась могильная яма размерами 220 × 110 см, заполненная мелким галечником

Курган 6 имел каменно-земляную насыпь высотой 50 см и диаметром 11 м. Могильная яма размерами 220 × 60 см, глубиной 145 см, ориентирована по линии запад-восток. Заполнена камнями. На глубине 120 см в северной стенке ямы, видимо, в специальной нише, найдена чаша с наклепной ручкой. Чаша расписана вертикальными полосами темно-красной краской. На дне костяк взрослого человека лежал на спине, вытянуто, головой на запад.

Курган 12 с земляной насыпью, сверху положено немного камней. Его высота 60 см, диаметр 9 м. В центре находилась могила 180 × 65 см, глубиной 170 см. На глубине 130 см в северной стенке в небольшой нише стояла чаша с носиком и подковообразной ручкой и круглодонный горшок с петлеобразной ручкой. На чаше роспись коричнева-го-красной краской в виде сужающихся книзу

и ориентированная по линии запад — восток. На глубине 150 см найдены обломки костей человека, черепки двух расписных сосудов, бронзовый крючок и «навершие» в виде конусовидного колпачка (рис. 49, 5, 7, 2, 3).

Несмотря на небольшое число находок расписной керамики в долине р. Чу, она вызывает особый интерес. Роспись чуйской керамики проста. Первый тип росписи — грубые полосы, пересекающие друг друга, и вертикальные линии, идущие от устья сосуда ко дну. Второй тип — короткие неширокие треугольники, а иногда каплевидные подтеки, расположенные вертикальной полосой и покрывающие верхние части круглодонных сосудов.

Расписная керамика, сходная с чуйской, встречается прежде всего в разных пунктах Ферганской долины. Как известно, там она существовала на протяжении длительного периода, начиная с эпохи бронзы вплоть до средневековья. В последнее время выделено три основных этапа развития росписи Ферганской посуды: чустский (конец II тыс. — VII вв. до н. э.), актамо-эйлатанский (VI—IV вв. до н. э.) и шурабашатский (III—I вв. до н. э.)⁵.

Для чустского этапа характерна черная роспись по красному ангобу, для актамо-эйлатана — красная по светлому ангобу. Расписывались главным образом полусферические чаши, миски и плоскодонные чаши с выпуклыми стенками. На шурабашатском этапе меняются форма посуды и стиль росписи. Разнообразная по форме шурабашатская посуда покрывается линейными растительными и другими узорами, в орнаменте появляются новые элементы: волнистые линии, штрихи, волоты и др. В шурабашатском этапе такая керамика распространена на востоке Ферганы. В остальной же части долины роспись встречается только в виде грубых полос на отдельных сосудах.

Комплексы чуйской расписной керамики и их несложная роспись находят себе аналогии в керамике второго периода жизни шурабашатского городища, датированного Ю. А. Заднепровским III—I вв. до н. э.⁶ Расписной сосуд из усуньского могильника Бурана⁷ территориально, хронологически и по сходству погребального обряда может быть сопоставлен с нашим комплексом, а по форме, фактуре и орнаментации он находит аналогии в шурабашатской керамике. К нашей керамике более близки два кубкообразных сосуда, найденные на трассе большого Чуйского канала. Их поверхность расписана идущими сверху вниз красными полосами. А. Н. Бернштам отнес их к керамике рубежа сакского и усуньского периодов⁸. Из известной нам расписной керамики, как ближайшие аналогии чуйским, следует отметить пока только единственный горшок из усуньского могильника Унгур-Кора I на р. Или⁹.

Параллели нашей расписной посуде мы находим в расписной керамике из Памирской I и Харгушской курганных групп на Памире. Эти сосуды, особенно чаши, имеют полные аналогии в сако-усуньской посуде¹⁰. Один сосуд с росписью, напоминающей манеру анаусскую, а с нашей точки зрения, скорее всего сходной с манерой шурабашатской и кунгайской расписной керамики, известен в могильнике Шарт II в Алайской долине¹¹. В кунгайском могильнике найден сосуд, поверхность которого разделена вертикальными полосами коричневатой-красной краски¹², который походит на чуй-

⁵ Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. (Автореф. канд. дисс.). Л., 1961, стр. 11.

⁶ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 45; Он же. Археологические работы в южной Киргизии. ТКАЭ, IV, М., 1960; рис. 16, а; рис. 2, 3—6, 17; рис. 21, а и др.

⁷ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 24.

⁸ А. Н. Бернштам. Указ. соч., табл. XI и др.

⁹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 172.

¹⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, № 26, 1952, стр. 310—313.

¹¹ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 200.

¹² Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник. Археологический сборник ГЭ, вып. 3. Л. 1961, рис. 6, 71.

ские сосуды. Кувшинообразный сосуд с вертикальной росписью темно-красной краской, найденный Ю. Д. Баруздиным в могильнике Нура в Алае, также сходен с сосудами из Чуйской долины. Расписная керамика поры ранних кочевников почти с точным повторением мотивов росписи и формы наших сосудов выявлена Д. Ф. Винником в Кампыр-Абадском могильнике на юге Киргизии. Обильное количество керамики с росписью, напоминающей чуйскую, встречается и в нижних слоях раскопок П. Н. Кожемяко в 1964 г. в городище Кампыр-Рабат (Ошская обл.).

По сообщению Ю. А. Заднепровского, шурабашатская керамика, сопоставляемая им с чуйской расписной керамикой, имеет полные аналогии с находками в Восточном Туркестане (около г. Турфан). Эти находки датируются последними веками до н. э.¹³

Сходство погребального обряда и особенно керамики чуйских курганов с буранинскими и семиреченскими говорит о том, что они относятся к той же эпохе, т. е. к III в. до н. э.—I—II вв. н. э.

Подобные курганные захоронения усуньского времени, обнаруженные впервые в могильниках Узун-Булак, Узун-Булак I, находят аналогии в синхронных могильниках Семиречья и Центрального Тянь-Шаня¹⁴. Но из-за слабой изученности памятников Северной Киргизии вопросы хронологии их остаются пока открытыми. Подобные же захоронения на р. Или и в других местах Семиречья относятся ко второму типу погребальных сооружений усуней и датируются I в. до н. э.—I в. н. э.¹⁵ Наблюдается сходство памятников узун-булакского типа с илийскими по устройству могил, стабильной ориентировке скелетов и могильных ям. Можно предположить, что они найдут свое место между грунтовыми ямами в ранних усуньских курганах и подобно-катакомбными захоронениями в курганах типа Кызарт, Гурасу, Айгырджал (Центральный Тянь-Шань), Кенкол (Таласская долина) и Кара-Булак (Южная Киргизия) и др.

Вопрос генезиса расписной керамики и ее распространения в Средней Азии, особенно в Фергане и Чуйской долине, пока еще недостаточно исследован. Однако с известной долей вероятности можно допустить, что расписная керамика в долине р. Чу представляет явление местного порядка. Несложные мотивы росписи в виде грубых полос треугольных подтеков и т. п. являются подражанием росписям керамики оседлоземледельческих племен Ферганы и юга Средней Азии.

Таким образом, обнаруженная в разных пунктах по р. Чу расписная керамика в курганах ранних кочевников в какой-то мере расширяет наши представления о культурных связях кочевых племен в древности. Отсутствие расписных сосудов в усуньских погребениях Семиречья, Центрального Тянь-Шаня и Иссык-кульской котловины, вероятно, можно объяснить пока еще слабой изученностью в археологическом отношении этой территории.

Следует надеяться, что дальнейшее планомерное изучение археологических памятников позволит со временем установить новые факты истории взаимодействия и культурных связей племен Чуйской долины с другими племенами Средней Азии и Казахстана.

¹³ Ю. А. Заднепровский. Указ. соч., стр. 203.

¹⁴ А. К. К и б и р о в. Археологические работы в Тянь-Шане. ТКАЭ. М., 1959. стр. 112—138.

¹⁵ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Указ. соч., стр. 207—208, 244.

Л. В. ЕФИМОВА

ТКАНИ ИЗ ФИННО-УГОРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ I тыс. н. э.¹

Ткани — не частая находка археологов. В силу органического происхождения волокна ткани особенно подвержены разрушению, и те немногие образцы, которые извлечены при археологических раскопках, представляют собой ценный источник, позволяющий воспроизвести картину ткачества, одного из древнейших и распространенных ремесел².

Текстильные находки из раскопок Кошибеевского, Кузминского, Армиевского, Курманского, Крюково-Кужновского, Томниковского, Лядинского, Подболотьевского, Максимовского, Муранского и других могильников I — начала II тыс. н. э.³ позволяют осветить вопросы, связанные с ткачеством у финно-угров. Хотя материал охватывает весьма широкие хронологические рамки, нужно принять во внимание, что для ткачества в условиях домашнего производства характерно сохранение глубоких традиций, переходящих из поколения в поколение.

В основу изучения текстильных находок был положен принцип технологического анализа сырья, структуры, характера пряжи, обработки поверхности; в тканях определялось переплетение (порядок чередования нитей основы и нитей утка), раппорт переплетения (в отношении количества нитей), плотность (количество нитей в основе и в утке на 1 кв. см ткани), направление крутки нити.

Результаты анализа 250 образцов текстиля показали, что в I — начале II тыс. н. э. изготовлялись разнообразные шерстяные, льняные и конопляные ткани, плетеные и тканые тесьмы-пояса, шнурки и веревки, а также ткани из шелка.

Ткани шерстяные. Ткани из шерстяной пряжи составляют большинство; они делятся на две группы: ткани полотняного переплетения и ткани саржевого переплетения. Остановимся на рассмотрении каждого типа.

Ткани полотняного переплетения. Полотняное переплетение характеризуется чередованием нитей основы и нитей утка в таком по-

¹ Доклад, прочитанный на заседании финно-угорской группы в ИА АН СССР 1965 г.

² А. Э. Заринь. Одежда латгалов по материалам археологических раскопок последних лет. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», т. I. М., 1959; М. Н. Левинсон-Нечаева. Ткачество. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. 33, 1959; А. Нахлик. Ткани Новгорода. МИА, № 123, 1963. Все эти исследования посвящены ткачеству IX—XIII вв. на территории Восточной Европы и интересны для нас как опыт исследования текстильных находок, а также как сравнительный материал.

³ Территория Волго-Окского бассейна (мордва, мещера, мурома) и территория, связанная с расселением Прибалтийской группы финно-угров. Коллекции Государственного Исторического музея, Государственного Эрмитажа, Моршанского и Пензенского краеведческого музеев.

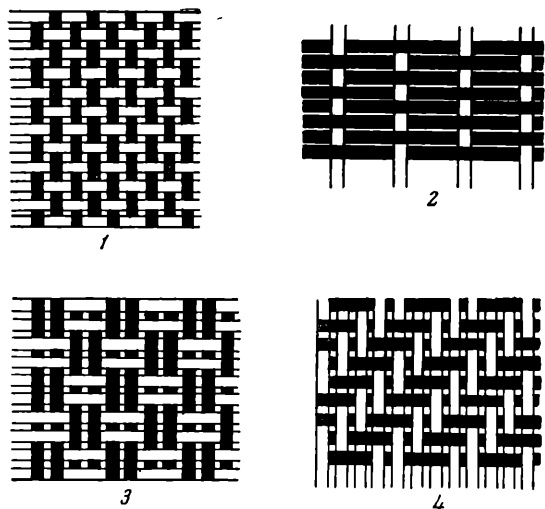

Рис. 51. Схемы переплетений в финно-угорских тканях

1 — полотняное простейшее переплетение; 2 — полотняное переплетение усложненного вида; 3 — полотняное переплетение «рогожка»; 4 — саржевое переплетение

рядке, когда они через одну покрывают друг друга. В создании раппорта участвуют две нити. Поверхность ткани в таком переплетении имеет характер шашечного рисунка, но он может быть изменен в зависимости от степени и направления кручения пряжи и от количества нитей на 1 кв. см ткани по основе и утку (здесь главное в разнице числа нитей). Материал дает возможность выделить следующие варианты.

Ткани простейшего полотняного переплетения с шашечным рисунком на поверхности (рис. 51, 1). Эти ткани представлены 56 образцами. Основа и уток в данных тканях состоят из пряжи, скрученной в одном направлении — справа налево. Ткани различаются

по толщине и окраске. В полотняном простейшем переплетении изготавливались как тончайшие и плотные ткани (например, 17×14 нитей на 1 кв. см), так и грубые ткани (с плотностью 5×4 нити на 1 кв. см). Ткани подвергались окраске либо после тканья, либо ткались из крашенных нитей. Иногда нити имели разный цвет, готовая ткань в таких случаях выглядела пестрой (образец из Томниковского могильника), напоминая известные в народном ткачестве XIX—XX вв. пестряди. Среди исследованных нами образцов встречены ткани с набивным рисунком. Так, ткань Крюково-Кужновского могильника из погребения № 184 имеет узор в виде косях полос, нанесенных темной краской по светло-коричневому тону. В Кошибеевском могильнике ткань подобного переплетения имеет набивной узор, сохранившийся на ткани в виде черной полосы⁴. Это наиболее ранние из известных набивных тканей.

В простейшем полотняном переплетении выполнена ткань из могильника у колхоза «Красный Восток» (VIII в.) со следами валки — единственный экземпляр ткани типа сукна финно-угорских могильников.

Для простейшего полотняного переплетения тканей удалось установить и ширину полотнища — 33 см (образец ткани погребения № 300 Крюково-Кужновского могильника имеет две продольные кромки).

Ткани полотняного переплетения усложненного вида. Структура ткани данной группы отличается от обычных с шашечной поверхностью тканей полотняного переплетения: здесь в одних случаях нити утка очень плотно прибиты одна к другой, что возможно за счет разреженности нитей основы. При данном построении ткани нити основы полностью закрываются уточными, ткань напоминает ковровую, изготовленную в так называемой паласной технике (рис. 51, 2). В других случаях в ткани закрыт уток и на поверхности оказываются лишь основные плотно навитые на навой нити. У таких тканей поверхность приобретает зернистую фактуру, усиливающуюся в случае круто спряженных нитей. В данной группе тканей нити утка (или основы) превосходят нити основы (или утка) вдвое-втрое по количеству на 1 кв. см ткани. Подсчет соотношения нитей утка и нитей основы на 1 кв. см в тканях полотняного переплетения дает интерес-

⁴ М. Н. Левинсон-Нечаева. Указ. соч., образец 79, стр. 18.

ные результаты. Так, в Крюково-Кужновском могильнике ткани полотняного переплетения имеют следующие соотношения: из 25 образцов 9 тканей имеют отношения $\frac{1}{1}$, 12 образцов — $\frac{1}{2}$, 3 образца — $\frac{1}{3}$, 1 образец — $\frac{1}{5}$. В данном комплексе тканей варианта с разреженной основой или утком — 16, обычного полотняного переплетения — 9. Подобное соотношение нитей утка и основы в тканях полотняного переплетения зафиксировано во всех изученных нами могильниках за исключением Муранского XIV в.

Ткани полотняного переплетения «рогожка». Ткани этого варианта были найдены только в одном Крюково-Кужновском могильнике (пять образцов). В данных тканях две нити основы поочередно перекрываются двумя нитями утка, на поверхности образуется своеобразный рисунок в виде плетеньки (рис. 51, 3).

Такие ткани известны также в славянских курганах и в Новгороде. Учтявая технику изготовления, ткани из финно-угорских могильников мы относим к тканям местным. В этом отношении очень важна находка ткани из погребения № 206, где саржевое переплетение в елочку (техника финно-угорская) переходит в переплетение типа «рогожки».

Ткани «ажурные» (рис. 52, 2). Девять фрагментов тканей, выполненные в полотняном переплетении, имеют просветы в виде полос и клеток. Это так называемые ажурные ткани, неоднократно привлекавшие к себе пристальное внимание исследователей, изучавших ткани из раскопок. В работах Л. С. Клейна, М. Н. Левинсон-Нечаевой, А. Нахлика опубликованы находки тканей с узорными просветами и высказаны предположения о способе их тканья. А. Нахлик в работе о тканях Новгорода дает исчерпывающий анализ изготовления подобных тканей. Вслед за М. Н. Левинсон-Нечаевой, он утверждает, что в этих тканях ажур образовался не в результате замысла ткача, а за счет распада холщовых нитей, участвовавших в организации узора. Первоначально ажурные ткани были сплошными. Эти утверждения были основаны на этнографических аналогиях XIX в. Неопровержимым доказательством этой гипотезы являются находки клетчатой «ажурной» ткани в Ефаевском могильнике X—XII вв. (рис. 52, 1). Ткань этого могильника была найдена плотно прилегающей к войлоку; при отделении ткани на войлоке были замечены нити растительного волокна (конопли) как раз в том месте, где в ткани были просветы. Данная ткань первоначально имела сплошную поверхность с узором в виде клеток, который получился в результате чередования в определенном порядке шерстяных и конопляных нитей в основе и в утке. В дополнение к принятой реконструкции «ажурных» тканей мы считаем возможным обратить внимание на следующее обстоятельство. Любой краситель в какой-то мере разрушает пряжу. Наиболее губительна для нитей черная краска; на памятниках древнерусского шитья XII—XVII вв. почти не сохранились детали, шитые черными нитями. Более близким примером этого является ткань Кошибеевского могильника, где сохранились неокрашенные нити растительного волокна, а окрашенная шерстяная пряжа местами выпала вовсе (экземпляр выставлен в отделе экспозиции ГИМ). Итак, ткани с узорными просветами полотняного переплетения, найденные в финно-угорских могильниках, представляют собой образцы сплошной ткани, в которых вследствие длительного пребывания в земле выпали определенные нити, участвовавшие в узоре.

Все находки так называемых ажурных тканей приходится на могильники, определяемые исследователями как мордовские: Крюково-Кужновский, Лядинский, Ефаевский, Муранский. Время их — вторая половина I — начало II тыс. н. э. В славянских курганах X—XIII вв. находки «ажурных» тканей — обычное явление. В Новгороде они датируются временем после XII в. Таким образом, какое-то время «ажурные» ткани существовали одновременно и у мордвы, и у славян. В силу ограниченного числа находок более широкие выводы пока невозможны, но обращает внимание на себя тот факт, что в двух могильниках — Крюково-Кужновском и Лядинском — находки

«ажурных» тканей характеризуются более ранним временем, чем славянские. Это, во-первых, дает возможность утверждать, что «ажурные» ткани в мордовских могильниках появились самостоятельно и, во-вторых, наводит на мысль о мордовском влиянии на возникновение этих тканей у славян. Последнее мы выдвигаем в качестве гипотезы.

Итак, мы рассмотрели ткани полотняного переплетения. Особое внимание мы обращаем на группу тканей с ковровой и зернистой поверхностью. Присутствие этих тканей во всех исследованных нами могильниках дает возможность считать их наиболее характерными для финно-угорских племен. Дальнейшая работа в направлении изучения соотношения нитей утка и нитей основы на 1 кв. см ткани в славянских и других тканях может дать интересные сравнительные результаты.

Ткани саржевого переплетения. В тканях саржевого переплетения перекрытие нитей основы и утка происходит со сдвигом, на поверхности ткани образуются полосы — «диагонали» (рис. 51, 4). Для финно-угорских тканей характерен раппорт переплетения $2/2$, в создании раппорта участвуют четыре нити. Ткани саржевого переплетения составляют 43% всех тканевых образцов. Они разнообразны и отличаются друг от друга не только цветом и толщиной, но и вариациями ткацкого узора. У финно-угров I — начала II тыс. н. э. для изготовления одежды употреблялись простые саржи с рисунком в виде параллельных диагоналей и так называемые «ломаные» саржи.

Простые саржи имеют характерную рубчатую поверхность, которая усилена в некоторых экземплярах особым подбором нитей в утке и основе (степень и направление крутки влияют на рисунок саржи). Густота нитей в основе и утке влияет на расположение диагоналей. Встречены экземпляры (Лядинский могильник), в которых рубчик идет почти вертикально. Интересны ткани, в которых основа и уток различны по цвету. На поверхности такой ткани выступают полосы одного из двух цветов. Особенный интерес представляет группа тканей саржевого переплетения $2/2$ с нарушением в определенных местах ритма чередования нитей основы и утка — ломаная саржа с узором в виде «елочки» и ромбов (рис. 52, 3). В тканях мордвы, мещеры, муромы они встречены в количестве 30 экз., что составляет около 40% тканей с саржевым переплетением (или 16% от общего числа текстильных находок). Аналогичные ткани встречены на территории прибалтийской группы финно-угров — в курганах Залахтовья, приписываемых води, в юго-восточном Приладжье; известны подобные ткани и у собственно финнов. В списке тканей, опубликованных у М. Н. Левинсон-Нечаевой в работе «Ткачество» по материалам находок из славянских курганов, — подобных нет. В Новгороде из 461 экз. текстильных находок только пять тканей в «елочку» или — 1% всех находок, в Гданске — 4% находок. На территории Волго-Окского бассейна эти ткани появились не позднее VIII в. Уже в Курманском могильнике и могильнике у колхоза «Красный Восток» найдены образцы шерстяной ткани в «елочку». Находки из Гданска, Бирки, Волина датируются IX—X вв., Новгорода — X в. Ткани данного типа четко вписываются в границы расселения финно-угорских племен как на территории Волго-Окского бассейна, так и в районах расселения Прибалтийских финно-угров. Интересно отметить, что в материалах из раскопок курганов в Чельмужах (карелы) найден фрагмент ткани саржевого переплетения в «елочку». К группе ломаной саржи в «елочку» относятся ткани с рисунком в виде концентрических ромбов. Принцип создания ткацкого узора здесь тот же. Различие состоит в следующем: в тканях в «елочку» зигзагообразный рисунок занимает всю поверхность ткани, в ромбовидной сарже зигзаги распределены горизонтальными полосами: если в первой полосе зигзагообразная линия идет снизу вверх и слева направо, то во второй полосе — сверху вниз, соединяясь в зигзагообразные линии, образуют концентрические ромбы. Ромбовидные саржи найдены в Подболотьевском могильнике VII—XI вв.,

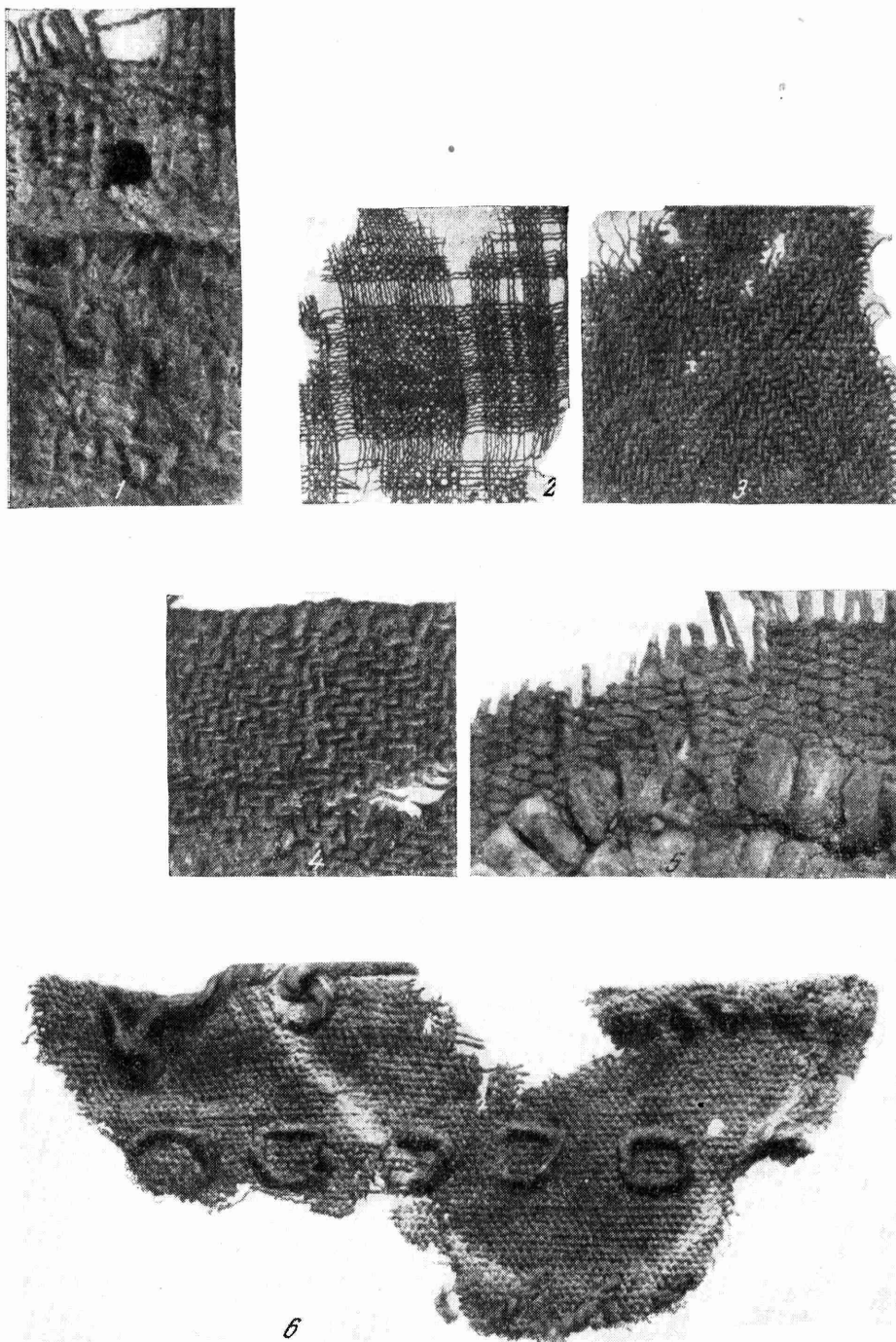

Рис. 52 Текстильные находки из финно-угорских могильников

1 — «ажурная» ткань (Ефаевский могильник) — следы растительного волокна на войлоке; 2 — «ажурная» ткань (Мурановский могильник); 3 — ромбовидная саржа (Подболотьевский могильник); 4 — саржевая ткань с кромкой в рубчик (Подболотьевский могильник); 5 — полшерстяная ткань с посконной основой (Кошибеевский могильник); 6 — образец вышивки (Курманский могильник)

в Курманском могильнике VII—IX вв. Ткани различны по толщине, окраске, плотности (10×9 , 27×20 , 14×8 нитей на 1 кв. см ткани). Ткани данной группы изготовлены из крученой в направлении справа налево шерстяной пряжи. По манере обработки пряжи и тканья они не выделяются из группы тканей, которые мы относим к местным. Такова группа тканей саржевого переплетения. Укладывается ли эта группа в какие-нибудь определенные хронологические рамки? В начале I тыс. (Кошибеевский) эти ткани отсутствуют, но уже в Кузминском могильнике и Серповом (середина I тыс.) они зафиксированы. Далее этот вид тканей прослеживается во всех могильниках до Ефаевского (поздняя дата — XII в.). В Муранском могильнике XIV в. эти ткани отсутствуют. Интересно, что для Новгорода характерна смена переплетения саржевого на полотняное во времени, которое совпадает со временем в наших могильниках (поздняя дата). А. Нахлик объясняет эту смену изменениями в технике тканья. Возможно, что это наблюдение можно распространить и на наш материал (мы имеем в виду отсутствие тканей саржевого переплетения в поздних могильниках — Муранском).

Итак, ткани саржевого переплетения были широко распространены у финно-угорских племен. Тип тканей «ломаная» саржа мы относим к числу этнических признаков, определяющих их финно-угорское происхождение.

Ткани из растительного волокна (льняные, конопляные). Среди тканей финно-угорских могильников льняные и конопляные ткани составляют незначительный процент.

Нам известно шесть фрагментов льняных (конопляных) тканей и два фрагмента полушерстяных тканей с конопляной основой. Эти образцы говорят о высоких навыках ткачества.

Так, ткань Кузминского могильника отличается гладкой поверхностью, тониной, плотностью (25×10 нитей на 1 кв. см тканей). Нити ровные по толщине, выпрядены некруто. Ткань сохранила блеск, характерный для льняной пряжи. Подобные ткани типа холста встречены в Крюково-Кужновском могильнике (плотность 25×15), в Муранском могильнике (плотность 20×16 , 16×16 , 16×18 нитей на 1 кв. см ткани). Все встреченные образцы без следов окраски, с несколько сероватой поверхностью. В данной группе тканей большой интерес представляют два образца полушерстяной ткани из Кошибеевского могильника (рис. 52, 3). В структуру этой ткани входят грубые конопляные и шерстяные нити. Нити основы растительного волокна ссучены вдвое, не окрашены. В утке шерстяная нить также скручена, нити окрашены, в ткани — основные нити разрежены, уточные — пропущены часто и их ряды плотно прибиты один к другому; на поверхности этой ткани видны лишь уточные шерстяные нити в виде сплошного покрова (ткань выполнена в полотняном переплетении, плотность ткани 8×30 нитей на 1 кв. см).

Подобные ткани известны среди этнографических памятников. Так, полевая ткань из дер. Ушинки Земетчинского района Пензенской области (конец XIX — начало XX в.), хранящаяся в отделе тканей ГИМ, имеет точно такую же структуру в виде посконной основы и шерстяного утка, заполняющего поверхность ткани. Для Пензенской, Тамбовской областей — районов, входящих в круг нашего исследования, изготовление одноцветных (синих, красных) так называемых тяжелых понев представляет типичное явление и относится в этнографии к древним типам. Ткани Кошибеевского могильника являются замечательным примером сохранения древних традиций ткачества, передаваемых из поколения в поколение на протяжении тысячелетия. Такова группа тканей, в структуру которых входят растительные волокна — лен и конопля. Приемы обработки пряжи говорят о местном производстве, а высокое качество образцов, которое могло быть достигнуто при условии повседневного (обычного) изготовления этого типа тканей, — о распространении этих тканей у финно-угров I — начала II тыс. н. э.

Текстильные находки из финно-угорских могильников I — начала II тыс.

Характер пряжи	Переплетение	Вид ткани	Название могильника														Итого	
			Копибеvский II—IV вв.	Кузнецкий III—IV вв.	Армевский IV—VI вв.	Серовой V—VII вв.	Курманский V—VII вв.	Гавровский V—VIII вв.	У колоха «Красный Восток» VIII в.	Подболотевский VII—IX вв.	Кюкково- Куратовский VIII—XI вв.	Томинковский IX в.	Максимовский IX—XI вв.	Дядинский X—XI вв.	Курганы Чемужа	Ефавский X—XII вв.		Муранский XIV в.
шерсть	полотняное	Простейшего переплетения с «шашечным» рисунком на поверхности	—	2	2	—	9	3	2	1	9	9	1	8	3	—	7	56
		Усложненного вида с ковровой и зернистой поверхностью	5	1	2	1	10	—	1	2	16	2	—	—	—	—	—	40
		«Ажурная»	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	1	4	9
		Типа «рогожки»	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	5
	саржевое	Обычная саржа	—	2	—	1	3	3	1	6	17	7	5	2	3	—	—	50
		«Ломаная» саржа	—	—	—	—	1	—	1	7	11	1	4	5	1	—	—	31
конопля, лен	полотняное	Типа холста, полушерстяная	2	1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	3	8
		Из шелка-сырца	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2
шерсть	ткань, плетенье	Тесьма, шнуры	2	2	—	1	7	—	2	2	16	1	—	—	—	—	2	35
		Вышивка	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3
		Всего образцов	9	8	5	3	32	6	7	18	80	20	10	17	7	1	16	23

Ткани шелковые. Шелковые ткани встречены дважды: первый образец — фрагмент одежды из шелка-сырца золотисто-желтоватого тона, швы прошиты темной крученой шелковой нитью, плотность ткани 34×17 нитей на 1 кв. см, нити в виде пасм, ткань несколько разрежена (Крюково-Кужновский могильник VIII—XI вв., погребение 326) и второй образец — фрагмент шелковой тесьмы полотняного переплетения из Курманского могильника. Ширина тесьмы 1,5 см, плотность 44×25 нитей на 1 кв. см ткани. Эти ткани следует отнести к привозным, восточного происхождения, что вполне закономерно в силу отсутствия местного сырья и техники изготовления отличной от местной (нити некрученые, большое количество на 1 кв. см ткани).

В число текстильных находок входит плетеная и тканая тесьма, шнурки, бахрома. Не останавливаясь подробно на рассмотрении этих типов находок, заметим, что большинство из них имеет прямые аналогии в народном ткачестве и плетении XIX—XX вв.

При обилии металлических украшений в костюме финно-угров можно было бы предположить отсутствие вышивки как элемента декора одежды. Но материалы Армиевского могильника дают образец вышивки в виде косях крестов по гладкому полю ткани. В Курманском могильнике мы находим те же кресты и круги, исполненные цветной нитью по гладкому полю ткани полотняного переплетения (рис. 52, 6). В Крюково-Кужновском могильнике, как бы вторя узору ломаной саржи, на ткани вышиты ромбы. Все образцы вышивки выполнены кручеными вдвое шерстяными цветными нитями по шерстяной ткани иного, чем нити, цвета.

Эти находки свидетельствуют о более раннем происхождении вышивки, как украшения ткани, по сравнению с узорным ткачеством (закладная и браная техника). У финно-угров эта техника ткачества в отличие от славян появилась во второй половине II тыс. н. э. (Рыбкинский могильник), но не имела широкого распространения.

Технологический анализ тканей из могильников показал, что финно-уграм был известен вертикальный ткацкий стан. Три фрагмента тканей саржевого переплетения «в елочку» (местного происхождения) имеют кромку в рубчик (утолщение в форме полой трубочки), что является несомненным признаком изготовления на вертикальном ткацком стане (Подболотьевский могильник, Крюково-Кужновский могильник VII—IX вв.) (рис. 52, 4).

В результате технологического анализа оказалось возможным разделить ткани на ряд типов и вариантов. Разнообразие тканевых образцов характеризует степень овладения ткацким искусством у этих племен и определяет этническое своеобразие тканей из финно-угорских могильников.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Л. В. ЕФИМОВОЙ

А. П. Смирнов отметил большое значение проделанной работы. Большое количество рассмотренных образцов позволило проследить эволюцию в технике изготовления. При рассмотрении тканей интерес представляет коллекция П. П. Иванова (в Маршанском музее) в силу того, что в могильных комплексах из раскопок имеется много образцов тканей. При дальнейшей работе следует выяснить пути проникновения шелка.

Н. В. Трубникова отметила, что при дальнейшей работе следует привлечь в качестве сравнительного материала находки из Прикамья.

В. Н. Белицер отметила большое значение проделанной работы. Важно наблюдение об усложнении типа ткацкого станка. Судя по данным этнографии, у мордвы и марийцев самые примитивные ткацкие станки имели горизонтальную основу. По-видимому, истоки горизонтального станка уходят в глубокую древность. Однако вертикальный станок сохранился до настоящего времени для плетения циновок. Автор правильно рассматривает ряд приемов как результат связей со славянами.

Н. В. Тухтина отметила, что при дальнейшей работе следует уточнить хронологические изменения.

III. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРА СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
В 1964 г.

В 1964 г. сектор продолжал работу над рядом проблем раннего железного века и раннего средневековья. В. В. Крopotкинyм начата тема «Черняховская культура и славянские памятники VI—VIII вв. н. э.». Других изменений в тематике сектора не произошло.

На заседаниях сектора прочитаны доклады по истории скифов. Доклад А. И. Мелюковой «Гетская культура Румынии и северной Болгарии» был посвящен взаимоотношениям скифов и гетов. Основные положения доклада: археологические данные свидетельствуют, что геты жили и на левом берегу Дуная, восточная их граница проходила, вероятно, по Днестру. Письменные источники о походах скифов к югу от Дуная находят подтверждение в нумизматике и эпиграфике, но в археологических материалах скифский этнический элемент прослеживается очень слабо. Скифские же влияния в культуре гетов отмечены для периода с VII до III в. до н. э. Но скифы не внесли существенных изменений в культуру местного фракийского населения, ибо, находясь в окружении гетов, они постепенно утратили свои особенности.

На совместном заседании скифо-сарматского и античного секторов был поставлен доклад О. Д. Дашевской «Термин ΤΕΙΧΝ в херсонесских надписях»¹.

Основные положения доклада П. Д. Либерова «Город Гелон Геродота» (23 декабря) сводятся к отождествлению группы из шести городищ у дер. Волошино (Острогожский р-н, Воронежская обл.) с г. Гелоном и к признанию Бельского городища центром царских скифов.

В докладе «Элементы сходства и различия ясторфской культуры и культуры Поянешты-Лукашевка» М. А. Романовская отметила не только ряд общих черт в погребальном обряде, инвентаре и керамике, но и существенные различия в отдельных чертах погребального обряда, орнаментации сосудов, жилищах и т. д. Исходя из этого, докладчица ставит под сомнение единство этноса сравниваемых культур.

Ряд докладов был посвящен истории сармат. В докладе «Ранние кочевники Западной Сибири и северо-восточного Казахстана» М. Г. Мошкова касается вопроса о появлении в прохоровской культуре южной ориентировки и круглодонной керамики, не свойственных савроматам. Южная ориентировка и подбойные могилы известны в некоторых могильниках Казахстана VII—VI вв. до н. э.

¹ О. Д. Дашевская. ΤΕΙΧΝ декрета в честь Диофанта. ВДИ, 1964, № 3, стр. 149—155.

Высказано предположение, что истоки круглодонной керамики Западной Сибири керамики сармат Приуралья следует искать в междуречье Ишима и Тобола.

Доклад М. Садыковой «Сарматские памятники Башкирии» был посвящен истории савромато-сарматской общности на территории Башкирии.

Доклад И. С. Каменецкого «Ахардей и сираки» был посвящен выяснению вопроса об отождествлении Ахардея и границ расселения сираков².

Значительное число докладов было посвящено вопросам истории Восточной Европы в I тыс. н. э. В. В. Кротокиным прочитан доклад — «Экономические связи Восточной Европы с Римской империей и Византией в I тыс. н. э.». Указав, что рассмотрение экономических связей обществ, стоящих на различных ступенях развития, требует учета уровней развития обоих обществ, докладчик уделил много внимания характеристике социально-экономического развития черняховских племен. Докладчик считает, что нельзя говорить о появлении в это время товарного производства и денежного обращения, об отделении ремесла от земледелия; что тезис о высоком уровне земледелия у черняховцев и значительном экспорте зерна не подтверждается имеющимися данными; с середины III в. н. э. наблюдается почти полное прекращение торговых связей с Римской империей. Далее в связи с вопросом о торговле с Византией в V—XI вв. В. В. Кротокин остановился на хронологии и топографии находок византийских монет, серебряных сосудов, резной кости, затронул вопросы о торговле вином в VIII—XI вв. и появлении местной чеканки монет в Восточной Европе в XIII—XI вв.

В докладе «Могилиники черняховского типа в Причерноморье» Э. А. Симонович, основываясь на материалах могильников у с. Викторовки и с. Ранжевого, сделал вывод, что население побережья между Днепром и Днестром является пришлым из области распространения черняховской культуры. Некоторые особенности этих памятников (подбой, каменное домостроительство) докладчик объяснил как результат контакта с сарматизованным и эллинизированным населением Причерноморья. Господство трупоположений в Ранжевом рассматривается как хронологический признак.

В докладе В. Б. Никитиной «Поморская культура» дана общая характеристика этой культуры³.

Доклад И. К. Фролова «К вопросу о выемчатых эмалях мощинского типа» касался этногенеза населения Киевщины, Десны и Верхней Оки. Автор приходит к выводу, что в конце первой половины I тыс. н. э. часть племен юго-восточной Прибалтики и Литвы передвигается в указанные районы, где развивается самобытная культура, уходящая корнями в прусско-литовские центры.

Большой интерес с точки зрения методики представили доклады О. Ю. Круг. Прочитаны доклады: «Некоторые особенности технологии керамического производства с поселения Журовка по данным петрографического анализа»⁴ и «Вопросы классификации лощеной керамики по данным петрографического анализа»⁵. Задачей третьего доклада «Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. н. э.» было выяснение отличий светлоглиняных амфор II — первой половины III в. н. э. от амфор второй половины III—IV вв. н. э. Составив классифицирующее уравнение по датированным материалам Танаиса и Кеп, докладчица применила его при обработке фрагментов светлоглиняных амфор с черняховских поселений.

² И. С. Каменецкий. Ахардей и сираки. Материалы сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 99.

³ В. Б. Никитина. Поморская культура. (Автореф. дисс.). М., 1965 г.

⁴ О. Ю. Круг. Некоторые особенности технологии керамического производства на черняховском поселении Журовка. СА, 1965, № 3.

⁵ Г. К. Круг, О. Ю. Круг. Математический метод классификации древней керамики. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 318—325.

Заслушан ряд докладов, посвященных истории племен лесной полосы Восточной Европы. Ю. А. Красновым прочитаны доклады: «К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР»⁶, «Из истории железных серпов в лесной полосе европейской части СССР»⁷ и «О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы».

В последнем докладе, основываясь на сопоставлении этнографических и археологических данных, Ю. А. Краснов попытался определить древнейшие системы земледелия. Он полагает, что доплужное земледелие нельзя называть мотыжным, ибо мотыга не являлась орудием для первичной обработки земли. Основным и древнейшим орудием такого рода докладчик считает палку для вскапывания, первоначально целиком деревянную, а с эпохи бронзы с наконечником, эволюционирующую в лопатообразное орудие. По мнению Ю. А. Краснова, в лесной полосе бытовали подсечная система земледелия и заложно-переложная система, причем представление о господстве первой до распространения пахотных орудий докладчик считает неверным.

С сообщением «Слой эпохи раннего железа на городище Хулаш» выступил А. П. Смирнов⁸.

В докладе «Отражение культа «великой богини» в орнаменте дьяковских грузиков» А. Ф. Дубынин рассмотрел ряд изображений. Очередность расположения рисунков животных на одном из грузиков он сопоставил с местом этих животных в хозяйстве, установленным по данным остеологии. Изображения женской фигуры в окружении двух мужских А. Ф. Дубынин трактует как отражение культа «великой богини — матери всего сущего». Значительная часть доклада была посвящена попытке расшифровать знаки на грузиках как цифровые обозначения веса грузиков.

В докладе «Система мер длины Троицкого городища Подмосковья» А. Ф. Дубынин, основываясь на размерах сооружений и ряда предметов, выдвинул гипотезу о существовании с конца I тыс. до н. э. установившейся системы мер длины, которую он выводит из греко-византийской системы и считает предшественницей древнерусской системы мер длины.

В докладе «Классификация и хронология костяных наконечников стрел Троицкого городища» Х. И. Крис сообщила о разработанной ею классификации костяных стрел. Разработана относительная хронология типов путем сопоставления со скифо-сарматскими памятниками и Прикамьем, даны абсолютные даты отдельных типов, наиболее древние относятся к IV в. до н. э.

Два доклада были сделаны по истории Средневековья. В докладе «Новое о происхождении башкир» Н. А. Мажитов, опираясь на некоторые новые материалы, остановился на отдельных моментах этногенеза башкир. Керамика турбаслинского, кушнаренковского и романовского типов относится, по мнению докладчика, к одной, турбаслинской культуре. Основное время этой культуры V—VII вв., но наиболее поздние материалы относятся к VIII—X вв. Близость орнаментальных мотивов связывает турбаслинцев с одной из групп древнебашкирских племен. В качестве собственно башкирских памятников Н. А. Мажитов рассматривает Мрясимовские, Ишимбаевские и Старо-Халиловские курганы VIII—IX вв.

В докладе «Средневековая керамика юго-западной Ферганы», посвященном рассмотрению развития керамики V—XII вв., Г. А. Брыкина ряд явлений связывает с общеисторическими процессами в исследуемом и соседних районах.

⁶ Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР. СА, 1965, № 2, стр. 57—74.

⁷ Ю. А. Краснов. Из истории железных серпов в лесной полосе европейской части СССР. См. настоящий выпуск, стр. 18—29. Там же дано и обсуждение доклада.

⁸ А. П. Смирнов. Ранние находки на болгарском городище «Хулаш». КСИА, вып. 102, 1964, стр. 13—17.

В докладе «О назначении керамики со стеклянными вставками» А. А. Бобринский на основании ряда наблюдений и экспериментов делает вывод, что это один из видов производственной магии в гончарстве, возникший на базе производства. Выдвинув тезис о возможности передачи секретов этой магии только по наследству среди родственников, А. А. Бобринский делает ряд выводов этнического порядка. Так, появление сосудов со вставками у сармат он связывает с проникновением в их среду выходцев из Закавказья и т. д.

Наконец, ряд заседаний был посвящен сообщениям об экспедиционных работах и обсуждению подготовленных к изданию работ.

Продолжая работу над плановыми темами, сотрудники сектора провели ряд экспедиций. А. И. Мелюкова вела раскопки поселения и курганов у с. Николаевки (Одесская обл.), П. Д. Либеров копал курганы у дер. Дуровки (Белгородская обл.), О. Д. Дашевская исследовала Южнодонузлавское городище и городище Беяус в Крыму. К. Ф. Смирнов копал курганы у с. Герасимовки (Оренбургская обл.), М. Г. Мошкова проводила разведки в Разуваевском районе Кочетавской области, И. С. Каменецкий копал Нижнегниловское и Подазовское городища (Ростовская Н/Д обл.). Э. А. Сымонич вел работы в Тиллигуло-Березанке (Николаевская обл.) и в с. Ранжевом (Одесская обл.). А. П. Смирнов руководил работой Поволжской экспедиции. Городища Карабулакское и Майда-тепе (Ошская обл.) исследовала Г. А. Брыкина.

И. С. Каменецкий

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ВЭИМП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ДГС — Древности Геродотовой Скифии
ЗОРСА — Записки Отдела русско-славянской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИРГО — Известия Русского географического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН — Казанский филиал Академии наук СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАВГР — Материалы по археологии Восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИЗ — Материалы по истории земледелия
МАМГУ — Музей антропологии Московского Государственного университета
ММ — Минусинский музей
МЭ — Материалы по этнографии
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ПЭРСХ — Полная энциклопедия русского сельского хозяйства
РАЖ — Русский антропологический журнал
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТКАЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УЗНИИЯЛИ — Ученые записки научно-исследовательского института языка, литературы и истории
BMFEA — Bulletin. The Museum of for eastern antiquites
ESA — Evrasia Septentrionalis antiqua

СОДЕРЖАНИЕ

I. Доклады и дискуссии

Д. А. М а ч и н с к и й. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры . . .	3
Т. Н. Н и к о л ь с к а я. К этнической истории бассейна Верхней Оки	9
Ю. А. К р а с н о в. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР	17
А. Д. Г р а ч. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента	28

II. Полевые и лабораторные исследования

К. Ф. С м и р н о в. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области	33
М. Г. М о ш к о в а. Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г.	44
Н. Л. Ч л е н о в а. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы . . .	47
Я. И. С у н ч у г а ш е в. Памятники древней металлургии меди в Хову-Аксы . .	54
Я. А. Ш е р, А. М. П р о к о ф ь е в а. Каменка I — могильник начала тагарской культуры на Енисее (предварительное сообщение)	57
М. П. Г р я з н о в, М. Н. П ш е н и ц ы н а. Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Сарагаш	62
М. А. Д э в л е т. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакассии . . .	70
Х. И. К р и с. Таврские каменные ящики у Гаспры	75
А. И. П у з и к о в а. Новые курганы скифского времени в Белгородской области	80
Д. Б. Ш е л о в. Нижне-Донская экспедиция в 1962—1963 гг.	92
Л. В. А р т и ш е в с к а я. Северное Долбатовское городище юхновской культуры	99
А. Ф. Д у б ы н и н, И. Г. Р о з е н ф е л ь д т. Раскопки Щербинского городища в Московской области в 1963 г.	103
Ю. В. К у х а р е н к о. Из разведок в Полесье	111
Э. А. С ы м о н о в и ч. Погребение I—II вв. н. э. в с. Могильно в Подолии . . .	114
Э. А. С ы м о н о в и ч. Гончарная мастерская III—IV вв. н. э. в Журавке . . .	117
А. К. А б е т е к о в. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу	122
Л. В. Е ф и м о в а. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н. э.	127

III. Хроника

Работа сектора скифо-сарматской археологии в 1964 г. (И. С. Каменецкий) . . .	135
---	-----

Археологические памятники раннего железного века КСИА № 107

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. В. Моиссенко. Технический редактор В. И. Зудина

Сдано в набор 28/X 1965 г. Подписано к печати 24/III 1966 г. Формат 70 × 108/16. Печ. л. 8,75 + 1 вкл. Усл. печ. л. 11,29 + 1 вкл. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 1 300 экз. Т-03872. Изд. № 633/66. Тип. зак. 3558.

Цена 76 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10